

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Gilan State University

CURRENT ISSUES OF THE THEORY AND PRACTICE OF LINGUISTIC CROSS-CULTURAL LEXICOGRAPHY

Materials of the III international scientific conference
on December 5–6, 2014

Prague
2014

Current issues of the theory and practice of linguistic cross-cultural lexicography : materials of the III international scientific conference on December 5–6, 2014. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». – 130 p. – ISBN 978-80-87966-77-8

ORGANISING COMMITTEE:

Golandam Arash Karim, assistant professor of University of Guilan (Iran).

Yagchi Shahnaz Mamed-zade, the head of the department of Russian language at University of Guilan (Iran).

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines the problematic of linguistic cross-cultural lexicography. Some articles deal with questions of linguistic regional geography. A number of articles are covered problems of translation studies. Some articles are devoted to issues of linguoculturology.

УДК 81'374
ISBN 978-80-87966-77-8

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2014.
© Group of authors, 2014.

CONTENTS

I. LEXICOGRAPHY AND TRANSLATION STUDIES

Михалев Г. И.

Субстантивация прилагательных русского языка как предмет лексикографического описания5

Дитятева Н.В.

Проявление системности лексического состава в словарях антонимов и синонимов русского языка16

Зубенко С. Ю.

Особенности перевода и словообразовательного процесса языка манускрипта Войнича.....19

Семенова Е.В.

Лексикографический аспект омогруппы «таай» в якутском языке26

Озмаден Г. И.

Сравнительный анализ говоров Турции и карабахских диалектов Азербайджана28

Ягафарова Г. Н.

О новом типе толковых словарей в тюркской лексикографии34

Волошина И. С.

Параметрический анализ двуязычных естественнонаучных словарей.....38

Федюковский А. А.

О концепции этимологического словаря бизнес-терминологии44

Китанина Э. А., Богуславская В. В.

Проблемы ассимиляции лексических и грамматических заимствований ...45

Гандалоева З. С., Раздуб А. В.

Пути стандартизации и особенности отражения прикладных англоязычных терминологий парфюмерного производства и нанотехнологий в лексикографических источниках.....48

Логачева М. И.

Параметры систематизации семантических отношений в английском фразеологическом фонде.....57

Берлова С. А.

Эпитет в отображении портретной характеристики персонажа (на материале романа «Джейн Эйр»)60

II. LINGVISTIC REGIONAL GEOGRAPHY AND LINGVOCULTUROLOGY

Афинская З. Н., Печатнова Е. Г.

Из опыта изучения лингвострановедческой тематики 64

Исмаилова С.Н.

Теоретическое обоснование изучения вербальной репрезентации
фразеологической картины мира..... 68

Романов А.В.

Описание библизма вавилон с помощью фрейма – сценария 75

محمدزاده شهناز

ضرب المثل ها و نقش آنها در شکل گیری فرهنگ مردم روسیه و ایران 80

دکتر عباس پناهی

سپما تالش شریف

کارکرد های فرهنگی، مذهبی زنان در دوره ناصرالدین شاه قاجار 86

دکتر عباس پناهی

زینب نورزاد

سیاست تجاری روسیه در ایران 94

Рябкова Е. С.

Признаковый состав концептов позитивных
межличностных отношений 102

Отменитова О. М., Цоколь Л. П.

Работа с национально-маркированными единицами на уроках
русского языка как иностранного 108

План международных конференций, проводимых вузами России,
Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Ирана, Казахстана,
Узбекистана, Украины и Чехии на базе НИЦ «Социосфера»
в 2015 году 114

Plan of the international conferences organized by Universities of Russia,
Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Iran, Kazakhstan, Uzbekistan,
Ukraine and Czech Republic on the basis of the SPC «Sociosphere»
in 2015..... 120

Информация о журналах «Социосфера» и «Paradigmata poznání»
Information about the journals «Sociosphere» and «Paradigmata poznání»
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské
centrum «Sociosféra-CZ» 123

Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 128

I. LEXICOGRAPHY AND TRANSLATION STUDIES

СУБСТАНТИВАЦИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ПРЕДМЕТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Г. И. Михалев

Кандидат филологических наук, доцент,
Московский государственный
университет путей сообщения (МИИТ),
г. Москва, Россия

Summary. Based on the analysis of lexical and grammatical characteristics substantivats and lexicographical description of the different dictionaries of the Russian language, the assumption of the legality of replacing the interpretation of lexical meaning of words considered droppings «within the meaning of the noun» to the presentation as an independent entry.

Keywords: lexical meaning, semantic structure, grammatical category, syntactic function, substantivization, dictionary entry, lexicographical tradition.

Коренной ты мой, Выручай же, брат! Ты куда, родной, – Почему назад? Дождь – как яд с ветвей – Недобром пропах. Пристяжной моей Волк нырнул под пах (В. Высоцкий).

Вопрос о частеречной принадлежности подчеркнутых нами слов не лежит на поверхности. *Коренной* – субстантивированное относительное прилагательное в переносном качественном значении, наглядно иллюстрирующее семантическую связь с многозначной структурой, где своё влияние оказывает производящее имя и другие лексико-семантические варианты (центральный, надёжный, сильный, на которого уповаю); *родной* – изначально относительное прилагательное (близкая степень родства, не двоюродный), перешедшее в разряд качественных (дорогой, близкий), употреблено в переносном значении с негативным оттенком (ниже по контексту «кони прядут ушами, назад подают», «выносите, друзья, выносите, враги»). Эти два слова, традиционно употребляемые в качестве субстантивированных прилагательных (*родные приехали*), не являются таковыми в контексте стихотворения, что выявляется только при помощи контекстуального анализа, от которого отвлекает их синтаксическая функция (обращения) и использованный здесь же действительный субстантиват [термин вслед за Е. А. Земской, В. В. Лопатиным] «*пристяжная*».

Переходные явления (функциональная транспозиция) сложно поддаются изучению и научному описанию, так как при этом происходит нарушение существующих общепринятых лингвистических традиций, объясняющих устройство языковой системы. Слово меняет, полностью или частично, лексическое значение, обретает не свойственные ему грам-

матические категории, выполняет непривычные синтаксические функции. Языковая память и история научных изысканий выступают консервативным, сдерживающим фактором, «мешающим» сделать характеризующий явление вывод, нарушающий существующие лексико-грамматические классификации. Внутренняя противоречивость субстантивации прилагательных воплощается в наличие расходящихся теоретических взглядов на природу этого языкового явления. Учёные по-разному отвечают на вопросы, среди которых нас интересует один, весьма существенный для практической лексикографии, – частеречная принадлежность субстантивата. Если субстантивация – это способ словообразования, то термин «субстантивированное прилагательное» отражает диахронию перехода прилагательного в существительные, но не совершившийся факт, когда новое слово должно называться существительным, возможно, «отадъективным существительным» [А. А. Зализняк]. Так мы говорим о существовании отсубстантивных наречий, но не называем их адвербиализованными существительными.

«*Коренны'й, нна'я, нно'е, прил. *Старинный, первобытный, главный. Коренные жители. Коренной слуга.*

Коренно'й, на'го, во образ. существ [двойное подчёркивание везде наше], м. реч. в о д о х о д. Такъ называется тотъ работникъ на баркахъ, которой нанять отъ мѣста, откуда барка отправлена, до мѣста, куда прити должна. На этой баркѣ работники всѣ коренные <...>

Коренна'я ло'шадь. Лошадь запряжённая въ оглобли, или заложенная въ дышло» [18, ч. III: 816–817].

«**КОРЕНЬ**, м. <...> *Корень*, говор. об упряжи, закладка лошади в оглобли, а по бокам их *пристя'жки*. <...> **Коренной**, к корню в различных знач. относящ., но более в знач. переносн. основной, начальный, настоящий, первобытный <...> *Коренная лошадь*, запрягаемая в корень, в оглобли. *Коренной житель*, исконный, не переселенец <...> В виде сущ. **коренной** знач. либо коренной бурлак, либо конь и пр., а **коренная**, ж., лошадь в корню, в оглоблях; волжск., середина или глубь реки, русло, стержень, стрежь, фарватер, матёрая ...» [9, с. 457].

«**КОРЕННО'Й**, ая, ое. 1. Исконный, изначальный, постоянный <...>

5. К о р е н н о' й, ого, м.; к о р е н н а' я, ой, ж., в знач. сущ. То же, что к о р е н н о' й (в 1-м знач.). *То под носом юлит у коренной, То в лоб укусит пристяжной.* Крыл. Муха и Дорожные...» [20 [БАС], т. 5, с. 1417].

Авторы «Словаря русских народных говоров», составляя статью прилагательного «коренной», употребляют помету «в знач. сущ.» десять раз [22, вып. 14, с. 318–320]. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова прилагательное «коренной» в значении «лошадь» не зафиксировано ни в качестве субстантивата, ни в устойчивом сочетании, однако помета «в знач. сущ.» используется достаточно активно [25; см.: нищий, больной, глухой, дежурный, золотой, комиссионные, командировочные, горячее, заливное, земноводные, ископаемые, бывшее и т. д.].

«КОРЕННО'Й, ая, ое <...>

4. *в знач. сущ.* **коренно'й**, -ого, *м.* **коренна'я**, -ой, *ж.* То же, что *к о р е н н и' к* (в 1 знач.).

...* **Коренна'я ло'шадь** – то же, что *к о р е н н и' к* (в 1 знач.)...» [21 [МАС], т. 2, с. 102].

«КОРЕННО'Й¹, -а'я, -о'е. 1. Изначальный исконный. *К. горожанин*. 2. Касающийся самых основ, корней чего-н., самый главный, решающий. *К перелом. К. вопрос*. ***Коренные зубы** – задние пять зубов с каждой стороны обеих челюстей.

КОРЕННО'Й², -а'я, -о'е. 1. О лошади: запряжённый в корень, идущий в корню'. *К. жеребец. К. пара*.<...>. 2. **Коренно'й**, -ого, *м.* То же, что *коренник* [лошадь в корню, в отличие от пристяжных. *Идти коренником*]. //ж. **коренна'я**, -ой (ко 2 знач.)» [15, с. 274]. Из словарной статьи исчезла помета «в знач. сущ.», но существительное *коренной* осталось в рамках семантической структуры многозначного прилагательного, что оставляет вопрос о статусе субстантивата открытым.

Большая часть субстантиватов, зафиксированных в словаре Г. Я. Солганика, посвящённом лексике и фразеологии отечественной публицистики, толкуются традиционно, хотя есть и редкие, но, на наш взгляд, значимые, исключения:

«**ЗЕЛЁНЫЕ**, -ых, *мн.* (*ед.* зелёный). Участники общественного движения защиты окружающей среды, выступающие за сохранение экологического равновесия на земле. *Движение зелёных, партия зелёных, зелёные Финляндии, местные зелёные*.

ЗЕЛЁНЫЙ, -ая, -ое; *зе'лен, зелена', зе'лено, зе'лены и зелены'*.

1. Цве'та травы, листвы.

2. Поросший растительностью; образованный зеленью. *Зелёный навес, зелёная дорожка, зелёный ковёр* <...>.

3. *Перен.* Очень юный, не достигший зрелости; неопытный вследствие молодости ...» [24, с. 235; аналогично – *лёгкие*].

Всего в книге на 10 000 словарных единиц приходится около 40 субстантиватов, помета «в знач. сущ.» использовалась 15 раз.

Ср. значение прилагательного *зелёный* в первом издании толкового словаря под ред. Д. Н. Ушакова: «**ЗЕЛЁНЫЙ** <...> 8. *в знач. сущ. зелёные*, ых, *ед.* ый, ого, *м.* Крестьянские отряды во время гражданской войны 1919–1920 гг., составлявшиеся из дезертиров и ведущие борьбу, гл. обр. против белых, действуя в тылу у них, но также иногда и против красных, являясь в этом случае орудием кулачества (название оттого, что скрывались в лесах; нов. истор.)» [цит. по 5, с. 100].

Анализируя разные по времени создания толковые словари русского языка и разные их издания, дополненные и переработанные, можно выявить языковую историю лексики *коренной*: от употребления в качестве прилагательного; прилагательного в устойчивом словосочетании; затем, с

усечением определяемого имени, в качестве двузначного субстантивата; одного из значений полисемной структуры; до частичного выхода из этой структуры в качестве омонима и перехода в пассивный словарный запас.

История лексикографического описания субстантиватов толковыми словарями отражает развитие и становление предметности анализируемых слов, с одной стороны, с другой – этапы теоретического осмысления процесса субстантивации: а) «прил.»; б) прил. в уст. сочетании; в) «в образе сущ.», «в смысле сущ.», «в знач. сущ.»; г) сущ., но как ЛСВ семантической структуры многозначного прилагательного; д) сущ.; е) сущ., устар.; ж) пассивный запас, возможное отсутствие регистрации. Так, в «Словаре Академии Российской» мы находим субстантиваты в иллюстрациях к слову, сопровождаемому грамматической пометой «прил.»: «*Стра'нный*, нная, нное. Стра'нень, нна, нно. прил. <...> I) Въ Сл. Странствующій, въ чужей странѣ находящійся и не имѣющій въ оной постояннаго жилища. Кулиша ими село скудельниче, въ погребаніе страннымъ. Мате: ХХУІІ. 7. Угощать странныхъ. Снабжать странныхъ» [18, ч. V, с. 851]. Можно сделать предположение, что лексема *странный* в качестве субстантивата закончила своё существование ещё до создания БАС, заменившись суффиксальными образованиями *странник*, *путник*, которые В. И. Даль использует как синонимы прилагательного *странный*. В БАС это значение с первой позиции (Словарь Академии Российской) передвинулось на вторую, МАС представляет его в качестве омонима, в последних изданиях словарей Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой значение не фиксируется вовсе.

Различное толкование словарями одного и того же языкового явления свидетельствует не столько об отсутствии лексикографического единообразия, сколько о развитии теоретической мысли и его практическом воплощении в написании словарных статей.

«Лексикография стремится найти наиболее оптимальные и доступные для восприятия потребителя словаря способы словарного представления всей совокупности знания о языке» [13, с. 3]. Недостаточная разработанность (на момент создания некоторых из цитируемых словарей) теории словообразования, лексикологической проблемы омонимии не позволяет принять логически и лексикографически оправданные решения, продиктованные и подтверждаемые контекстами, т. е. фактами языка, на что указывают авторы БАС в предисловии к пятому тому словаря 1956 года: «... До решения лексикологической проблемы омонимов лексикографическая практика неизбежно будет пользоваться лишь приёмом чисто внешнего и в ряде случаев произвольного дробления слов на омонимы. Редакция не находит возможным становиться на этот путь. <...> В отдельных случаях для более удобного обозрения особыми словарными статьями даются многозначные слова, выступающие в качестве различных частей речи, например слово *как*» [20, т. 5, с. VI].

В трудах классиков отечественного языкознания, заложивших основу для дальнейшего изучения языковой системы, вопрос о частеречной принадлежности субстантиватов чаще всего не решается однозначно. Н. Греч: «Прилагательные же имена, употребляемые въ виде существительныхъ (например: зодчій, портной, приданое, вселенная), склоняются какъ прилагательныя» [8, с. 52]. А. Х. Востоков, описывая грамматику старославянского языка, говорит об особенностях прилагательного, когда оно «употреблено вместо существительного, напр., безоумне...» [7, с. 46]. А. А. Потебня пишет о существительных, «по внешности» не отличимых от прилагательных [17, с. 42]. А. А. Шахматов рассматривает субстантивацию как «переход в существительные названий признаков» [27, с. 455]. А. М. Пешковский отмечает наличие в языке «существительных с окончаниями прилагательных», но здесь же пишет об «употреблении прилагательных в смысле существительных» [16, с. 120], и эта формулировка (созвучная вышеупомянутым) «в смысле существительного» взята на вооружение лексикографической традицией, когда субстантиваты толкуются пометой «в знач. суц.».

Лексикографическая необходимость сделать синхронический «срез» диахронического процесса наталкивается на некое состояние «полупозиции» межчастеречного взаимодействия, когда слово употребляется и как прилагательное, и как существительное, может занимать в предложении позиции субъекта и прямого объекта действия и иметь предметное значение, но сохранять при этом (не всегда полную) парадигму адъективного склонения. В связи с этим толкование «в знач. суц.» может быть понято так: это уже не прилагательное, но еще не существительное. Отсутствие единообразия в лексикографической традиции лишь следствие того, что в теории языка нет единого мнения о лексико-грамматической характеристике этих слов. Одной из причин такого положения можно считать тот факт, что субстантивация – это процесс продолжительный, имеющий свою внутреннюю шкалу измерения: полная и неполная субстантивация [подробнее см. 3]. Если слово уже не употребляется как прилагательное, то, чаще всего, в словарях оно толкуется как существительное, сопровождаясь характерными грамматическими пометами. Описание же неполной субстантивации получает различные трактовки, как правило, это помета «в знач. суц.», прилагательное в составе устойчивого словосочетания, либо как существительное. Кроме того, детальный анализ особенностей семантики напрямую связан с синтагматикой прилагательных, которая, на наш взгляд, представляется недостаточно изученной. Так, Г. А. Золотова включает в синтаксический словарь «синтаксемы имени прилагательного»: «I. Полные прилагательные: в независимом употреблении – только субстантивированные прилагательные; ср.: «Кроткая» Достоевского; «Безумная» Фета; Булочная; Закусочная; Парикмахерская; Дежурный по станции» [12, с. 346].

Особую значимость приобретает сама возможность нарушения языковой традиции, когда признак становится предметом. В какой-то степени это явление можно объяснить и генетическим родством двух имён: имени существительного и имени прилагательного. Зародившись именно как существительные, в дальнейшем, под действием параллельных законов экономики языковых средств и речевых усилий, некоторые из признаков слов вновь приобретают предметное значение, сопровождающееся, хотя и не в полной мере, необходимыми грамматическими характеристиками. К ним возвращается способность определяться другим прилагательным, занимать синтаксические позиции имени существительного и т. д. Незыблемой (на данном этапе) остаётся только внешняя форма адъективного склонения, удерживающая от полного разрыва деривационных и семантических связей.

Давая какое бы то ни было имя объекту окружающего мира, человек преследует цель выделить его из общего ряда. Поэтому любое имя – это дифференциальный признак или сумма признаков, так же как и наименование действия: одно действие отличается от другого своей характеристикой или признаком, заключённым в лексическом значении (вопрос «что происходит?» синонимичен другому – «какое происходит действие?»). Таким образом, признаковость характерна не только для прилагательных, это отличительная особенность любого знака языковой системы (любая их классификация, прежде всего, даёт ответ на вопрос *какой?*). Большинство лингвистических определений есть не что иное, как описание отличительных характерных признаков. Само слово «определение» – типичная синтаксическая и семантическая функция имени прилагательного. Несложно заметить, что одной из причин, вызывающих разнотолки при анализе субстантиватов, является их адъективное склонение. Такая форма словоизменения позволяет говорить о «гибридности» грамматических характеристик у порядковых числительных, определительных местоимений и глаголов в форме причастия. Академическая грамматика, а вслед за ней и параллельно с ней и лексикография не устанавливают, а лишь описывают законы устройства и функционирования языковой системы. При встрече с исключениями из общих правил, с переходными явлениями, отклоняющимися от общей типологии, учёным приходится принимать компромиссные решения, но чем глубже и полнее исследована проблема, тем меньше возникает сложностей в её описании.

В толковании «в знач. сущ.» содержится внутреннее противоречие, парадоксальность которого заключается в том, что прилагательное в значении существительного должно быть уже существительным, а не прилагательным и, стало быть, иметь свою собственную словарную статью. На самостоятельность таких слов указывает и понимание субстантивации как способа словообразования.

Появившееся при этом новое слово трансформирует не только свою внутреннюю (обозначение предмета), но и внешнюю форму. Окончания прилагательных, не изменяясь графически, по мнению академика В. В. Виноградова, «...становятся окончаниями-суффиксами существительного, переставая быть знаками качества» [6, с. 243].

Для авторов словообразовательных словарей субстантиваты – это имена существительные, образованные морфолого-синтаксическим способом (чаще всего), и анализируются они именно как существительные: «Помета сущ. (существительное) встречается при словах, которые внешне совпадают с прилагательными. Так, существительное учительская (название комнаты: войти в учительскую, сидеть в учительской) внешне совпадает с прилагательным ж. р. ед. ч. им. п. учительская (учительская работа, учительская зарплата). Поэтому в словаре оно имеет помету сущ....; ср. также: ... морожен-ое, сущ.» [26, с. 18]. 69 субстантиватов, сопровождаемых пометой «сущ.» в «Школьном словообразовательном словаре русского языка» под ред. А. Н. Тихонова, распределяются по разным ЛСГ следующим образом: «лицо» – 31, «помещение» – 15, «термины» – 11, «отвлечённые сущ.» – 4, «прочие» – 8. В «Школьном словообразовательном словаре», составителем которого является Е. В. Амелина, среди 15 субстантиватов 5 имеют значение «лицо», 4 – «помещение», 5 – «прочие» [28]. М. В. Бакланова и О. С. Вехова в «Словообразовательном словаре современного русского языка» помету «сущ.» использовали 414 раз. По ЛСГ помеченные существительные распределяются так: «лицо» – 133, «помещение» – 42, «отвлечённые сущ.» – 83, «термины» – 111, «прочие» – 45 [23]. Эти подсчёты отражают не только разную степень продуктивности субстантивации в образовании слов разных лексико-семантических групп, но и разные теоретические подходы авторов к составлению словаря, которые по своему усмотрению решают, какие из субстантиватов могут иметь помету «сущ.», какие лексемы (и в каком объёме) можно поместить в словарь, а какие нет. Как существительные подаются субстантиваты и в толково-словообразовательном словаре Т. Ф. Ефремовой [10].

Словари синонимов русского языка, частично совмещая функции словарей толковых, заимствуют у последних и лексикографические средства, используемые при описании субстантиватов: результат полной субстантивации (чаще всего) представлен как существительное, неполной – сопровождается пометой «в знач. сущ.» (как ЛСВ полисемной структуры прилагательного) или имеет собственную словарную статью прилагательного или существительного.

«ГОСТИНАЯ, салон [1, с. 110; аналогично – *прихожая, портной, арестованный, пострадавший, дворецкий* и т. п.].

«РОДНОЙ 1. Кровный /о брате, сестре по отцу: единокровный (уст.) /о брате, сестре по матери: единокровный (уст.) * о родном

ребёнке: плоть и кровь чья; плоть от плоти чьей, кость от кости чьей, кровь от крови чьей (уст. и книжн.) 2. О доме, крае: отчий (уст. поэт. и высок.)

3. См. близкий (2) 4. См. любимый 5. Мн. в знач. сущ. см. родня [там же, с. 471; аналогично – больной, старый, слепой, военный, ученый и т. п.].

«БУДУЩЕЕ 1. Завтра, завтрашний день, будущие времена; грядущее (высок). 2. См. будущность

БУДУЩИЙ, завтрашний, предстоящий; грядущий (высок.); предбудущий (уст.) /о годе, времени года: следующий, наступающий» [там же, с. 51; аналогично – прошлое, данные, животное, заливное и т. п.].

«ГЛАВНЫЙ 1. По положению: высший, верховный, главенствующий, господствующий; наибольший (уст. прост.) /по значению: первый, первенствующий <...> 2. В знач. сущ. см. глава I. 3. В знач. сущ. главное см. суть» [там же, с. 104].

Эти же противоречия в лексикографическом описании субстантиватов сохраняются и в словаре синонимов под ред. А. П. Евгеньевой [19].

Не вдаваясь в анализ содержания синонимических рядов «Большого словаря синонимов и антонимов русского языка» [«воин...; армеец, гвардеец, артиллерист, гренадёр, кавалерист, кирасир, сапёр, улан...» [родовидовые отношения], отметим, что его составитель (Н. И. Шильнова) полностью отказалась от использования пометы «в знач. сущ.», однако позиции, занимаемые субстантиватами, остались прежними: «**больно'й**, болезненный, недугующий, недужливый, недужный, нездоровый, немощный, развинченный, расстроенный, расслабленный, страждущий, хворый, хилый, чахлый; анемичный, худосочный, чахоточный; пациент; одержимый болезнью. Прот. «здоровый». Ср. «слабый» [3, с. 46]; «**коренна'я**, коренник. См. лошадь [там же, с. 234]; «**лошадь** (верховая, выездженная, вьючная, доброезжая, упряжная), конь (битюк, рысак, скакун, коренник, пристяжная; жеребец, жеребёнок, кляча, кобыла, мерин, пони, иноходец), буцефал, пегас, россинант; одёр; коняга, коняшка (прост.), (плохая) кляча. Подобранный пара или тройка лошадей – закладка, упряжка» [там же, с. 249]; «**коренно'й** см. туземец, туземный [там же, с. 234]; «**ро'дственник**, сородич; родня (разг.); родич (прост.); сродственник, сродник (устар., прост.), (собир.) родня; кровные, родные ...» [там же, с. 525]. Лексемы *родные* в синонимических рядах с доминантой *родной* нет, но и позиция «**родны'е**, см. родственник» отсутствует.

В первом словаре омонимов, составленном О. С. Ахмановой, субстантиватам отведено особое место: «Для придания основной части словаря большей компактности и чёткости функциональная омонимия вынесена в особое приложение. Основанием для такого решения явилось не только и не столько то обстоятельство, что, как показано во вступлении к этому приложению, она принципиально отличается от «морфематической» по существу, но и «открытый» её характер. Под этим понимается то, что этот ряд омонимических отношений принципиально не поддаётся более или

менее исчерпывающей инвентаризации, т. к. по существу любое прилагательное в той или иной форме рода и числа может субстантивироваться. Так, например, существительное *больной* уже полностью можно считать оформившимся, тогда как прилагательное *здоровый*, субстантивируясь в таком, например, сочетании, как «*больные и здоровые*», далеко ещё не достигло этой степени лексикализации» [2, с. 11–12].

«КОРЕННО'Й I – II

Коренной I *прил.* Англ. principal; indigenous, *фр.* prinicipal; autochtone, *нем.* eingeboren; Grund-.

~ *житель*; ~ *вопрос*.

Коренной II *сущ.* Англ. shaft-horse, thil-horse, *фр.* lemonier, cheval lemonier, *нем.* Gabelpferd.

Выпрячь коренного, коренную» [там же, с. 424].

В «Приложении» зафиксировано 128 субстантиватов («лицо» – 68; «помещение» – 8; «отвлечённые сущ.» – 21; «термины» – 5; «прочие» – 26). Отметим, что основным условием выделения омонимов является несоотносимость их лексических значений, тогда как семантическая связь между субстантиватом и производящим его прилагательным зачастую очень тесная.

Как омонимы представлены многие субстантиваты и в «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка: «Омонимы, относящиеся к разным частям речи, но связанные между собой прямой смысловой связью, в некоторых случаях оформляются упрощенно, а именно, их статьи даются через точку с запятой при одном заглавном слове <...> в) омонимия прилагательного и существительного, например: **полице'йский** п За×~; мо» [11, с. 16; аналогично – *православный, испытуемый, больной, посыльный, раненый* и т. п.]. Вместе с тем, грамматические характеристики существительного, склоняющегося как прилагательное, сопровождают словоформы: *суженый, подсудимый, участковый, глухой, домовый, отдыхающий, горячее, горячее, будущее, парадное, мороженое, спиртное, бельевая, столовая, лабиальный, сказуемое* и т. п.

Особо отчётливо в материалах словаря просматривается субстантивация слова в одной из грамматических форм: *пристяжной, родной, мостовой, ночной* – *прил.*; *пристяжная, родные, мостовая, ночное* – *сущ.*; *коренной* – омонимичная пара; *коренная* – *сущ.*

Теоретическая дискуссия по вопросам сущности и объёма омонимии не могла не отразиться и на лексикографической практике. Л. А. Введенская, являясь автором и соавтором многих лексикографических изданий, сравнивая первое и второе издания «Словаря омонимов» Н. П. Колесникова, пишет: «В нём [первом издании] представлены наряду с омонимами омографы и омофоны. <...> Второе издание ... отличается, во-первых, тем, что автор вывел из состава Словаря все морфологические омонимы (*мости, домой, косой, три* и им подобные) ...» [5, с. 186].

В одном из последних лексикографических изданий, в состав которого вошёл словарь омонимов, куда вновь включены и омоформы, и омографы, субстантиваты подаются как имена существительные:

«ГЛА'СНЫЙ

I. Открытый, доступный общественному наблюдению, обсуждению и контролю. *Гласное судопроизводство.* **II.** Звук речи, при своём образовании не встречающий препятствий со стороны органов речи. *Ударные и безударные гласные* [4, с. 718];

ПОКО'ЙНЫЙ

I. 1. Проникнутый тишиной и безмятежностью, ничем не тревожимый (устар.). **2.** Не испытывающий душевных волнений, сильных переживаний (устар.). *Покойные мысли.* **3.** Удобный, уютный, комфортный (устар.). *Покойное кресло.* **II.** Покойник» [там же, с. 762].

Наличие в языке переходных явлений, не до конца оформившихся или только обозначенных, разные потенциальные возможности субстантивации у слов разных ЛСГ и ещё многие другие аспекты межчастеречного взаимодействия лексикографу необходимо осмыслить на теоретическом уровне, чтобы, как следствие, найти наиболее приемлемые практические решения, направленные на поиски способов построения словарных статей, в которых учитывалась бы типология субстантивации как процесса изменения семантики слова, его грамматических характеристик и как способа лексической деривации. При этом очень важно не «подгонять» языковой материал под выявленную общую типологию, а каждый раз анализировать единичное словоупотребление в контексте. «Шевелю кнутом – Бью крученые И ору притом: «Очи чёрные!..» – нарушение грамматической нормы глагольного управления (бую кого? что?) остаётся для читателя незамеченным, так как опущенное определяемое существительное «бока», как прямой объект действия, легко домысливается в силу фразеологической устойчивости самого словосочетания – говорить о субстантивации прилагательного «кручёные» в данном четверостишии никаких оснований нет. Задача словаря при описании лексического значения слов – максимально приблизиться к языковой реальности, но это отражение никогда не станет зеркальным, поскольку слово в словаре и слово в живой речи – это два принципиально разных его состояния.

Достаточно чёткие критерии выделения частей речи в лексикограмматические классы слов позволяют избежать известной доли субъективизма в определении степени субстантивации и устойчивости внутрисловных связей субстантивата с другими ЛСВ производящей его общей семантической структуры. Если слово обозначает предмет, в им. пад. отвечает на вопрос кто? или что? и выполняет синтаксические функции существительного в нескольких контекстах, что мешает ему занять в словаре позицию самодостаточного предметного слова (без обозначения омонимии)? Неполные парадигмы словоизменения у некоторых существитель-

ных (*забвение, опилки*) и глаголов не становятся поводом их перехода из одной части речи в другую, поскольку остаются неизменными все три условия: лексическое значение, большая часть характерных морфологических характеристик и синтаксическая функция. У слов *зелёный, зеленеет* и *зелень* налицо очень тесная связь с единым признаком, но это разные слова разных лексико-грамматических классов, среди которых субстантиват *зелёные* пока не занял своего общепризнанного, лексикографически закреплённого, достойного места.

Толкование существительного в качестве лексико-семантического варианта многозначного прилагательного не только нарушает, на наш взгляд, грамматические традиции, но и существенно искажает соответствие словаря языковой действительности.

Библиографический список

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. Около 9000 синонимических рядов / под ред. Л. А. Чешко. – М. : Сов. Энциклопедия, 1968. – 600 с.
2. Ахманова О. С. Словарь омонимов русского языка.. – 3-е изд., стереотип. – М., 1986.
3. Большой словарь синонимов и антонимов русского языка / сост. Н. И. Шильнова. – М. : ООО «Дом Славянской книги», 2012. – 896 с.
4. Большой словарь трудностей русского языка / сост. В. Ю. Никитина. – М. : ООО «Дом Славянской книги», 2012. – 960 с.
5. Введенская Л. А. Русская лексикография : учеб. пособие. – М. : ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д. : ИЦ «МарТ», 2007. – 352 с.
6. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 2001.
7. Востоков А. Х. Грамматика церковно-славянского языка. – СПб., 1863.
8. Греч Н. Практическая русская грамматика. – СПб., 1834. – 526 с.
9. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. – М. : Эксмо, 2014. – 896 с. : ил. – (Российская императорская библиотека).
10. Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. В 2 т. – М., 2000.
11. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. Ок. 100 000 слов. – 3-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1987. – 880 с.
12. Золотова Г. А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. – М. : Наука, 1988. – 440 с.
13. Козырев В. А., Черняк В. Д. Вселенная в алфавитном порядке : очерки о словарях русского языка. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2000.
14. Лопатин В. В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык: грамматические исследования. – М., 1967.
15. Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : ООО «ИНФОТЕХ», 2010. – 874 с.
16. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – 2-е изд. – М. : Учпедгиз, 1934. – 452 с.
17. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. – Т. 3. / под ред. В. И. Боровского. – М., 1968.
18. Словарь Академии Российской. – Ч. 1–6. – СПб., 1789–1794.

19. Словарь синонимов русского языка. В 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Л., 1970–1971.
20. Словарь современного русского литературного языка. – Т. 1–17. М. – Л., 1950–1965.
21. Словарь русского языка. В 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1985–1988.
22. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. Вып. 1–23; Ф. П. Сорокалетова. вып. 24–33. – М. – Л. – СПб., 1965–1999. – Вып. 1–33.
23. Словообразовательный словарь современного русского языка / под ред. М. В. Баклановой, О. С. Веховой. – М. : АСТ: АСТ МОСКВА; Восток-Запад, 2008. – 399 с.
24. Солганик Г. Я. Толковый словарь. Язык газеты, радио, телевидения. Ок. 10 000 слов и выражений. – М. : АСТ: Астрель, 2008. – 749 с. [3].
25. Толковый словарь русского языка. Ок. 30 000 слов / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Астрель; АСТ; Хранитель, 2007. – 910 с. [2].
26. Тихонов А. Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. – 3-е изд. – М. : Культура и традиции, 1996. – 576 с.
27. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. – 2-е изд. – Л. : Учпедгиз, 1941. – 620 с.
28. Школьный словообразовательный словарь / сост. Е. В. Амелина. – Ростов н/Д. : Феникс, 2014. – 285 с.

ПРОЯВЛЕНИЕ СИСТЕМНОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА В СЛОВАРЯХ АНТОНИМОВ И СИНОНИМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Н. В. Дитятева

*Преподаватель,
Кубанский государственный аграрный
университет, г. Краснодар, Россия*

Summary. This article is devoted to lexical system of Russian language in the dictionaries of synonyms and antonyms. The role of antonyms and synonyms' interrelation is very important because language is the complex system composed of many different levels. The systematic analysis of these levels is one of characteristic features of modern linguistics' development.

Key words: systematics; antonymy; synonymy; lexical composition.

Системное рассмотрение различных уровней языка является одной из характерных черт развития современного языкознания. Системная организация лексики проявляется в наличии в ней множества подсистем, то есть объединений слов, характеризующихся некой общностью значений. Такие объединения слов называются лексико-семантическими парадигмами, а семантические отношения между членами парадигмы – парадигматическими отношениями. Принято выделять определенные группировки единиц, такие как синонимические ряды, антонимические пары, лексико-семантическое поле, понятийное поле, лексико-тематическая группа, лексико-семантическая группа, паронимы, омонимы, гиперонимы, гипонимы и др. Лексическая система языка в отличие от других систем тесным образом связана с экстралингвистическими, то есть внешними факторами,

вследствие чего именно лексическая система языка является наиболее подвижной, так как отражает происходящие в окружающей среде изменения. Это проявляется в появлении новых слов или значений для обозначения тех или иных новшеств и вновь появившихся реалий и в отмирании старых слов или отдельных значений из-за исчезновения каких бы то ни было явлений из нашей жизни. Таким образом, мы можем говорить о том, что словарный состав не является закрытым классом, но, несмотря на подверженность изменениям, лексика языка представляет все же устойчивую и определенную систему [4, с. 12]. Лексическая система, как любая другая, обладает рядом особенностей. Одна из них – это ее сложность, являющаяся одновременно объективной трудностью изучения лексики. Однако сложность лексического состава языка может компенсироваться другой особенностью, связанной с тем, что никогда лексическая система не используется в полном объеме, так как мы всегда имеем дело с ограничением лексики, причем часто очень существенным. В процессе изучения становится ясно, что нет необходимости в том, чтобы дифференцировать далекие по смысловым сферам слова, но следует различать близкие по смыслу слова и изучать, прежде всего, типологию семантических полей, тематических групп, синонимию и антонимию. Получается, что лексическая система состоит из относительно самостоятельных функциональных подсистем, которые определяются типовыми и тематически ограниченными ситуациями. Соотносительная противоположность элементов языка является одним из важнейших проявлений системных отношений в языке. Еще на ранних стадиях развития науки о значении академик Покровский М. М. говорил о соотношении слов и значений. С его точки зрения, слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, а соединяются, независимо от нашего сознания, в различные группы, основанием для группировки при этом служит сходство или прямая противоположность по основному значению [5, с. 82]. В отличие от синонимов сходство значений антонимов проявляется в их противопоставлении в нашем сознании. Одно и то же явление, качество, признак обозначаются антонимичными словами в зависимости от внешней ситуации и от того, с какими словами они соотносятся. При этом одно и то же свойство, качество или оценка, присущие и приписываемые разным реалиям, могут существенно различаться по своей концептуальной значимости. Антонимия включает в себя слова, обозначающие противоположные полюса одного качества, контрастные явления и предметы. Смысловые отношения антонимов с синонимами, свидетельствуют о тесной связи словаря антонимов с другими словарями, и прежде всего с синонимическими. Такие словари взаимно дополняют друг друга и помогают раскрыть и воспроизвести комплексную и целостную картину синонимо-антонимического взаимодействия лексических единиц. Поэтому антонимия не случайно находит дополнительное отражение в словарях синонимов, а синонимия – в словарях антонимов. Многие словари англий-

ского, французского, немецкого и других языков называются словарями синонимов и антонимов, что еще раз подчеркивает связь антонимии и синонимии в любом языке. Наиболее полное описание этих явлений в их отношении к другим лексико-семантическим категориям способен дать идеографический словарь – тезаурус, в котором «слова-понятия» (лексико-семантические варианты слова) располагаются не по алфавиту, а по семантическим полям, «смыслам». Синонимы и антонимы группируются вокруг таких «смыслов», как языковые средства их выражения вместе с другими близкими по значению единицами. Антонимические пары вступают в тесную органическую связь с синонимами и другими словами из одной тематической группы. Рассмотрим отношения антонимов и синонимов на примере фрагмента тематической группы «красота»:

Антонимия

с привлекательность непривлекательность

и великолепие безобразие

и миловидность некрасивость

о красота уродство

и и другие слова тематической группы

и

м

и

я

тематическая группа

Подобные схемы используются во многих словарях. В словаре антонимов рассматриваются их важнейшие словообразовательные связи, т. е. достаточно широкий массив отраженной антонимии, полная систематизация которой – задача особого гнездового словаря. Современное языкознание рассматривает синонимию и антонимию в качестве предельных, крайних случаев взаимозаменяемости и противопоставленности слов по их содержанию. При этом если для синонимических отношений характерно семантическое сходство, то для антонимических – семантическое различие. Несмотря на то, что мы говорим об объединении контрастных слов в пары, одно слово может иметь не один антоним. Синонимические отношения слов позволяют выражать противопоставление понятий в многочисленном ряду, например, *веселый – грустный – печальный, расстроенный; худой – толстый – полный, жирный; конкретный – абстрактный, отвлеченный*. Антонимы способны образовывать целые парадигмы качественных слов, являющихся синонимами, например, *бедный, нищий, скудный, неимущий, несостоятельный, убогий, имущий, денежный, обеспеченный, состоятельный, изобилующий* и т. д.

Следовательно, антонимия и синонимия являются ярким показателем системности лексики, упорядочиваемой в разных направлениях отношениями противоположности и близости слов по их семантическим свой-

ствам. Поэтому при изучении и описании антонимов и синонимов русского языка следует: во-первых, изучать и исследовать антонимию и синонимию как системные и взаимосвязанные явления, а во-вторых, определить их роль и место в лексической системе языка.

Библиографический список.

1. Балли Ш. Французская стилистика. – М. : изд-во иностр. лит-ры, 1961.
2. Голуб И. Б. Розенталь Д. Э. Книга о хорошей речи. – М. : Культура и спорт, 1997.
3. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка. – М. : Аст-пресс книга, 2006.
4. Новиков Л. А. Антонимия в русском языке. – М. : изд-во Моск. ун-та, 1973.
5. Покровский М. М. Семасиологические исследования в области древних языков. – М. : КомКнига, 2006.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ЯЗЫКА МАНУСКРИПТА ВОЙНИЧА

С. Ю. Зубенко

*Преподаватель,
Ставропольский государственный
аграрный университет,
г. Ставрополь, Россия*

Summary. The article considers the question of word-formation process language, which is used to write the Voynich manuscript. The author examines in detail the various options in this process and explains their logical education.

Keywords: translation of ancient texts and manuscripts; the Voynich manuscript; the process of formation.

Манускрипт Войнича – древняя таинственная рукопись, которая всегда привлекала к себе внимание многих желающих расшифровать её. Сплошная загадка, пришедшая из глубины времени. Манускрипт получил своё название по имени антиквара Вилфрида Войнича. Рукопись долгое время находилась в его библиотеке. В настоящее время книга хранится в библиотеке редких книг Бейнеке Йельского университета [2]. Возраст книги учёные определяют примерно в 570–610 лет [3; 4], что попадает на эпоху раннего Возрождения. К тому времени уже образовались устоявшиеся разговорные языки и письмо. Однако язык манускрипта до сих пор остаётся загадкой, и все попытки разгадать его пока не увенчались успехом [5].

Существующая проблема перевода рукописи лежит в «современности» подхода расшифровки и осознания смысла текста. Каким бы ни был любой современный язык, всё равно основная доля слов пришла из далёкой древности. Так же и с языком манускрипта, в нём тоже есть слова, ко-

которые до сих пор употребляются в каком-нибудь современном языке. И мы можем найти их.

Поэтому для решения данной проблемы мы предлагаем ответить на несколько вопросов. Любой язык легко будет понять, если разобраться в них:

1. Каковы особенности образования слов в этом языке?
2. Какие главные сочетания букв языка, которые несут смысл слов?

3. Какова *система ассоциативности* восприятия смысла слов относительно других известных языков?

Мы начнём с самого простого слова, которое до сих пор употребляется во многих языках мира. Это слово **аминь**. Слово, которое знает любой верующий, так как оно всегда произносится в конце молитвы. Значения этого слова – **конец**. И основное сочетание, которое несёт смысл значения слова **конец**, является сочетание **ам**. Теперь мы запишем данное сочетание известными буквами из манускрипта Войнича, которые соответствуют буквам **а** и **м**, получаем – **аѧ** [ам].

Далее составляем таблицу ассоциативности основных сочетаний согласных букв с сочетанием **аѧ**, найденных в тексте манускрипта Войнича.

Таблица 1

Основные слова с сочетанием **аѧ** и их перевод

Сочетание	Транскрипция	Страница нахождения сочетания	Слово ассоциативности	Перевод
ѧаѧ	[бам]	88v	бам (отверстие от удара стрелы)	стрела, наконечник, тыкать, внедряться
ѧаѧ	[вам]	101r	вам пир	зуб, клык
ѧаѧ	[зам]	86v	зам ок	ключ
ѧаѧ	[кам]	75r	ка мень	ребро, рябь, ребристость
ѧаѧ	[лам]	3r	ла минария	часть линии, отрезок
ѧаѧ	[рам]	3r	ра ма	сектор с углом
ѧаѧ	[сам]	100r	са мка	соска, присоска
ѧаѧ	[фам]	100r	фа милия	женское родоначало, женщина

Как видно из таблицы, все слова с сочетанием **аѧ** имеют смысл перевода так или иначе связанного с предметом, имеющим определённое окончание, будь то слово **зуб**, **стрела**, **ключ** и т. д. Правильность наших

рассуждений легче всего проверить в тексте манускрипта. И дальнейшей нашей задачей будет нахождение слов, содержащих данные сочетания.

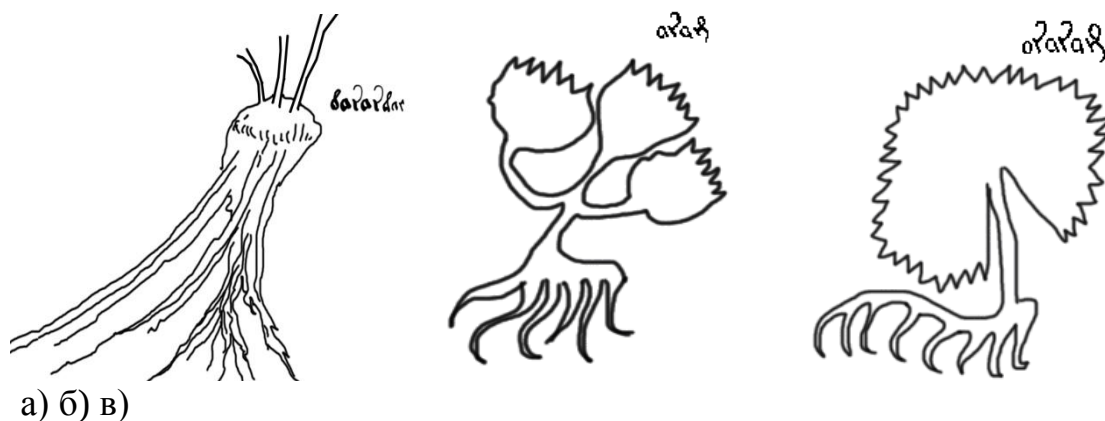

Рисунок 1. Схемы изображения частей растений из манускрипта Войнича

Страница 88v [1] – слово **bavabam** [бававбам] с изображением корневой системы растения (рисунок 1а), которое переводится как «длинно-стреловидные когти». Сочетание **bam** – стрела. Название вполне соответствует изображению корней растения. Страница 101r [1] – **avam** [авам] и **ovavam** [овавам]. Рядом с этими словами нарисованы листья характерной формы (рисунок 1б и 1в). Листья растений, как видно на рисунке, имеют зубчатый край, а также корни с похожими на зубы корешками, что подтверждает правильность перевода сочетания: **bam** – зуб.

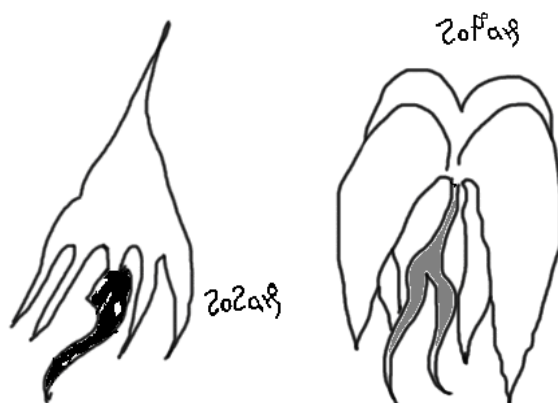

Рисунок 2. Схема изображения частей растений из манускрипта Войнича

Слова **2o2aʃ** [сосам] и **2oʃaʃ** [софам]. На рисунке 2а изображено растение, корень которого, как пиявка, впился в лист. И, пожалуй, в данном случае сравнение вполне соответствует названию **2o2aʃ** – **присоска**. Следующее название **2oʃaʃ** (рисунок 2б), становится понятным, если увидеть корень растения в виде женской фигуры и на голове такой женщины пышная спадающая шевелюра. Название так и переводится **причёска** или **концы волос**. Сочетание **ʃaʃ** – **женщина**. Ассоциативные слова **femme** (франц.) [8] – женщина; **family** (англ.) [6] – семья и фамилия (рус.) [10]. В древней Руси семья, которая имела девять детей и более называлась **фамилия**. Это только подтверждает, что язык, на котором написан манускрипт, не выдуманный, а трансформированный из другого языка.

Теперь рассмотрим процесс словообразования от изначального сочетания. Сочетание **ʃa**, перевод которого имеет смысл слова **гладь**, **гладкий**, и меняется от добавления одной буквы, выраженный в уровне колебаний от **гладкого** до **сверх сильных колебаний**. Для наглядности создадим следующую таблицу.

Таблица 2

Процесс колебаний и его описание языком манускрипта Войнича

ʃa [ка]	Нулевые колебания	
oʃa [ока]	Лёгкие колебания	
ʃaʃ [кам]	Средние колебания	
ʃaʃa [кама]	Сильные колебания	
ʃaʃa 2o ʃoʃa [ка-ма су тора]	Сверх сильные колебания (солнцу подобные)	

На данном примере мы выясняем словообразовательный процесс, который, как и в любом другом языке, идёт от простого образования к сложному. В манускрипте Войнича такая схема «гладкости» полностью соответствует данным сочетаниям, которые описывают состояние поверхности различных частей растений (листьев, корней, стеблей и др.). Слово:

Наба 29 4оса в современном языке звучит, как *камасутра* и в индийском языке имеет свой определённый смысл [11].

Особенности *простого словообразования*. Пример с сочетанием ах [ал] – перевод – *складка*. При добавлении буквы 2 [с] образуется слово 2а 8 [сал] – имеет смысл *кожа, покрытие*. Далее добавляется буква «о» в конец слова и получается 2ахо [сало] – *прослойка*. То самое слово *сало*, которое мы знаем в современных языках. Это древнее слово, сохранившее своё состояние и смысловую нагрузку до сих пор, и переводится, как слово *прослойка*. В манускрипте Войнича эти слова используются в этом же смысле, страница 75r [1].

Ещё одной особенностью простого смыслового образования слов является преобразование слова при замене в основном сочетании гласных букв. Рассмотрим такую ситуацию на примере сочетания 8а [ба] – *оболочка, форма, тело* (таблица 3).

Как видно из таблицы, трансформация слова 8а происходит в физическом трёхмерном восприятии. Все данные значения сочетаний соответствуют переводам в тексте манускрипта Войнича.

Таблица 3

Смысловое изменение значения слова 8а [ба] –
оболочка, форма, тело – в зависимости от замены гласной буквы

Сочетание (русский язык)	Значение слова	Сочетание (манускрипт Вой- нича)	Перевод слов (манускрипт Войнича)
Ба	Внешний облик оболоч- ки	8а [ба]	Оболочка, форма, тело
Бо	Сама оболочка, мем- брана	8о [бо]	Бок, боковой, мем- брана
Бу	Внутренняя часть под оболочкой	8у [бу]	Пустой, полый, дутый

Примеры слов с исследуемыми сочетаниями: 8аиу [байен] – *форма*, страница 4г [1]; 8оф8о [боков] – *боковое расположение (листьев, супротивное)*, страница 100v [1]; 8у 8у 8у [бу бу бу] – *губчатый, пызырчатый*, страница 14v [1]. Последние два сочетания слов из русского языка: *боковой* и *бу-бу-бу* означают *пустой разговор*.

В более сложном образовательном процессе языка рукописи участвуют два и более сочетаний. Этот процесс мы рассмотрим на примере слова 8ф8аиу8аиу [опреобайен], используемого автором рукописи на странице 66г [1]. Данное слово имеет три основных сочетания, участвующих в образовании слова: 8ф [оп] – *ноя*; 8аиу [рео] – *кривизна*,

искривление; **ḡaḡḡ** [байен] – **форма, тело**. При отдельном написании слов и дальнейшем их сложении в смысловую цепь, цельное слово не совсем улавливается, если мы напишем так: «пояс-искривление-форма». Однако при небольшой модернизации написания: «поясное искривление тела», уже просматривается некий смысл слова. А при рассмотрении рисунка, который использует автор, делая надпись с этим словом, нам вполне логично придёт его перевод (рисунок 3).

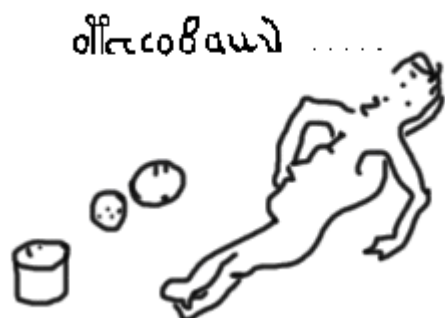

Рисунок 3. Фрагмент изображения на странице 66r манускрипта Войнич

Это слово «оплодотворение». Визуально всегда видно, что происходит с животом женщины, когда плод ребёнка начинает развиваться. Происходит «поясное искривление формы (живота)». В болгарском языке до сих пор слово **оплодотворение** звучит, как **опрашване** [7], сходно по произношению со словом из манускрипта.

А теперь пример особенности перевода при сложном словообразовании, когда смысл читается и понимается в зависимости от двойного наложения смысловых значений основных сочетаний в слове и взаимовлияния букв сочетания на предыдущее и последующее сочетание. Пример слова на странице 88v [1] – **ḡḡḡaḡaḡḡ** [субававу], которое относится к изображению корневой системы (рисунок 4).

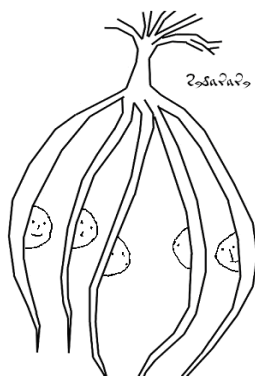

Рисунок 4. Схема изображения корневой системы растения из манускрипта Войнич, страница 88v

В контексте написания слова его можно разделить на три основных сочетания: **су** [су] – *основа*, **бав** [бав] – *коготь*, **аву** [аву] – *удлинение*. Тогда перевод будет выглядеть так: «**длинные когти с основой...**». Какой основой? Но можно разделить это слово на два сочетания: **а[суба]** – *субстрат, питательная среда* и **ваву** [ваву] – *нарост*. Тогда слово переведётся немного иначе – **субстратный нарост**. Особенностью перевода данного слова является перевод по сложной схеме: **су – суа – ба – ваву – аву**, когда смысловые буквы перетекают из предыдущих сочетаний в последующие. И смысл данного слова читается как **долго-стреловидные когти с субстратным наростом**, проще **корни с клубеньками**. В современной науке речь идёт о корнях, на которых имеются клубеньки, с находящимися в них азотофиксирующими бактериями [9]. Поэтому автор изобразил корни растения с лицами.

В результате наших исследований мы пришли к выводу, что словообразовательный процесс в языке, который использовался для написания манускрипта Войнич, и особенности его перевода, идут от смысловых коротких сочетаний, которые при добавлении одной буквы, меняют смысл слова, но остаётся косвенно основной смысл изначального сочетания. Это является ***простым словообразовательным процессом***. В образовании сложных слов участвуют два или несколько словосочетаний, которые при сложении могут давать одно смысловое слово или существительное с прилагательным дополнением. Это ***сложный словообразовательный процесс***. А язык манускрипта Войнич – это сокращённая версия известного ранее языка, скорее всего, древнерусского, так как в тексте много слов, подтверждающих такое происхождение.

Библиографический список

1. URL: www.brbl-dl.library.yale.edu. Манускрипт Войнич.
2. Barbara A. Shailor. Voynich catalog record (англ.). Yale University Beinecke Rare Book & Manuscript Library.
3. Daniel Stolte. Experts determine age of book 'nobody can read' (англ.). Other Sciences > Archaeology & Fossils. Phys.Org (10 February 2011).
4. Daniel Stolte. UA Experts Determine Age of Book 'Nobody Can Read' (англ.). UANews – University of Arizona (9 February 2011).
5. Melissa Hogenboom. Mysterious Voynich manuscript has 'genuine message' (англ.). Science & Environment. BBC News (22 June 2013).
6. Англо-русский, русско-английский словарь. 100 000 слов / сост. Л. И. Гольденберг. – М. : АСТ, 2009. – 112 с.
7. Болгарско-русский словарь. Ок. 58 000 слов / С. Б. Бернштейн. – 3-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1986. – 768 с.
8. Гак В. Г. Французский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Советская энциклопедия, 1990.
9. Майстрейко Г. Г., Гордиенко Н. Я., Сидорова К. К. Сезонная динамика азотфиксирующей активности и ультраструктуры корневых клубеньков растений семейства

- Elaeagnaceae // Вестник ВОГиС. – 2009. – Т. 13. – № 4. 10. Универсальный словарь русского языка. – СПб. : ИГ «Весь», 2010. – 395 с.
10. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 томах (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОМОГРУППЫ «ТААЙ» В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Е. В. Семенова

*Кандидат филологических наук,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
СО РАН, г. Якутск, Россия*

Summary. Homonyms taai are under consideration through a brief comparative analysis reflected in dictionaries on the Yakut language. It is revealed that in the Yakut language homonyms taai are reflected in dictionaries, since the middle of the XIX century. They have lexico-semantic compliances in other Turkic, Mongolian, Tungus-Manchurian languages, therefore, they can be carried to historical homonyms.

Keywords: Yakut language; lexicography; homonyms; vocabulary.

В семидесятые годы прошлого столетия башкирский языковед-тюрколог А. А. Юлдашев считал, что в тюркском языкознании нет четких теоретических установок и критической оценки опыта лексикографирования омонимов [6, с. 288]. На этой почве в тюркской лексикографической практике одной из наиболее сложных до сих пор остается вопрос подачи омонимичных единиц. В статье дается краткий сравнительный анализ подачи омонимов **таай**, отраженных в словарях по якутскому языку. В якутском языке омонимичные единицы **таай** отражены в словарях, начиная с середины XIX века и имеют лексико-семантические соответствия в других тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языках, следовательно, их можно отнести к историческим омонимам. Лексикографический фон показывает, что омонимы **таай** в словарях даются по-разному.

В «Словаре» О. Н. Бетлингга:

tāi 'предполагать, догадываться, подозревать, предчувствовать; угадывать, отгадывать; толковать; угадывать наперед, предугадывать'; **таай** 'дядя; дядя по материнской линии' [2, с. 538].

В «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского:

tāi I 'все родство матери (от дяди до прадедов) безразлично к полу говорящего' (ср. тюрк. **taı**, **taǵaı**, **daı**, **daǵı** 'дядя (дед) по матери'); **tāi II** 1) 'догадываться, предчувствовать, предполагать, полагать, предвидеть'; 2) 'отгадывать, разгадывать, угадывать'; 3) 'толковать (сон)'; 4) 'обнаруживаться, проявляться'; **tāi III** то же, что **tǵıı** (черточка вместо

надстрочных точек в **ы**) 'междометие ужаса и удивления' (ср. бур. **тā** 'гадать, догадаться, разгадать, у(от)гадывать', монг. **таѡа** 'угадать, предчувствовать, догадываться') [5, с. 2523–2524].

В «Якутско-русском словаре»:

таай 'дядя (по материнской линии безотносительно к полу говорящего)'; **таай** - 1) 'отгадывать'; 2) 'предчувствовать' [7, с. 371].

В "Словаре омонимов якутского языка" Н. А. Аллахского:

таай I 'все родство по матери'; **таай II** 'отгадывать, угадывать' [1, с. 121].

В «Кратком толковом словаре якутского языка»:

таай I 'родство матери по мужской линии'; **таай II** 'догадываться; предчувствовать, предвидеть; угадывать'; **таай III** 'иметь какие-л. последствия (напр., о жизненных невзгодах, болезни)' [4, с. 176].

В 10 томе современного "Большого толкового словаря якутского языка":

таай I 1) 'догадаться и высказать правильное предположение о чём-л. по каким-л. признакам; угадать, отгадать'; // 'по каким-л. признакам угадать мысль другого, догадаться о чём-л., смекнуть'; 2) 'не зная наверняка, догадаться о чём-л.; предчувствовать, понять чутьём' (ср. бур. **тааха**, монг. **таах**, эвенк. **тааг** 'гадать, отгадать, разгадать'); **таай II** 'отразиться, сказаться каким-л. образом впоследствии'; **таай III** 'дядя (обычно брат матери; вся родня мужского пола по материнской линии)' (др.-тюрк. **таѡай**, тюрк. **таай**, **тай**, **таѡа**, **дайы**) [3, с. 71–72].

На фоне подачи лексемы **таай** в словарях по якутскому языку можно сделать следующие выводы: в словарях лексема **таай** дается в качестве омонимов или омогрупп; до семидесятых годов прошлого столетия в семантическом плане эти омонимы почти совпадают, несоответствие встречается в «Словаре» Э. К. Пекарского (**тāй III** то же, что **тāй** 'междометие ужаса и удивления'), которое в современном якутском языке не является омонимичной единицей. Якутские лексикографы с девяностых годов прошлого столетия справедливо выделяют в словарях новое слово-омоним, которое ранее не было выявлено.

Библиографический список

1. Аллахский Н. А. Словарь омонимов якутского языка. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1979. – 184 с.
2. Бетлингк О. Н. О языке якутов / пер. с немецкого Рассадина В. И. – Новосибирск : Наука, 1990. – 646 с.
3. Большой толковый словарь якутского языка. Т. X (Т-төһүүлээ) / под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2013. – 575 с.
4. Краткий толковый словарь якутского языка. – Дьокуускай, 1994. – 264 с.
5. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Т. III. – 1959.
6. Юлдашев А. А. Принципы составления тюркско-русских словарей. – Москва, 1972. – 230 с.
7. Якутско-русский словарь. – Москва : Советская энциклопедия, 1972. – 605 с.

Условные сокращения

бур. – бурятский
др.-тюрк. – древнетюркский
монг. – монгольский
тюрк. – тюркский
эвенк. – эвенкийский

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГОВОРОВ ТУРЦИИ И КАРАБАХСКИХ ДИАЛЕКТОВ АЗЕРБАЙДЖАНА

Г. И. Озмаден

*Диссертант,
Бакинский славянский университет,
г. Баку, Азербайджан*

Summary. Numerous dialects of Turkish language and dialects Karabakh area of Azerbaijan (Agjabedi, Agdam, Fizuli, Jebrail, Zangelan) are investigated in the comparative aspect in the article. Conclusion of the study is given the, the significance of the comparison related dialects is justified. From the point of view of lexical interdialectic similarities and differences are revealed.

Keywords: dialect, accent, territorial language variants, "local language" comparative dialectology.

Диалектология является одной из областей лексикографии, она изучает говоры и диалекты языка. Это отдел языкознания, который исследует диалекты. Термин «диалект» греческого происхождения, слово *dialektos* означает «разговор». Диалектология изучает разные варианты языка, территориальные связи, взаимосвязи, языковые контакты, ей присущи профессиональные и общенациональные особенности [1, с. 131].

Язык – это некая сложная система, вернее, система систем. С одной стороны, ей присущи стандартные оформленные, усовершенствованные видовые разнообразия, вариативность литературных форм, а, с другой – употребляющиеся в диалектах «окаменевшие» формы. Следует отметить, что такие вопросы как, историческое развитие территориальных вариантов языка, территориальные диалекты, современное состояние местных говоров и языковые единицы в сравнительном аспекте изучены недостаточно. Сохранение территориальных особенностей в живой разговорной речи формирует «местный язык». И если этот «местный язык» станет объектом сравнения с родственными языками, то выявятся весьма значимые лингвистические факты и процессы.

Тема настоящего исследования, представляющего собой сравнительное изучение родственных диалектов Турции и Карабаха, неизбежно затрагивает такое понятие, как историческое развитие языка. В этих диалектах четко сохраняются некогда характерные литературному языку события

и сложные процессы. Сравнительная диалектология позволяет осознать пути развития литературных языков, прослеживает связь между историей народов, их языков, диалектов.

Будучи исторической и описательной, сравнительная диалектология делится на две части. Объектом описательной диалектологии становится (фонетическая, грамматическая, лексико-семантическая) структура диалектного языка и членение языка на диалекты по историческим этапам, эпохам, а также изучение их современного состояния.

Сравнительно-историческая диалектология исследует и изучает структуру, характер членения, а также историческое развитие диалектного членения языка.

Сравнительное исследование показывает, что диалекты старше литературного языка. Диалекты – это «испорченный», «плохой», «ненормативный» литературный язык. В диалекте четко сохраняются самые древние признаки общенародного языка.

Известно два типа развития диалекта. Эти типы состоят из различных вариантов: 1) сравнение, сопоставление, сличение, противопоставление; 2) и, наоборот, отсутствие таковых действий.

Литературный язык и диалекты всегда находятся в «оппозиции» друг к другу. У литературного языка есть особые «подъязыковые» стили: бытовой, научный, художественный, публицистический и др.

Диалекты же находят свое отражение в общей бытовой сфере, в устном народном творчестве (фольклоре). Современным диалектам свойственно большое количество архаических признаков. Стилистическая дифференциация диалектной речи продолжает оставаться особой проблемой.

Карабах исторически являлся одним из важных стратегических центров и развитых очагов культуры Азербайджана. Сегодня тема Карабаха актуальна во всех сферах. Происходящие здесь события, сложившиеся социальные отношения оказывают сильное влияние и на политическую жизнь Азербайджана, на творчество новых литературных поколений, дает толчок развитию их художественных, философских, религиозных и политических взглядов. В последнее время карабахская тема стала ведущей в литературно-философско-лингвистическом процессе.

Одной из интересных философско-лингвистических тем, связанных с Карабахом, является изучение местных говоров его населения. Предпринимались попытки исследования ряда особенностей тех или иных диалектов Карабаха. Ахмед бек Джаваншир, описавший жизнь Карабахского ханства второй половины XVIII века говорил, что для России Карабах-Шуша – это ключ, а для Ирана – ворота.

О наличии в Карабахе разных говорах впервые дал сведения известный азербайджанский литературовед Ф.Кочарли. Он писал, что в разговорном языке азербайджанцев наблюдается четыре говора: один – у карабахского и казахского, другой – у шекинского населения, третий – у про-

живающих в Ширване, Сальяне, Баку и Губе, и абсолютно другим говором пользуются жители Иревана, Нахичевани, Тебриза, Хоя, Маку [2, с. 77]. Специфические особенности карабахского говора затронул в своих произведениях и М. Фуад Копрулу [3, с. 2]. Еще в конце 30-ых годов прошлого столетия он сравнил фонетические особенности карабахско-станбульских говоров [4].

К 50-ым годам XX века относится фундаментальное исследование К.Рамазанова, которое, к сожалению, не было опубликовано и хранится в архивах Института языкознания им. Насими Национальной академии наук Азербайджана [5].

В последующие годы были изучены и описаны в монографической форме фонетические, лексические и грамматические особенности говоров отдельных районов Карабаха [6].

У карабахского диалекта имеется много мелких говоров. Одним из них является говор Афшара. Особенности этого говора удалось изучить Э. Аллахвердиеву [7].

Указанные исследования относятся лишь к близлежащим к Карабаху говорам. По мере того, как растет число исследований говоров Карабахского региона, возникает необходимость исследовать присущие этому региону говоры в расширенном ареале: в турецком контексте. Это значит, что следует сопоставить их с многочисленными турецкими диалектами на фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Некоторые из проведенных в Турции исследований были проведены именно в этом направлении. Например, частично были сравнены диалекты Карского и Карабахского регионов.

В этническом и диалектном аспекте диалекты Карского региона являются связующим звеном между Азербайджаном и Грузией. Один конец этой связки находится в Эрзуруме, Чорухе и даже в Средней Анатолии, а другой – простирается до Баку, Нахичевани, Агбаба, Ахалкалаки, Тбилиси, Борчалы, Мцхеты.

Имеется много общих черт, которые объединяют турецкий и азербайджанский языки. В то время, как после XVI века в стамбульском диалекте турецкого языка стал проявляться ряд изменений, в анатолийском диалекте турецкого языка и в азербайджанском языке продолжало оставаться достаточно много общих и древних схожих черт. Связь с древним анатолийским диалектом турецкого языка сильно ощущается на территории от Западной Анатолии до Восточной Анатолии и Азербайджана. Ярким свидетельством тому является оглушение согласных *k* и *t* во всей Анатолии и Азербайджане. Его еще в X веке открыл Махмуд Кашкарский [8, с. 32]. Этот процесс усилился в Анатолии и стал самым ярким знаком древнего анатолийского диалекта турецкого языка. След за ним это чередование проявилось в стамбульском диалекте турецкого языка, что, вероятно, стало возможно благодаря консерватизму его орфографии. В анатолийском говоре

турецкого языка и в азербайджанском языке звук *к* стал глухим, что привело к изменению значения слов. Однако в Азербайджане и Восточной Анатолии наблюдается некая тенденция, противоположная этому изменению. В ряде слов этого региона предпочтение дается глухим звукам. У этого явления есть две причины. Первая – глухие в начале слова: этот процесс берет начало на севере и связан с турецким языком, он наблюдается в кыпчакских языках. Вторая – восточный турецкий язык, которым пользовались уйгуры в период правления династии Ильханлы. Это может стать объяснением того, почему начиная с Махмуда Кашгарского, как огузами и кыпчаки говорил *ben*, а хаганские турки употребляли *men* [9, с. 35].

Также как и в говорах и диалектах турецкого языка, в говорах Карабаха проявляются промежуточные качества. Э. Азизов пишет: кроме основных говоров в азербайджанском языке формируются и говоры переходного типа (смешанные, промежуточные). Смешанные северо-западные говоры наблюдаются в Шеки-Закатальском регионе. На следующих территориях между основными говорами размещаются промежуточные говоры: на левом берегу реки Кура на территории Агдашского, Геокчайского, Уджарского, на юго-востоке – в Джалилабадской, Биласуварской, на юго-западе – в Джебраильской, Губатлинской зонах [10, с. 289, 354]. Есть мнение, что на сравниваемые диалекты сильное влияние оказывали миграции: «Миграция наблюдалась и в конце XIX – начале XX веков. Например, часть кочевников, проживающих в турецком уезде Зиля, переехала сюда из города Гырахдин (Джебраил) Северного Азербайджана и из крепости Шуша. Зилинские кочевники говорят о том, что они переселились сюда из Батуми-Ризе во время войн 1893 года и несколько раз на протяжении 1898-1913 годов. Коренные жители Зиля называют их «в папахе», «с шапкой на голове» [11, с. 46].

Нам представляется, что сравнение является единственным орудием не только для воссоздания истории языка, но и для воссоздания истории диалектов и говоров. Формирование и темпы развития языка и диалектов можно определить только по результатам полученных сравнений. В этом контексте уместно было бы привести мнение А. Мейе: «Изолированные языки и диалекты исторически обречены» [12, с. 19].

Для сравнения обозначенных в заглавии диалектов и говоров мы пользовались изданным в 1964 году в Баку «Диалектологическим словарем азербайджанского языка». (Одноименный словарь был издан в Турции в 2002 году), а также всеми томами турецкого «Словаря диалектизмов» [13].

С помощью сравнительного метода можно определить и фонетические закономерности родственных тюркских языков и диалектов. В этом аспекте фонетика диалектных систем азербайджанского и турецкого языков позволяет продемонстрировать фономорфологические особенности некоторых слов, их различия, произошедшие в фонетическом строе, а также их общие сходные черты. Выявляя общие элементы, можно вскрыть ис-

торию взаимоотношения языков и диалектов, а также область их взаимовлияния. Таким путем можно прояснить и причины изменения формы и значения, фонетического сужения и звуковых чередований.

Приведем некоторые различия. В зангеланских, губатлинских, джебраильских, физиулинских диалектах и говорах сохранилось сочетание звуков **av**, например: *daʋʒan* «заяц», *uaʋʒan* «полынь» и др.

В ряде говоров деревень Джебраила, Зангелана оканчивающиеся на гласный существительные в винительном падеже приобретают морфологический показатель **-yu/-yu**, например: *dəriyi*, *quzuʋu* и т. п.

Научные споры и разногласия вокруг проблемы долгих гласных и сегодня не нашли своего решения. Как в самих тюркских языках, так и в их говорах сравнение одних только долгих гласных способно дать ответ на ряд теоретико-практических вопросов, в том числе и связанных с качественными характеристиками гласных.

В сравниваемых диалектах долгие гласные образуют, прежде всего, фонематическое значение. Всем долгим гласным в диалектах также присущ фонематический характер, с точки зрения продолжительности они подвержены позиционным заменам с соответствующими краткими гласными.

Настоящее исследование показывает, что длительность гласных в сопоставляемых диалектах представляет собой разный признак. В каждом из двух диалектов длинные гласные находятся в оппозиции к соответствующим кратким гласным.

И в турецких, и в азербайджанских диалектах можно встретить слова, в фонетическом составе которых имеются отличия. Для определения исходной формы этих слов большое значение имеет их сравнительное изучение. С точки зрения фонетики отличительные признаки этих слов, проявляющиеся в составе слова, связаны с изменениями в истории их развития. Бесспорно, что эти изменения были вызваны фонетическими процессами.

В фонологической системе сравниваемых тюркских диалектов основное место занимает фонологическая компенсация. Фонологическая компенсация, т.е. сужение/стяжение труднопроизносимых консонантных сочетаний, связана с сокращением некоторых слогов. Например, в каждом из сравниваемых диалектов употребляются стяженные слова, например: вместо *nə etdin* – *neddin* вместо *nə edəksən* – *nedecen*.

В сравниваемых диалектах можно встретить и слова, которые в одном диалекте употребляются в суженной форме, в другом же этот процесс не наблюдается. Например: слово *qaraqarğa* в азербайджанских диалектах употребляется в форме *sağsağan*, а в анатолийских диалектах – как *sağ*. Первый слог слова оказался достаточным для анатолийских диалектов. В составе слова наблюдается фонетическое стяжение. В словах этого типа происходит фонетическая компрессия, причина которого кроется в условиях произношения.

Диалектная лексика современных тюркских языков возникла в процессе исторического развития этих языков. Диалектизмы возникли в разных ареалах, как правило, они проявляются в хозяйственной жизни, в быту. В отличие от современных тюркских языков значительная часть древней тюркской лексики сохранилась в составе лексики их говоров. Исследования показывают, что до XIX века литературный азербайджанский язык развивался под сильным влиянием персидского, а посредством этого языка, и арабского литературного языка. В словарном составе литературного азербайджанского языка исконно тюркские лексемы в большинстве случаев заменялись арабскими и персидскими заимствованиями. «Как правило, тюркская лексика была сохранена лишь в анатолийских говорах и диалектах азербайджанского языка. Здесь имеется много древних слов, характерных тюркским памятникам и другим тюркским языкам» [14, с. 70].

Таким образом, разделение предметов объективного мира и связанных с этим понятий на группы, обозначающие родственные связи, еду, одежду, растения, фрукты, травы, предметы быта, животных, и птиц и др., дает основание для сравнения диалектов и говоров. Однако количество диалектизмов, составляющих каждую из семантических групп, их взаимосвязь и отношения между ними способствуют дифференциации в этих диалектах. Так, элементы, составляющие семантическую область, отличаются от других своей принадлежностью к сугубо национальным качествам. Разница в их осмыслении проявляется в процессе определения самостоятельных тенденций развития родственных диалектов.

Результаты настоящего исследования показывают, что последующее развитие диалектизмов, выбранное в качестве объекта исследования, а также определенные количественные и качественные изменения проявляются в естественном развитии тюркской диалектной системы.

В родственных диалектах наблюдается несколько особенностей, связанных с диалектной лексикой. Первая особенность состоит в том, что этим единицам присущ общетюркский характер, они, в основном, отличаются по фонетическим свойствам. Таким образом, и с семантической точки зрения в тюркских языках и диалектах имеются схожие особенности. Диалектизмы с поздними признаками отличаются фонетическими признаками и проявляют себя как специализированные для языка-диалекта элементы, каждый из которых относится к разным лексико-семантическим группам. В целом, это один из признаков, отличающих тюркские языки и диалекты друг от друга.

Таким образом, сравнение родственных диалектов тюркских племен указывает на то, что между современными тюркскими языками исторически были тесные связи. Сравнение на основе лексики близких друг другу языков приносит ясность во многие вопросы. Прежде всего, это сравнение позволяет определить место отраслевой лексики. Для этого важно наличие богатого диалектологического материала. В результате сравнения

диалектизмов определяется и проясняется противопоставление диалекта литературному языку.

Библиографический список

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.
2. Köçərli F. Azərbaycan ədəbiyyatı 1. C., Bakı, Elm, 1978
3. Köplülü M. Azeri / İslam Ansiklopediyası İstanbul, 1970
4. Talıphanbeyli S. Karabağ-İstanbul Şivelerinin Savtiyat Cihetinden Mukayesesi 1 // Azərbaycan Yurt Bilgisi, 1933, sayı 13
5. Ramazanov K. Azərbaycan dilinin Qarabağ dialekti. Monoqrafiya. Əlyazma
6. Quliyev İ. Azərbaycan dilinin Ağcabədi rayonu şivələri. – Bakı, 1965; Behbudov S. Azərbaycan dilinin Zəngilan şivəsi. Bakı, 1966; Ağayev P. Azərbaycan dilinin Qarabağ dialekti (Ağdam rayon şivələri) Bakı, 1951; Məmmədov İ. Azərbaycan dilinin Qaryagin (Füzli) şivələri. Bakı, 1958; Hacıyev T. Cəbrayıl keçid şivələri. – Bakı, 1962.
7. Allahverdiyev E. Qarabağ dialektinin Əfşar şivəsi. Fil. elm. namzədi alimlik dərəcəsi almaq üçün təqdim olunmuş dissertasiyanın avtoreferatı. – Bakı, 1995
8. Tahsin Banguoğlu. Oğuz Lehçesi Üzerine. TDAY. Belleten, 1960
9. Kazımov İ. Mahmud Kaşğari və çağdaş türk dilləri. – Bakı, 2014
10. Əzizov E. Azərbaycan dilinin tarixi dialektologiyası (Dialekt sisteminin təşəkkülü və inkişafı) (Dərs vəsaiti). – Bakı, 1999
11. Ercilasun A. Kars İli Ağızları: Ses Bilgisi. – Ankara, 1983.
12. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. – М., 1954
13. Azərbaycan dilinin dialektoloji lüğəti. Bircildlik. Bakı, 1964; **DS-Derleme sözlüğü. I, – Ankara Üniversitesi Basımevi, 1993.
14. Мусаев К. Лексикология тюркских языков. – М., 1984.

О НОВОМ ТИПЕ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ В ТЮРКСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Г. Н. Ягафарова

*Кандидат филологических наук,
доцент,
Институт истории, языка
и литературы, Уфимский научный
центр Российской академии наук,
г. Уфа, Республика Башкортостан,
Россия*

Summary. The article is devoted to the new type of dictionaries created in recent years in Turkish lexicography - dictionaries normative registering type. These dictionaries are created in Yakut and Bashkir languages. Their main feature is to seek to include all existing lexicon of the language into the wordlist.

Key words: turkology, lexicography, the principles of compiling dictionaries, Yakut language, Bashkir language.

Лексическая система – самый подвижный уровень языка, его структура постоянно подвергается изменениям, пополняется новыми словами и значениями либо, наоборот, в силу причин исторического, социокультурного характера теряет в своем составе. Однако для истории языка, для его всестороннего описания во всем многообразии семантических нюансов важен каждый временной срез лексики, дорог каждый тематический или ареальный пласт лексического фонда языка. Именно поэтому в условиях быстро меняющейся реальности задачи и функции науки лексикографии, заключающиеся в возможно более полном учете, фиксации и представлении лексических средств языка, всегда остаются актуальными и востребованными. Неслучайно лексикография в последние десятилетия переживает большой расцвет.

Действительно, в настоящее время в российском языкознании появилось множество лексикографических работ как традиционного плана (толковые, переводные, фразеологические, семонимические, этимологические, специальные, тематические, учебные, грамматические, орфографические, орфоэпические, диалектологические и др.), так и новые (частотные, обратные, словари писателей, этнолингвистические, словари концептов и символов, функционально-когнитивные, толково-словообразовательные, мотивационные, ассоциативные и др., в т. ч. включающие новые словари, созданные с использованием компьютерных технологий) типы словарей. Однако, учитывая разнообразный пользовательский интерес и потребности читательской аудитории, в теории лексикографии появляются все новые типы словарей.

К таковым относятся и словари нормативно-регистрирующего типа, создаваемые в настоящее время на материале двух тюркских языков – якутского и башкирского.

Сотрудниками сектора лексикографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, начиная с 2004 года выпускается пятнадцатитомный «Большой академический Толковый словарь якутского языка». В период 2004–2014 гг. издано и подготовлено к изданию 10 томов данного словаря, включающие буквы А – Ъ [8–17]. Главный редактор словаря – д.ф.н., проф. П. А. Слепцов.

На материале башкирского языка подобный словарь создается коллективом сотрудников отдела языкознания Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук под руководством доктора филологических наук, профессора Ф. Г. Хисамитдиновой. В 2011–2014 гг. увидело свет 5 томов данного словаря (буквы А – К), задуманного как десяти томник [1–5].

В чем заключается новизна этих лексикографических изданий?

Главной их особенностью является стремление включить в словник словаря всю существующую лексику языка. Как отмечают создатели якутского словаря: “В Словарь включены: лексические единицы, собранные из

различных источников, употребляемые как в художественной литературе, так и в публицистике, печати и разговорной речи; слова, образованные посредством различных производящих средств; фразеологизмы; сложные и составные слова с терминологическим значением. Кроме того, представлены редко употребляемые слова или вышедшие из употребления в современном разговорном языке, но встречающиеся в различных источниках, устаревшая лексика, народная терминология, а также наиболее перспективные и достаточно распространённые диалектные слова” [18, с. 11–12]. Тот же принцип взят на вооружение и башкирскими лингвистами [1, с. 34–35]. Охват возможно большего количества лексем обеспечивается не только за счет привлечения различных слоев лексики (литературных вариантов, территориальных и социальных диалектов и т. д.), но и за счет включения в словник сложных слов, что в тюркской лексикографии не так часто можно увидеть из-за сложности разграничения сложных слов от фразеологизмов и свободных словосочетаний (можно утверждать, что едва ли не единственными словарями в тюркской лексикографии, фиксирующими сложные слова в качестве заглавных, являются турецкие словари, см., напр., [20] и другие издания, выпущенные *Türk Dil Kurumu*). Об удачных и неудачных решениях в разработке сложных слов в тюркских словарях писал еще в 1972 году А. А. Юлдашев [19, с. 170–226], но вопрос включения или не включения сложных слов в качестве заглавных поныне остается открытым, а большая доля словарного состава тюркских языков, являющая собой именные и глагольные композиты, остается неучтенной.

Будучи толковыми, данные словари описывают все возможные толкования каждой лексемы и понятия. Ввиду изменчивости лексического пласта языка составители стремятся наиболее полно отобразить семантические нюансы лексем с помощью специальных помет. Так, если сравнить предыдущий двухтомный толковый словарь башкирского языка [6–7] и нынешний, можно увидеть, что некоторые слова из разряда советских реалий получили маркировку историзмов, и, наоборот, восстановили свою активность отдельные архаизмы из исконной лексики; определенные диалектизмы стали литературной нормой, а ряд заимствований нашел свои эквиваленты в собственной лексике языка. Также создатели словарей уделяют особое внимание этнолингвистической информации, имеющейся в словах: в словарных статьях она выделяется отдельным значением.

Таким образом, фиксацией и учетом всего разнообразия лексики и ее семантики обеспечивается регистрирующий характер словарей. Нормативность достигается уже тем, что издания носят академический характер; словарные статьи постулируют предпочтительное употребление тех или иных слов и словоформ, отграничивают стилистические, ареальные варианты слов от литературных; содержат правильное написание лексем в соответствии с существующими правилами орфографии, тем самым одновременно служа и источником по правописанию данных языков. Нормативность достигается уже тем, что издания носят академический характер; словарные статьи постулируют предпочтительное употребление тех или иных слов и словоформ, отграничивают стилистические, ареальные варианты слов от литературных; содержат правильное написание лексем в соответствии с существующими правилами орфографии, тем самым одновременно служа и источником по правописанию данных языков. Нормативность достигается уже тем, что издания носят академический характер; словарные статьи постулируют предпочтительное употребление тех или иных слов и словоформ, отграничивают стилистические, ареальные варианты слов от литературных; содержат правильное написание лексем в соответствии с существующими правилами орфографии, тем самым одновременно служа и источником по правописанию данных языков.

тивность башкирского словаря распространяется и на пласт собственных наименований, т. к. в приложении к каждому тому словаря содержатся перечни топонимов (гидронимы, оронимы, ойконимы), антропонимов, наиболее употребительных названий фирм, учреждений, организаций.

Оба вышеуказанных словаря являются переводными: все значения даются с переводом на русский язык, что очень важно в условиях российской билингвальной реальности. В дополнение к этому в башкирском словаре каждое заглавное слово дается с переводом на английский и турецкий языки. Поэтому академический башкирский словарь можно назвать полифункциональным, многоязычным.

Таким образом, в настоящее время в тюркологии появляется новый тип переводно-толковых словарей нормативно-регистрирующего характера, цель которых – охватить всю лексику языка во всем его разнообразии стилей, территориальных, социальных, временных пластов. Создание подобных словарей откроет большие возможности для научного изучения отдельных языков и более широкого овладения ими. Словари послужат базой для сравнительных, сопоставительных исследований, а также исследований словарного состава языков в синхронии и диахронии.

Библиографический список

1. Башкорт теленең академик һүзлеге (Академический словарь башкирского языка): в 10 томах / под ред. Ф. Г.Хисамитдиновой. Т. I: (буква А). – Уфа : Китап, 2011. – 432 с.
2. Башкорт теленең академик һүзлеге. Т. II: (буква Б). – Уфа : Китап, 2011. – 586 с.
3. Башкорт теленең академик һүзлеге. Т. III: (буквы В-И). – Уфа : Китап, 2012. – 864 с.
4. Башкорт теленең академик һүзлеге. Т. IV: (буквы Й-К). – Уфа : Китап, 2012. – 944 с.
5. Башкорт теленең академик һүзлеге. Т. V: (буква К). – Уфа : Китап, 2013. – 888 с.
6. Башкорт теленең һүзлеге. 2 томда / Ә.Ф.Бейешев һ.б. I том (А-М). – М., 1993. – 862 с.
7. Башкорт теленең һүзлеге. 2 томда / Ә.Ф.Бейешев һ.б. II том (Н-Я). – М., 1993. – 814 с.
8. Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта (Толковый словарь якутского языка). Т. I (буква А) / под общей ред. ак. АН РС(Я) П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. – 680 с.
9. Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта. Т. II (буква Б). – Новосибирск: Наука, 2005. – 912 с.
10. Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта. Т. III (буквы Г, Д, Дь, И). – Новосибирск: Наука, 2006. – 844 с.
11. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта (Большой толковый словарь якутского языка). Т. IV (буква К – первая половина). – Новосибирск : Наука, 2007. – 672 с.
12. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. Т. V (буква К – вторая половина). – Новосибирск : Наука, 2008. – 616 с.
13. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. Т. VI (буквы Л, М, Н). – Новосибирск : Наука, 2009. – 519 с.
14. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. Т. VII (буквы Нь, О, Ө, П). – Новосибирск : Наука, 2010. – 519 с.
15. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. Т. VIII (буква С). – Новосибирск : Наука, 2011. – 572 с.
16. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. Т. IX (буквы С - Һ). – Новосибирск : Наука, 2012. – 630 с.
17. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. Т. X (буква Т-теһуулээ). – Новосибирск : Наука, 2013. – 595 с.
18. Слепцов П. А., Нелунов А. Г., Монастырев В. Д. О новом типе толкового словаря якутского языка // Наука и техника в Якутии. – 2011. – № 2 (21). – С.10–15.

19. Юлдашев А. А. Принципы составления тюркско-русских словарей. – М.: Наука, 1972. – 416 с.
20. Türkçe sözlük. 10. baskı. – Ankara, 2005. – 2244 s.

ПАРАМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДВУЯЗЫЧНЫХ ЕСТЕСТВЕННО- НАУЧНЫХ СЛОВАРЕЙ

И. С. Волошина

*Аспирант, Тюменский государственный
университет, г. Тюмень, Россия*

Summary. The article presents a parametric analysis of bilingual terminological dictionaries in chemistry, physics and biology. This paper is focused on the lexicographic development of natural science terminology in the dictionaries.

Key words: parametric analysis; dictionary type; semantization.

Смена структурной парадигмы языка на функциональную, широкое применение когнитивно-дискурсивного подхода в лингвистических исследованиях, стремительное развитие информационных технологий привели к тому, что современная лексикография характеризуется практическим направлением исследований. Одним из трех наиболее перспективных и быстро развивающихся векторов практической лексикографии принято считать двуязычную переводную лексикографию, в том числе терминографию. Практическим результатом работы лексикографов и терминографов в этом направлении являются многочисленные модели переводных терминологических словарей, направленные на разный круг пользователей и отвечающие потребностям современного общества [3].

Стремление лексикографов и терминографов разрабатывать модели многофункциональных словарей приводит к выводу о том, что определение типа словаря через отнесение его к какому-либо определенному классу становится практически невозможным, поскольку «словарей с неперекрывающимися признаками мало (и становится все меньше), и поэтому всегда возникает возможность отнести один и тот же словарь по разным признакам одновременно в разные классы» [4, с. 50]. В таких условиях наиболее эффективным способом типологического описания словаря является параметрический анализ, поскольку он «позволяет бесконечно пополнять список параметров» [5, с. 118].

Одной из наиболее известных классификаций научно-технических словарей, разработанной на основе параметрического принципа лексикографического описания, является классификация С. В. Гринева-Гриневича. Несомненным преимуществом этой классификации, на наш взгляд, является ее системность. Все включенные параметры объединяются в три боль-

шие группы (элементы авторской установки, элементы макрокомпозиции, элементы микрокомпозиции), внутри каждой из которых между ее составляющими существуют определенные отношения. Сам автор, раскрывая содержательное наполнение трех групп, каждый раз подчеркивает взаимосвязь их элементов. Например, характеризуя компоненты авторской установки, С. В. Гринев-Гриневич говорит об этом так: «Последовательность описания внешних параметров отражает направленность их зависимости друг от друга <...>. Так, выбор назначения словаря определяет его читательский адрес, а также аспектную ориентацию <...>, от предметной ориентации, назначения и аспекта описания зависит выбор функции словаря; от предметной и адресной ориентации, назначения и функции — выбор объема словаря, а все перечисленные факторы детерминируют подход к отбору лексических единиц в словник словаря» [1, с. 36].

В настоящей статье мы поставили своей целью на основе выделенных С. В. Гриневым-Гриневичем параметров провести анализ имеющихся в свободном доступе переводных терминологических словарей по химии, физике и биологии, чтобы определить степень разработанности лексикографического описания естественнонаучной терминологии в данных словарях.

На первом этапе нашей работы был проведен поиск переводных терминологических словарей по химии, физике и биологии. Результаты поиска составили пять печатных словарей (*Англо-русский химический словарь* [7], *Русско-английский биологический словарь* [10], *Англо-русский словарь по химии и переработке нефти* [11], *Новый англо-русский биологический словарь* [12], *Русско-английский физический словарь* [14]), три электронных словаря (*Англо-русский и Русско-английский химический словарь Polyglossum* [6], *Англо-русско-английский словарь по биологии и биотехнологии Polyglossum* [8], *Большой Англо-русско-английский физико-математический словарь Polyglossum* [9]) и один *on-line* словарь (*Русско-английский словарь биологических терминов on-line* [13]), что определило лексикографический материал исследования – девять переводных терминологических словарей.

На следующем этапе для достижения поставленной цели необходимо провести лексикографический анализ имеющихся словарей. Лексикографическое описание предполагает установление принципов построения макро- и микроструктур словаря. Проанализируем, например, *Новый англо-русский биологический словарь* под редакцией О. И. Чибисовой [12].

Данный словарь имеет традиционную макроструктуру, составными компонентами которой являются краткая **вводная часть**, **словник** и **приложение**. Вводная часть содержит следующие разделы: *Предисловие*, *О пользовании словарем*, *Список помет и условных сокращений*, *Английский алфавит*.

Предисловие играет значительную роль в процессе составления любого словаря, поскольку:

- включает обоснование выбранной авторами концепции словаря, принципов отбора лексики, характеристику предметной области;
- определяет цель создания словаря, входящую в состав словника терминологию, объем словаря, его функциональную ценность, а также круг пользователей.

Анализируемый словарь содержит общебиологическую лексику, т.е. лексику разных дисциплин таких как ботаника, зоология, микробиология и т. д. общим объемом более 72 000 терминов. Доминантными функциями данного словаря являются справочная и учебная, поскольку он предназначен для широкого круга читателей — биологов, студентов, преподавателей, специалистов прикладных отраслей, переводчиков. Предисловие не включает информацию о выбранной концепции словаря и принципах отбора лексики.

Раздел «О пользовании словарем» традиционно содержит информацию о структуре словаря и словарной статье.

Список помет и сокращений является неотъемлемой частью любого словаря, поскольку возможности описания термина в словаре ограничены объемом словаря.

Вводная часть данного словаря также включает английский алфавит, который позволяет облегчить процесс поиска термина в словаре, т. к. входные единицы представлены на английском языке.

Следующим компонентом макроструктуры словаря является словник. Словник Нового англо-русского биологического словаря организован в алфавитном порядке. Для составных терминов принята алфавитно-гнездовая система, т. е. словарная статья содержит переводные эквиваленты коллокаций с искомым термином. Например, в словарную статью термина *hermaphroditism* включены переводные эквиваленты для коллокаций *false hermaphroditism* и *true hermaphroditism* [12, с. 387].

Завершают макроструктуру словаря, как правило, различного рода приложения. В анализируемом словаре приложение представлено списком сокращений и условных обозначений.

Микроструктура словаря отражает принципы представления материала в словарной статье. Словарные статьи Нового англо-русского биологического словаря содержат:

- переводной эквивалент в русском языке, например, *hepatology* – гепатология;
- пометы области функционирования лексемы и этимологические пометы в виде оригинального названия на латинском языке – *henbit* бот. яснотка (*Lamium*);
- грамматические пометы (указание на множественное число существительного) – *heron* цапля; pl. цапли (*Ardeidae*);

- синонимы – *Tasmanian native* [**Tasmanian water**] ~ зеленоногая камышница (*Tribonyx mortieri*); *pan-specific* ~ мультивалентный [**полиспецифический**] колониестимулирующий фактор II, гемоэтин, интерлейкин 3;
- отсылки к другим словарным статьям – *herkogamy* см. *hercogamy* [12, с. 386–387].

Подобным образом были проанализированы все имеющиеся словари. Далее был проведен сопоставительный анализ этих словарей, который показал, что в основе организации и представления их макро- и микроструктур лежат одни и те же принципы. В результате сопоставительного лексикографического анализа были выявлены параметры данных словарей:

1. Элементы авторской установки:
 - **предметная ориентация** – отраслевые;
 - **языковая ориентация** – двуязычные;
 - **назначение** – справочные, переводные, учебные;
 - **читательский адрес** – широкий круг пользователей: научные работники, специалисты, студенты, аспиранты, преподаватели, специалисты прикладных отраслей, переводчики и т. д.;
 - **аспектная ориентация** – семантические;
 - **функции** – справочная, учебная;
 - **объем словаря** – большие, средние, малые и очень малые;
 - **принципы отбор лексики** – термины из научной литературы;
 - **критерии включения** – общенаучная (общехимическая, общефизическая, общебиологическая лексика) и отраслевая (термины коллоидной химии, ядерной химии, механики, оптики, ботаники, зоологии, микробиологии и т. д.).
2. Элементы макрокомпозиции:
 - **принцип следования словарных статей** – формальный;
 - **порядок расположения словарных статей** – алфавитно-гнездовой;
 - **состав вспомогательных разделов** – справочные приложения: список помет и сокращений, список сокращений и условных обозначений, список фамилий, список институтов, единицы физических величин и т. д.
 - **принципы представления омонимии (полисемии)** – в одной статье.
3. Элементы микрокомпозиции:
 - **графическая информация** – основная форма термина;
 - **грамматическая информация** – показатели части речи, числа, атрибутивного употребления существительного;
 - **этимологическая информация** – язык-первоисточник;
 - **атрибутивные параметры** – тематическая атрибуция (область знания), стилистическая атрибуция (название по современной научной номенклатуре);
 - **интерпретационный параметр** – не представлен;
 - **ассоциативные параметры** – равнозначные термины (иноязычные эквиваленты), синонимы, лексическая сочетаемость (коллокации);

- **прагматические параметры** – ареальный статус (интернационализм, национальный термин), распространенность (общепринятый термин);
- **иллюстративные параметры** – графические (формулы).

На основе установленных параметров был определен тип словарей. Все анализируемые словари можно отнести к переводным терминологическим словарям-справочникам учебного типа, поскольку они могут использоваться как учебное и справочное пособие для освоения английской научной терминологии.

Следует отметить, что в анализируемых словарях не все параметры в достаточной мере разработаны. Как правило, составители словаря опускают информацию о принципах отбора лексики и ограничиваются общими высказываниями, например, отбор терминов проводился из научной литературы или из серьезных научных изданий. В редких случаях авторы словаря дают ссылки на литературу, из которой формировался словник. Из девяти анализируемых изданий ссылки были обнаружены только в Русско-английском физическом словаре под редакцией В. Д. Новикова – *«Физическая энциклопедия – М, 1988–1998; Курс теоретической физики Л. Д. Ландау и Е. М. Лифшица, основные российские физические журналы – УФН, ЖЭТФ, Оптика и спектроскопия и др., монографии российских физиков 1994–1999 гг.»*. [14, с. 5]. Тем не менее, обоснование принципов отбора лексики и указание на источники, из которых формировался словник, являются важным этапом в процессе моделирования словаря. Они отражают концептуальную основу лексикографического издания, непосредственно связанную с его дидактической ценностью.

В микроструктуре данных словарей не ограничен объем и содержание понятия, что приводит к снижению учебной функции словаря. Дидактическая функция проявляется в выявлении «смысла, значения лексической единицы вербальными и невербальными средствами, которое одновременно понимается и как процесс, и как результат сообщения необходимых сведений о содержательной стороне языковой единицы» [2, с. 190]. Переводной эквивалент, оторванный от определения термина, не может в полной мере дать представления о понятии, стоящем за термином, особенно если речь идет о многозначных или омонимичных терминах.

Таким образом, в результате параметрического анализа двуязычных естественнонаучных словарей было установлено, что недостаточная разработанность параметра принципов отбора лексики и интерпретационного параметра приводит к снижению учебного и справочного потенциала переводных терминологических словарей. Включение семантизации термина в объеме полной его дефиниции или существенных и отличительных признаков понятия, стоящего за термином, в словарные статьи двуязычных терминологических словарей, на наш взгляд, является необходимым, поскольку это способствует сохранению справочной и учебной ценностей словарей и существенно облегчает процесс коммуникации на иностранном языке.

Библиографический список

1. Гринев-Гриневиц С. В. Введение в терминографию: Как просто и легко составить словарь : учебное пособие. Изд. 3-е, доп. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 224 с.
2. Истомин В. С. Социальная функция словаря / В. С. Истомин // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сборник научных трудов. Гродно : ГрГУ, 2013. — С. 189–191.
3. Лингвистическое моделирование : коллективная монография. — Тюмень : Вектор Бук, 2009. — 186 с.
4. Табанакова В. Д. Идеографическое описание научной терминологии в специальных словарях: Дис. ... докт. филол. наук / В. Д. Табанакова. — Тюмень, 2001. — 287 с.
5. Табанакова В. Д., Сивакова Н. А. Типология словарей сегодня // Вестник Тюменского государственного университета. — № 4. — Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2003. — С. 114–119.

Словари

6. Англо-русский и Русско-английский химический словарь Polyglossum [Электронный ресурс]. URL: http://www.ets.ru/pg/r/dict/er_chemistry.htm (дата обращения: 25.10.2014).
7. Англо-русский химический словарь. Ок. 45 000 терминов / Газизов М. Б. и др. — М. : Альфа-М, 2010. — 624 с.
8. Англо-русско-английский словарь по биологии и биотехнологии Polyglossum [Электронный ресурс]. URL: http://www.ets.ru/pg/r/dict/er_bio1.htm (дата обращения: 25.10.2014).
9. Большой Англо-русско-английский физико-математический словарь Polyglossum [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ets.ru/pg/r/dict/physmat1.htm> (дата обращения: 25.10.2014).
10. Дамблтон К. У. Русско-английский биологический словарь. — Минск-Киев : Технические словари, 2000. — 525 с.
11. Кедринский В. В. Англо-русский словарь по химии и переработке нефти 3-е изд., стереотип. — М. : Рус. яз., 1979. — 768 с.
12. Новый англо-русский биологический словарь. Более 72 000 терминов / под ред. О. И. Чибисовой. — М. : РУССО, 2003. — 920 с.
13. Русско-английский словарь биологических терминов on-line [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/rus_eng_biology/ (дата обращения: 25.10.2014).
14. Русско-английский физический словарь. Ок. 76000 терминов / Новиков В. Д. и др. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : РУССО, 2001. — 928 с.

О КОНЦЕПЦИИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ БИЗНЕС-ТЕРМИНОЛОГИИ

А. А. Федюковский

*Кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский университет
управления и экономики,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Summary. This article deals with the concept of etymological dictionary of Business English terminology. The author covers some aspects of etymological lexicography and etymological analysis.

Keywords: Business English, etymology, etymological dictionary, lexicography, terminology.

Подготовленный к изданию в СПбУУиЭ этимологический словарь бизнес-терминологии построен на принципах отечественной этимологии, которая традиционно исследует не только источники, но и весь процесс формирования словарного состава языка [1, с. 595]. Значимость этимологической лексикографии очень образно отмечалась еще в XIX веке: «Этимология составляет соль или пряность словаря; без этой приправы предлагаемая им еда была бы не вкусна» [2, с. XXI].

Этимологический словарь бизнес-терминов является лексикографическим произведением нового типа и предназначен для лексикологов, терминоведов, а также для представителей бизнес-сообщества. Вместе с тем, данный словарь имеет явно выраженную учебную направленность, и является ценным учебно-методическим пособием для студентов-менеджеров, изучающих деловой иностранный язык, и студентов-лингвистов, осваивающих курс лексикологии и истории английского языка. В ходе образовательного процесса история возникновения и развития даже одного бизнес-термина часто представляет собой длинный и увлекательный рассказ, в ходе которого преподаватель может ознакомить студентов с далекими страницами истории иностранного языка, с одной стороны, и данной профессии, с другой. Вместе с тем, проникновение в историю терминологии – процесс не только интересный, но и достаточно сложный, т. к. изменение семантики термина и трансформация его фонетической и графической формы часто занимают несколько столетий [3]. В связи с этим предполагается снабдить словарь минимальной лингвистической информацией по этимологическому анализу, помещенному во вводной статье.

Словник этимологического словаря закономерно ограничен широко употребительной бизнес-лексикой, которая представляет собой выборку одной тысячи наиболее продуктивных бизнес-терминов из оксфордского словаря бизнес-английского языка [4]. Материал словаря излагается гнездовым методом, т. е. в алфавитной последовательности излагаются только основные унитермы, которые также являются производящими основами

для других терминов (производных слов и словосочетаний), которые указаны в словарной статье после дефиниции унитерма с особыми замечаниями. Таким образом, автор рассматривает процесс морфологического и семантического словообразования этимологического гнезда, что представляется ценным, наглядным руководством и для лингвистов-историков, и специалистов-менеджеров.

Библиографический список

1. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие. – Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2012. – 818 с.
2. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. – Москва, 1899.
3. Федюковский А. А. Деловая лексика английского языка: этимологический аспект // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия : Гуманитарные науки, 2013. – № 4 (63). – С. 205–208.
4. Oxford Business English Dictionary for learners of English. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 616 p.

ПРОБЛЕМЫ АССИМИЛЯЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Э. А. Китанина,

В. В. Богуславская

*Доктор филологических наук; доктор
филологических наук, профессор,
доктор филологических наук; доктор
филологических наук, профессор,
Донской государственный технический
университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

Summary. The problem of assimilation of lexical and grammatical loanwords in modern Russian language is analyzed in this article. The problem of borrowing of morphemes and the problem of borrowing of modern syntactical patterns are considered too. Also the question is about analytism as a common historical process is examined.

Keywords: vocabulary; loanwords; grammatical system of language; grammatical classes; analyticity.

Из всех уровней языка наименее проницаемой для иноязычных заимствований традиционно считается грамматика: это положение составило один из основных постулатов сравнительно-исторического языкознания, гласящего, что наличие материально сходных элементов, выражающих одно и то же грамматическое значение, может служить доказательством родства языков. Однако результаты скрупулезного анализа взаимодействия языков с течением времени поколебали незыблемый постулат о непроницаемости грамматической системы языка. Случаев полного перенесения из одного языка в другой всей грамматической парадигмы с ее формантами

никто не наблюдал, но перенесение отдельных морфем из одного языка в другой вполне возможно. То обстоятельство, что морфема осознается как показатель иной грамматической системы, может особым образом обыгрываться для достижения комического эффекта. Так, в пародии на телеведущего передачи «В мире животных» Николая Дроздова очень выразителен оборот «*гадюкус обыкновенный*» (ОРТ, «Кривое зеркало», 5 марта 2004 г.), пародирующий «латинскую ученость» и псевдонаучную точность номинации.

В коллективной монографии «Языковые ситуации и взаимодействия языков» к числу наиболее часто приводимых примеров грамматических заимствований относятся показатели множественного числа (такие, как –*lar*, –*ler* в албанском из турецкого, формы множественного числа в английском, заимствованные из латыни: *criterion* – *criteria*, *phenomenon* – *phenomena*, *medium* – *media*, *alumna* – *alumnae* и т. д.) Дискуссионным остается вопрос, считать ли заимствованными именно форманты множественного числа –*ia*, –*ae* или логичнее признать заимствованными целиком лексемы?

Аналогией в русском языке может служить небольшая группа заимствований из испанского и английского языков – несклоняемых слов с исходом на –*з*, –*с*. У обычных заимствований из английского или испанского языков во множественном числе сохраняется –*s* (*с*), но осознается как часть производной основы: *бутсы*, *клипсы*, *чипсы*, *зулусы*. Некоторые из этих слов путем обратного формообразования приобретают впоследствии коррелятивную форму единственного числа на –*с(а)* – *бутса*, *клипс* (*клипса*), *зулус*. У несклоняемых же существительных на –*з*, –*с* числовое значение передается именно этими заимствованными аффиксами, поскольку отмечены их корреляты в значении единичности без аффиксов –*з*, –*с*. *Ранчос* – *ранчо*, *герлз* – *герл*, *коммандос* – *коммандо*.

Сложнее всего выявить заимствование, когда речь идет о словосочетаниях и синтаксических моделях. К грамматическим заимствованиям многие авторы причисляли независимый деепричастный оборот и другие модели, свойственные французскому языку и не распространенные в русском языке. К последним относят конструкции с абсолютным существительным типа:

Когда с угрозами и слезы на глазах,

Мой проклиная век... (А. Пушкин «Андрей Шенье»)

Этот оборот у Пушкина лексически соответствует французскому употребительному *les larmes aux yeux*, и данная конструкция вообще распространена во французском при описании позы или переживаний персонажа, составляя 5 % всех обстоятельств образа действия в тексте.

В. В. Виноградов [2] подробно анализирует грамматические явления (ныне архаичные), которые появились в русском языке под иноязычным (французским) влиянием: прямое дополнение вместо за + вин. пад. – *отмстить поруганную дочь* (А. Пушкин), расширенное употребление роди-

тельного определительного *дева веселья, дева красоты* (А. Пушкин), абсолютная причастная конструкция – *Воспитанная в аристократических предрассудках, учитель был для нее род слуги или мастерового* (А. Пушкин). А. В. Филлипов относит к грамматическим заимствованиям в русском языке такие факты, как распределение по родам заимствованных существительных под влиянием рода слова-этимона (*мой какао, серый пальто*) заимствованные *pluralia tantum* типа *духи, капли, очки, мемуары*, авторское *мы* вместо *я* и *вы* вежливости и под. Многие авторы к грамматическим заимствованиям относят несклоняемость существительных в русском языке. Так, У. Вайнрайх [3] пишет о «неассимилированном заимствованном «пальто» (хотя в русском языке и имеется полноценное склонение слов на -о); другой же крайностью он считает случаи сохранения заимствованием словоизменения языка-источника (в немецком некоторые латинские слова изменяются так, как в латыни). Более типично «компромиссное допущение заимствованных слов в открытые грамматические классы языка-рецептора».

У. Вайнрайх [3] задавался вопросом: может ли контакт сказаться на общем грамматическом складе языка? Убедительных данных по этому вопросу не собрано. Интересно было бы взглянуть на тенденцию к аналитизму как на единый исторический процесс, однако языковые факты не подтверждают масштабности процесса. Тем не менее ясно, что «быстро развивающееся двуязычие как таковое, независимо от склада участвующих в нем языков, ведет к росту аналитичности в том случае, если условия способствуют поддержанию интерференции. Креольские языки часто более аналитичны, чем их «предки».

Библиографический список

1. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. – М., 1939. – 254 с.
2. Виноградов В. В. История русского литературного языка. – М. : Наука. 1978. – 360 с.
3. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Зарубежная лингвистика. Вып. 111. Избранное. – М. : Прогресс, 1999. – С.7–42.

ПУТИ СТАНДАРТИЗАЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ПРИКЛАДНЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНОЛОГИЙ ПАРФЮМЕРНОГО ПРОИЗВОДСТВА И НАНОТЕХНОЛОГИЙ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ¹

З. С. Гандалоева,
А. В. Раздужев

Аспирант,
кандидат филологических наук,
Пятигорский государственный
лингвистический университет,
г. Пятигорск, Ставропольский край,
Россия

Summary. The article considers some ways of standardization and peculiarities of reflection of the applied English-language perfumery production and nanotechnology terminological systems in the lexicographical sources. The authors come to the conclusion that standardization and unification of the applied terminologies is important for both specialists in the spheres in question and ordinary consumers of perfumery and nanotechnology production.

Keywords: standardization, perfumery production, nanotechnology, terminological unit, terminology, terminological system.

Увеличение количества исследований в области терминологии на современном этапе обусловлено, в первую очередь, постоянным усилением коммуникативной роли последней [1; 2; 3; 9; 10; 11; 12 и др.]. Актуальность данной статьи, таким образом, объясняется, с одной стороны, растущим интересом лингвистов к специальной лексике и, в частности, к терминам, а с другой стороны, бурными темпами развития самих терминосистем.

Не секрет, что для правильного и эффективного использования терминология любой сферы профессиональной или научной деятельности человека должна быть упорядочена. Как считает Дж. Рамсден, терминология должна представлять собой некоторый фиксированный набор лексики, и, что ещё важнее, в любую эпоху учёным, инженерам и другим специалистам, вовлечённым в решение задач определённой научной области, требуется достаточно точная терминология для формулировки своих научных предположений [19].

В то же самое время, проблема обозначения одного понятия разными терминами и, наоборот, возможность термина обозначать более одного понятия диктуют необходимость упорядочения терминологии. Каждый тер-

¹ Публикация выполнена в рамках проекта «*Когниолингвистическое и лексикографическое моделирование фрагментов прикладной и фундаментальной научной картины мира (русский и английский языки)*» в соответствии с Государственным заданием Министерства образования и науки РФ ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет» на 2014–2016 гг. (руководитель проекта – доктор филологических наук, профессор **О. А. Алимуратов**)

мин должен выражать только одно понятие (в пределах одной терминологии) и, наоборот, каждому понятию в системе понятий данной области знаний, техники или технологии должен соответствовать только один термин. Термины, не отвечающие изложенному требованию, нецелесообразны, так как вынуждают создавать громоздкие лексические единицы, неудобные для практических целей [8, с. 228]. Кроме того, использование таких терминов может привести к коммуникативным неудачам по причине двусмысленности генерируемых с их помощью высказываний.

Под упорядочением (стандартизацией) терминов мы понимаем обеспечение единообразного толкования терминологических единиц, создание единой терминологической системы исследуемых сфер, в том числе – определение наиболее предпочтительного термина из представленного синонимического ряда.

Упорядочение терминологии конкретной области знаний осуществляется в несколько этапов: систематизация репрезентируемых терминами научных понятий -> анализ имеющейся терминологии -> нормализация терминов (выбор наиболее предпочтительного варианта из имеющихся при условии наличия избыточного количества специализированных лексических единиц) и, как результат, -> создание ряда стандартов, которые, в свою очередь, могут характеризоваться жёсткими требованиями к исполнению, либо иметь рекомендательный характер.

Стандартизация терминологии направлена на обеспечение взаимопонимания между специалистами разных отраслей знаний, создание нового и доработку имеющегося учебного и справочного материала, на установление однозначного понимания и непротиворечивости терминологии во всей научной литературе и документации, создание единого языка науки и техники.

Стандартизация терминологических систем проводится не только на национальном, но и на интернациональном уровне. Международная стандартизация означает, прежде всего, установление точных дефиниций и однозначных соответствий между российскими и иностранными терминами. Процессы стандартизации способствуют установлению взаимопонимания между специалистами разных отраслей знания, зачастую приводят к повышению качества нормативно-технической документации, издаваемой научно-технической, производственной, научно-популярной, учебной и справочной литературы, упрощению работы переводчиков и т. д. [4; 8]. Знание установленных терминов необходимо, например, для создания и использования нормативно-технической, конструкторской и технологической документации. Роль стандартизации терминологии всё более возрастает в связи с применением компьютерной техники при проектировании различных технологических процессов, где нельзя допускать разнобоя в терминологии [5].

Нам представляется, что в процессе разработки терминологического стандарта сферы парфюмерного производства/нанотехнологий следует учитывать, прежде всего, следующие аспекты:

- особенности парфюмерного производства/нанотехнологий как научно-производственной/научно-технической области, терминология которой подлежит упорядочению;
- место каждого стандартизуемого термина в общей системе терминов сферы парфюмерного производства/нанотехнологий (что возможно при условии построения адекватных когнитивно-фреймовой и тезаурусной моделей соответствующей терминосистемы);
- необходимость фиксации терминов-эквивалентов на иностранных языках;
- требования к гармонизации разрабатываемого терминологического стандарта с аналогичными стандартами международных организаций.

Существуют, по крайней мере, два пути стандартизации практически любой терминосистемы:

- 1) стандартизация терминологических принципов и методов терминографии;
- 2) стандартизация вокабуляров.

Подготовка терминологических стандартов состоит из следующих стадий:

- исследование терминологии конкретной предметной области с целью определить реальное использование терминологии;
- разработка системы концептов и системы терминов, им соответствующих – логической системы знаний в рамках данной предметной области;
- официальный ввод в действие системы терминов авторитетной комиссией экспертов, имеющих высокую компетенцию в данной области науки, обладающей соответствующими правами как организации стандартов [6].

Последним этапом упорядочения терминов в терминосистеме является её оформление в виде нормативного словаря. Создание словарей различных видов представляет собой важное направление работы в области терминоведения и его более частного раздела – терминографии. Терминографирование – лексикографирование терминосистем – имеет целью, по сути дела, формирование многоцелевых баз данных, выступающих как информационный ресурс и как инструмент совершенствования формы представления конкретного терминологического поля, а, следовательно, и уточнения характеристик объектов-терминов с точки зрения их места в терминосистеме, а также их национально-культурной специфики [13].

Основной задачей лексикографов XXI века является не столько поиск пользователя для того или иного типа справочника, а создание словарей, отвечающих запросам и требованиям представителей различных читательских аудиторий. Исследователи обращают особое внимание на всё возрастающий рынок специальных словарей, основная лексикографическая функция кото-

рых – предоставление информации целевой аудитории с учётом особых характеристик пользователя и ситуации обращения к справочнику [14].

Материалом для исследования, основные результаты которого изложены в настоящей статье, послужили англоязычные терминологические единицы сфер парфюмерного производства и нанотехнологий, зафиксированные в виде речевых произведений, в том числе в виде статей в журналах, в виде электронных баз данных, контента сайтов, промышленных порталов и т. д.

Большое количество и стихийность образования новых терминов, в частности в области нанотехнологий, предполагают необходимость упорядочения и стандартизации соответствующей терминологии. Присутствие элемента стихийности может быть объяснено рядом лингвистических и экстралингвистических факторов, сопровождающих процесс формирования нанотехнологических терминов. Среди *лингвистических факторов* мы отмечаем, прежде всего, отсутствие внимания к лингвистической составляющей терминологии, нарушение правил её построения, непонимание сущности терминов в рамках обыденной и – реже – научной коммуникации и т. д. В силу языковой привычки или традиции происходит постепенное укоренение неправильно построенных (нестандартных) терминов, что, несомненно, требует определённой корректировки.

Среди *экстралингвистических факторов*, обуславливающих стихийное появление большого количества новых терминологических единиц, можно назвать непрекращающийся процесс совершенствования научных знаний в области нанотехнологий, развитие соответствующих нанотехнологических понятий и насущную необходимость новых языковых средств для их выражения. Кроме того, в последнее время участились случаи возникновения и использования в рамках различных видов коммуникации **псевдотерминов**. Это слова, образованные по тем же моделям и теми же способами, что и термины, но не обозначающие профессиональных понятий, не имеющие отношения к нанотехнологии как специальной области знания (*nanowage – нанозарплата, nano-antivirus – наноантивирус* и т. д.). Стандартизация предполагает исключение подобных элементов из состава терминологии.

В англоязычной терминологии сферы парфюмерного производства также очевидна актуальность унификации терминов, используемых специалистами более мелких областей. Свидетельством данного факта является, прежде всего, наличие глоссариев парфюмерных терминов в государственных отраслевых документах, в учебной литературе, на специализированных сайтах. Глоссарии, как известно, позволяют специалистам разобратся в понятийной составляющей терминов, используемых в документах, с целью их правильного использования в практической деятельности. Однако приведённые в различных глоссариях дефиниции одних и тех же

терминов парфюмерного производства нередко различаются, что приводит к их неоднозначному толкованию и неверному использованию.

Кроме того, особого внимания заслуживают базовые термины сферы парфюмерного производства, которые широко используются в данной отрасли. Например, синонимичное наименование ароматов и запахов: *aroma* «аромат, приятный запах», *flavour* «запах, аромат», *fragrance* «аромат, благоухание», *scent* «(приятный) запах, аромат», *perfume* «благоухание, аромат; запах», *smell* «запах; аромат», *odour* «запах (обычно неприятный)» [15].

Иными словами, термин *smell* «запах» как термин-гипероним имеет ряд синонимов в зависимости от его приятности/неприятности, которые, в принципе, трактуются разными специалистами одинаково, не вызывая затруднений. Тем не менее, можно порекомендовать заменить многочисленные синонимы каким-либо одним (максимум – двумя, для обозначения приятного аромата и неприятного запаха) термином, который отражает суть специализированного понятия и будет однозначным.

По сути, в рамках парфюмерного производства должна быть выработана определённая унифицированная классификационная система, позволяющая не только правильно идентифицировать парфюмерные изделия на парфюмерном рынке, но и проводить различные маркетинговые исследования в различных регионах и отдельных странах. Кроме того, необходимо предпринять определённые практические меры по исключению терминов, имеющих неоднозначное толкование и т. д.

Отметим, что в процессе работы над анализируемыми терминологиями парфюмерного производства и нанотехнологий нами было обнаружено только три печатных словаря, отвечающих теме исследования: «Англо-русский словарь по парфюмерии и косметике» Т. В. Пучковой, С. И. Коральник (около 18000 слов и словосочетаний) (М. : РУССО, 1996. – 336 с.), «Англо-русский словарь по нанотехнологиям» Н. Н. Новичкова (около 80 000 терминов и сокращений) (М. : Агентство АРМС-Тасс, 2010. – 1100 с.), «Словарь нанотехнологических и связанных с нанотехнологиями терминов» под ред. С. В. Калюжного (около 500 терминов) (М. : Физматлит, 2010. – 528 с.), а также несколько электронных англо↔русских словарей и небольших по объёму авторских тезаурусов. В целом, приведённые выше словари не являются достаточным ресурсом для ориентирования в рассматриваемых узкоспециализированных сферах, очевидна необходимость в создании новых словарей, в частности, не только англо-русских, но и русско-английских, не просто переводных, но и энциклопедических, идеографических и т. д.

Изучение словарей и текстов исследуемых сфер парфюмерного производства и нанотехнологий позволило методом лингвистического анализа выявить список наиболее часто встречающихся английских терминов.

Остановимся вначале на классификации запахов как одной из основных понятийных систем прикладной сферы парфюмерного производства. Итак, запахи (*fragrance, odour, scent, aroma, smell*) дифференцируются:

– по происхождению: *almond note* (нота миндаля), *anisic note* (анисовая нота), *apple note* (нота яблока), *apricot note* (нота абрикоса), *bay leaf note* (нота лавровых листьев), *bergamot note* (нота бергамота), *cardamom note* (нота кардамона), *chocolate note* (нота шоколада), *cypress note* (нота кипариса), *floral-fruity note* (цветочно-фруктовая нота), *ambery fragrance* (амбровый запах), *camphoraceous fragrance* (камфорный запах);

– в зависимости от пола пользователя: *male / masculine fragrance* (мужские духи), *female / feminine fragrance* (духи для женщин);

– в зависимости от возраста пользователя: *children's fragrance* (детские духи), *young oriented fragrance* (духи для молодёжи);

– по времени использования: *daytime fragrance* (дневные духи), *evening perfume / nighttime fragrance* (вечерние духи);

– по силе воздействия и стойкости: *diffusive fragrance* (нестойкий запах), *discreet fragrance* (лёгкий запах), *coarse fragrance* (грубый запах), *fine fragrance* (композиция с тонким запахом), *heavy fragrance* (тяжёлый запах), *rich odour* (богатый запах);

– с метафорическим уклоном: *cut herbs note* (нота скошенной травы), *dry herbs note* (нота сухой травы), *earthy note* (землистая нота), *green leaves note* (нота зелёных листьев), *moldy note* (нота плесени), *maritime fragrance* (запах морского бриза), *town hay fragrance* (запах скошенного сена), *pronounced fragrance* (выразительный запах), *provocative fragrance* (вызывающий запах);

– по цвету: *black / white smells* (= *dark / cool smells, light / warm smells*); *red smells* (= *putrid*); *green or / and yellow smells* (= *fragrant or / and aromatic*); *blue* (= *goat like*) [см. подробнее 16].

Различные сочетания ароматов классов трёх основных фаз (*top, middle, base*) создают конкретные «композиции», именуемые *аккордами* (*accords*). В данном случае можно провести параллель между парфюмерным производством и музыкой:

An accord in perfume is similar to 'a chord' in music – two or more keys, notes, or tones that when played together form a new sound – an accord in fragrance is a harmonious blend of essences carefully combined to create an altogether new and different fragrance entity – one that can stand on its own and one in which you cannot detect its individual components [18].

Наиболее популярными ароматическими аккордами являются следующие: *amber accord, ambreine accord, aquatic accord, aromatic accord, balsam accord, chypre accord, citrus accord, cologne accord, floral accord, fresh accord, fougere accord, fruit accord, gourmand accord, green accord, herbal accord, mellis accord, oriental accord, spice accord, wood accord*.

Отметим, что помимо собственно парфюмерных терминов (в том числе множества заимствований из смежных сфер), в сфере парфюмерного производства наблюдаем существование сложных слов с символами: *n-octanal*, *A-damascone*, *b-ionone*, *T zone*, *w-o emulsion*, *m-cresol*. (Подобное явление также присутствует в терминологии нанотехнологий – *T-junction*, *p-n junction* и т. д.)

Исходя из проделанного анализа, можем заключить, что преобладающее большинство терминов парфюмерного производства являются многокомпонентными (содержащими два и более компонента), также наличествуют заимствованные термины из французского языка (*eau de cologne* – «одеколон», *eau de parfum* – «парфюмерная вода»; *eau de toilette* – «туалетная вода»). В парфюмерной промышленности наличествуют различные типы терминов, в том числе синонимичные терминологические единицы, заимствования, термины с символическими компонентами и т. д.

Следует отметить, что в англоязычной парфюмерной терминологии присутствует весьма значительный объём терминов для обозначения (см. приведённую выше классификацию) парфюмерных нот и аккордов, который требует унификации в плане отбора термина-основания многокомпонентного термина, например: *moldy note* – нота плесени, *floral-fruity note* – цветочно-фруктовая нота, *maritime fragrance* – запах морского бриза, *ambery fragrance* – амбровый запах. Кроме того, представляется необходимым с точки зрения терминологии ограничить число запахов, их оттенков, оставив только определённые базовые наименования (*floral*, *fruity*, *wood* и т. д.), подробно описать их, написав подробные дефиниции. Это необходимо в значительной степени для специалистов, работающих в сфере парфюмерного производства, но также это важно для рядовых потребителей парфюмерной промышленности, которые могут просто запутаться в существующей терминологии.

В том, что касается нанотехнологий: в рамках данной терминологии также наблюдается количественное преобладание многокомпонентных терминов. Термин сферы нанотехнологий должен быть по возможности кратким, поэтому при стандартизации для сокращения его длины при сохранении понятия используются такие методы, как:

- исключение из термина слов и других малоинформативных терминологических элементов, обозначающих несущественные признаки понятия, не влияющих на возможность его выделения из числа других, например: *nanoscale phase separation* – *phase nanoseparation*, *multi-walled carbon nanotube* – *multi-walled nanotube*;

- замена многоэлементного нанотехнологического термина более коротким синонимом, например: *clockwise-polarized photon* – *clockwise photon*;

- создание сокращений и аббревиатур разных типов (*AFM* – *Atomic Force Microscopy*; *MBE* – *Molecular Beam Epitaxy*; *molmac* – *molecular machine*; *CVD-method* – *chemical vapour deposition method*; *nanobiotechnology* –

nanotechnological biological technology, nanoelectromechanics; nanobot; moletronics;

– создание *слов-символов*, в которых краткий инициальный элемент-знак говорит о форме объекта, например: *T-junction*.

В рамках нанотехнологической терминологии нередко можно встретить полисемичные термины, что может быть объяснено повсеместным взаимопроникновением научных понятий между различными областями науки и производства, а также между терминологией и общеупотребительной лексикой (например, процессы *терминологизации*). Ещё одним фактором терминологической полисемии является формирование новых терминов на основе общеупотребительных слов. При стандартизации терминологии должна акцентироваться тенденция к **моносемичности**. Строго стандартный нанотехнологический термин *моносемичен*, например, термин *nanometer* (*нанометр*) обозначает *длину, равную одной миллиардной доли метра*.

Говоря о синонимии в терминологии, следует отметить, что данное явление свойственно молодым терминосистемам, когда для обозначения одного и того же понятия применяется несколько синонимичных терминов. Например, наличие таких терминологических единиц, как *nanomachine/nanobo/nanorobot/nanite*, обозначающих понятие «*наноробот*» и являющихся синонимами, говорит о нестандартизованности терминологии сферы нанотехнологий. Из синонимического ряда, приведённого выше, понятие «*наноробот*» наиболее полно и точно обозначает частотный термин *nanorobot*, который и следует считать стандартным. Стандартный нанотехнологический термин **не должен иметь синонимов** в пределах терминосистемы.

При стандартизации в случае *омонимии* терминов, когда для выражения двух и более понятий сферы нанотехнологий используется одна и та же словесная форма, целесообразным является применение следующего подхода:

– стандартизовать для каждого из данных понятий самостоятельные термины, например, для обозначения явления/процесса использовать соответственно термины *nanoabsorption* (*наноабсорбция*) и *nanoabsorbing* (*наноабсорбирование*);

– стандартизовать омонимичный (или многозначный) термин с соответствующей *специальной пометой*, например, *waveguide (physics)* (*волновод (физика)*), *waveguide (nanotechnology)* (*волновод (нанотехнология)*). На практике в англоязычной терминологии нанотехнологий присутствует такое явление, как **междисциплинарная омонимия**, которую не всегда можно снять посредством контекста в связи с вовлечением в данную науку дисциплин, тесно связанных между собой как по предмету исследования, так и по используемым методам [7, с. 15].

Значительное количество новых терминологических единиц сферы нанотехнологий требует глубокого количественного и качественного анализа, что говорит о назревшей необходимости в описании, детальном исследовании, систематизации и стандартизации данной терминологии, что, по нашему мнению, может быть осуществлено с помощью создания электронных терминологических баз данных и дальнейшего лексикографирования терминов.

В результате анализа была также выявлена необходимость упорядочения и английской терминологии предметной области парфюмерного производства – устранения синонимии терминов, унификации обозначения запахов и их оттенков. Мы предлагаем помимо собственно перевода термина и (в некоторых случаях) энциклопедической информации включить в словарную статью этимологические данные, словообразовательные дериваты, в том числе синонимы, антонимы, омонимы, межъязыковые соответствия (с другими языками), устойчивые словосочетания с конкретным термином. Специализированный словарь должен отвечать самым современным требованиям и нуждам реальных пользователей, являться способом получения знания о термине. Стандартизация и лексикографирование терминологии необходимы, причём как для уже достаточно устоявшихся (парфюмерное производство), так и молодых (нанотехнологии) терминосистем. Мы отмечаем, что данные процессы необходимы, прежде всего, для специалистов для однозначного толкования терминов, понимания и кооперации между учёными внутри страны и на международном уровне, однако не менее важны для обычных потребителей парфюмерной и нанотехнологической продукции.

Библиографический список

1. Алимуратов О. А., Лату М. Н. Метафоричность термина как переводческая проблема // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2006. – № 4. – С. 24–27.
2. Алимуратов О. А., Лату М. Н. Особенности терминологической номинации: когнитивно-семантический подход (на материале китайской и английской терминологии боевых искусств) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2008. – № 1–2. – С. 6–13.
3. Алимуратов О. А., Лату М. Н., Раздубов А. В. Особенности структуры и функционирования отраслевых терминосистем (на примере терминосистемы нанотехнологий) : монография. – 2-е изд., испр. и доп. – Пятигорск, 2012. – 128 с.
4. Войтович В. А. Новые противокоррозионные материалы в строительстве. – Горький : ВВКИ, 1980. – 93 с.
5. Государственная приёмка продукции / И. И. Исаев, О. В. Аристов, В. М. Богданов и др. – М. : Издательство стандартов, 1988. – 402 с.
6. Давлетукаева А. Ш. Связь лексических значений терминов с концептами, развитие терминов. URL: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=4597 (дата обращения: 01.09.2014).

7. Иванова О. Б. Динамика становления терминологии новой предметной области (на материале терминосферы нанотехнологии в английском и русском языках) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 24 с.
8. Кохтев А. А. Основы стандартизации в машиностроении. – 4-е изд. – М. : Машиностроение, 1973. – 352 с.
9. Лату М. Н. Комплексная характеристика современной англоязычной военно-исторической терминологии: фреймово-семантический подход // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2009 а. – № 1. – С. 120–123.
10. Лату М. Н. Основные характеристики термина в современном английском языке: эталон и динамика (на материале современного английского языка военно-исторической терминологии) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2009 б. – № 2. – С. 93–96.
11. Лату М. Н., Алимуратов О. А. К вопросу об универсальных и индивидуальных характеристиках терминотерминов (на материале англоязычной военно-исторической терминологии) // Язык. Текст. Дискурс. – 2008. – № 6. – С. 250–255.
12. Лату М. Н., Раздубов А. В. Терминоведение: частные вопросы развивающихся терминологий : учеб. пособие к лекционному курсу «Общие и прикладные аспекты терминоведения». – Пятигорск, 2011. – 132 с.
13. Рычкова Л. В. Особенности лексикографирования многоязычной социально-ориентированной терминологии. URL: www.elib.grsu.by/katalog/161663-346563.pdf (дата обращения: 01.09.2014).
14. Bergenholtz H., Tarp S. Two opposing Theories: on H. E. Wiegand's Recent Discovery of Lexicographic functions // Hermes. Journal of Linguistics. – № 31. Aarhus, 2003. – P. 171–196.
15. Lingvo Online Dictionary. URL: <http://www.lingvo-online.ru/ru> (дата обращения: 01.09.2014).
16. Moeran B. The colour of smell: perfume advertising and the senses. URL: http://openarchive.cbs.dk/bitstream/handle/10398/8371/Brian_Moeran_Advertising%20The%20Colours%20of%20Smell_2011.pdf?sequence=3 (дата обращения: 01.09.2014).
17. Odor Classifications & Fragrance Families. The Vocabulary for the Fragrance Industry. URL: <http://www.belle-aire.com/pdfs/FragranceGenealogy.pdf> (дата обращения: 01.09.2014).
18. Perfumer's Lab: Accords. Fragrance and music are similar. URL: <https://www.saveonscents.com/accords.php> (дата обращения: 01.09.2014).
19. Ramsden J. Essentials of nanotechnology. J. Ramsden & Ventus Publishing ApS., 2009. – 126 p.

ПАРАМЕТРЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ

М. И. Логачева

*Старший преподаватель,
Поволжский государственный
университет телекоммуникаций
и информатики, г. Самара, Россия*

Summary. The article deals with some systematizing characteristics of semantic relations in English phraseological stock. The intersection of these characteristics gives certain semantic relations among phraseologisms.

Большой интерес для исследования представляет установление параметров, по которым систематизируются отношения в английском фразеологическом фонде. Самое отдаленное семантическое отношение между фразеологизмами прослеживается на уровне абстракции, более высоком, чем уровень синонимии. Примером может служить следующая пара фразеологизмов: *to use a musket to kill a butterfly* – *to carry water in a sieve*. Это не синонимы, но они имеют абстрактный смысловой инвариант “использовать оружие, не адекватное объекту воздействия”, который отражен в перекрестной ссылке в словаре [5, с. 85].

Это наиболее отдаленное смысловое отношение назовем семантической корреляцией, а соотнесенные фразеологизмы – семантическими коррелятами.

Более близкое смысловое сходство демонстрируют фразеологизмы: *to use a musket to kill a butterfly* – *to crack a nut with a sledgehammer*. Оно прослеживается на более низком уровне абстракции. Совпадение их словарных дефиниций показывает, что это синонимы.

То же можно сказать о паре фразеологизмов *to make a mountain out of a molehill* и *to make a song and dance about nothing*. Это тоже синонимы. Поскольку у них разные образные основы, назовем их разнообразными.

Чтобы наглядно представить степени сходства этих фразеологизмов, можно воспользоваться способом записи, восходящим к «падежным рамкам» Ч. Филлмора [3, с. 372], формулам А. Вежбицкой [1, с. 95] и метаязыку, разработанному В.М. Савицким [2, с. 35].

В плане содержания наблюдается наличие семантических инвариантов на двух уровнях абстракции: на уровне коррелятов и на уровне синонимов.

В плане выражения (в буквальном плане, в области образной основы) тоже обнаруживается два уровня абстракции, на которых образные основы фразеологизмов имеют инвариант. Первый, более высокий уровень – это уровень общей актантно-ролевой структуры сходных образов. Приведем пример: *to sheathe the sword* – *to bury the hatchet* (“прекратить конфликт”). Уровень конкретного образа, общего для двух фразеологизмов: *to sheathe the sword* – *to put the sword back to the scabbard* (субъект х прилагает излишние усилия по ничтожному поводу).

Первую пару можно назвать актантно-ролевыми синонимами, а вторую – единообразными синонимами. Эти отношения характерны не только для синонимов, но и для фразеологизмов, состоящих в других отношениях – например, для антонимов и семантических конверсивов. Приведем примеры.

Актантно-ролевые антонимы: *to bark up the right tree* – *to hit the wrong nail on the head*.

Единообразные антонимы: to bark up the right tree – to bark up the wrong tree.

Актантно-ролевые конверсивы: to buy a pig in a poke – to sell a cat in a sack.

Единообразные конверсивы: to buy a pig in a poke – to sell a pig in a poke.

Самое близкое семантическое отношение наблюдается между фразеологическими вариантами.

Фразеологические варианты различаются лишь денотативно-сигнификативными и / или коннотативными нюансами смысла, а в ряде случаев – лишь структурными деталями (порядком слов, служебным словом и т.п.). Приведем пример фразеологических вариантов: to buy a pig in a poke – to buy a pig in a pouch.

Наблюдается градация семантических отношений по степени смыслового сходства фразеологизмов – от самого отдаленного до самого близкого.

Эту градацию можно проследить на примере фразеологизма to buy a pig in a poke в его отношениях с коррелятами, синонимами разных видов и вариантами.

1) Корреляты: to buy a pig in a poke “сделать сомнительное приобретение” смысловой инвариант: to make a shot in the dark “сделать пробный шаг” / “поступить наугад”

2) Разнообразные синонимы: to buy a pig in a poke – to make a blind bargain.

3) Актантно-ролевые синонимы: to buy a pig in a poke – to buy sight unseen.

4) Единообразные синонимы: to buy a pig in a poke – to buy a cat in a sack.

5) Фразеологические варианты: to buy a pig in a poke – to buy a pig in a pouch.

Уровень абстракции, на котором устанавливается семантическое сходство фразеологизмов – не единственный параметр систематизации отношений между ними. Кроме него, следует отметить такой параметр, как деление образной основы на экспликат и имплицат у единообразных фразеологизмов.

Библиографический список

1. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
2. Савицкий В. М. Английская фразеология: проблемы моделирования. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 1993. – 172 с.
3. Филлмор, Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. – М. : Прогресс, 1981. – С. 369–495.
4. EPE – English Proverbs Explained / R. Ridout, C. Witting. – Oxford : Univ. Press, 1988. – 186 p.

ЭПИТЕТ В ОТОБРАЖЕНИИ ПОРТРЕТНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ДЖЕЙН ЭЙР»)

С. А. Берлова

*Магистрант,
Брянский государственный университет
им. И. Г. Петровского,
г. Брянск, Россия*

Summary This article observes the descriptions of epithet indication on major features of character when the portrait is described. This article has been written using the material of novel «Jane Eyre».

Key words: epithet; adjective; description of character; linguistic analysis of the text; translation.

В широком смысле слова понятие «эпитет» – вид стилистического тропа, часто используемый в художественном произведении.

Эпитет в узком смысле слова отображает эмоционально-образное состояние и художественное описание объекта [6, с. 516].

Есть и такое понятие эпитета – способ определения предмета или действия, подчеркивающее какое-либо необычное свойство или качество. Без эпитетов речь становится бедной, эпитет украшает речь и делает ее более живой [7, с. 395].

Как художественную деталь эпитет нельзя путать с определительным прилагательным [4, с. 359]. Б. В. Томашевский указывает, что задача эпитета в большей степени индивидуализировать понятие или предмет, отличать его от схожих ему понятий [9, с. 200]. Именно поэтому многие исследователи в своих работах о понимании и классификации эпитета сталкиваются с рядом проблем, поскольку структура эпитета подразумевает одновременный учет таких показателей, как семантика, стилистическая окраска, образный потенциал, количественный показатель – то, что свойственно обычным именам прилагательным, выступающим в функции определения по отношению к имени существительному [1–3; 5; 6].

Анализируя некоторые работы по вопросу исследования эпитетов (например, [6; 8]), можно сказать, что с одной стороны, эпитет рассматривается как часть парадигматической стилистики, а с другой – как часть синтагматической стилистики [6, с. 519; 8, с. 100]. В этой связи, любой эпитет всегда является значимым звеном текста. Текст, лишенный эпитетов, образует так называемый «нейтральный фон», в то время как, текст, снабженный эпитетами, всегда выступает в роли усилителя информационной составляющей текста.

Эпитеты могут давать разное описание, например, характеристику психологическую, поведенческую и, портретную и т. п.

Так, рассмотрим особенности эпитетов в оригинальном произведении Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» и его переводах на французский и русский языки.

Можно выделить следующие наиболее часто встречающиеся смысловые объединения, в которых эпитеты дают уже упомянутую нами портретную характеристику.

Материал показывает, что наиболее многочисленную группу составляют эпитеты, выражающие **физические характеристики** человека. Примерами могут послужить следующие сочетания английского, французского и русского языков: *golden curls* (букв.: золотые кудри) [11, р. 12] – *boucles d'or* (букв.: золотые кудри) [12, р. 286] – золотые кудри [10, с. 12]. *Cold eyes* (букв.: холодные глаза) [11, р. 262] – *les yeux froids* (букв.: холодные глаза) [12, р. 284] – холодные глаза [10, с. 262]. *Square shoulders* (букв.: квадратные плечи) [11, р. 172] – *épaules carrus* (букв.: широкие плечи) [12, р. 200] – крутые плечи [10, с. 170]. *Vile bodies* (букв.: гнусное тело) [11, р. 73] – *vile envelope* (букв.: гнусная оболочка) [12, р. 98] – бранный плоть [10, с. 73]. *Large mind intelligent and benign-looking forehead* (букв.: широкий умный и доброкачественный лоб) [11, р. 100] – *front bon, élève, doux, intelligent* (букв.: широкий умный и спокойный лоб) [12, р. 116] – широкий, умный и спокойный лоб [10, с. 100].

Также имеются эпитеты, которые никак не представлены в английском и французском языках, а в русском языке представлены конструкцией «имя прилагательное + имя существительное». Это эпитеты, такие как: *ясное лицо* [10, с. 99], *бескровные щеки* [10, с. 172], *неблагородная внешность* [10, с. 190].

Оценочные эпитеты выражают отношение автора к предметам и явлениям, которые он изображает в своих произведениях. В рамках исследуемого материала имеются случаи, когда авторы текста и оригинального перевода передают, эмоционально-оценочную информацию при помощи эпитетов, описывающих **эмоциональные характеристики**. *Bleared eye* (букв.: затуманенный взгляд) [11, р. 5] – *les yeux trouble* (букв.: беспокоящие глаза) [12, р. 9] – затуманенный взгляд [10, с. 5], *unutterable wretchedness* (букв.: непроносимая убогость) [11, р. 19] – *inexprimable abatement* (букв.: непостижимая битва) [12, р. 24] – сердечная тоска [10, с. 20].

В последующих примерах эмоции представлены посредством звуковых средств выражения и самовыражения в языке – смех и шепот. *Goblin laughter* (букв.: гоблинский смех) [11, р. 185] – *le rire diabolique* (букв.: дьявольский смех) [12, р. 197] – дьявольский смех [10, с. 187], *kind whisper* (букв.: ласковый шепот) [11, р. 76] – *bonnes paroles* (букв.: хорошие слова) [12, р. 92] – ласковый шепот [10, с. 76].

И также встречаются эпитеты, не имеющие французского эквивалента: *humler supplication* (букв.: скромное прошение) [11, р. 302] – скромный

дар [10, с. 303], *relieved heart* (букв.: облеглаенное сердце) [11, р. 104] – облеглаенное сердце [10, с. 104].

Интеллектуальные эпитеты указывают на образовательную, когнитивную черту человека: *undeveloped understanding* (букв.: неразвитое понимание) [11, р. 4] – *intelligence inculte* (букв.: запущенный ум) [12, р. 8] – неискушенный ум [10, с. 4], *fine intellect* (букв.: отличный интеллект) [11, р. 79] – *belle intelligence* (букв.: хороший ум) [12, р. 105] – незаурядный ум [10, с. 80]. *Rough boles* (букв.: сильные извилины) [11, р. 137] – *rude trône* (букв.: грубые извилины) [12, р. 286] – мощные извилины [10, с. 137].

В **нравственной** классификации встречаемся с такими эпитетами: *Wicked heart* (букв.: слабое сердце) [11, р. 36] – *mauvais Cœur* (букв.: плохое сердце) [12, р. 49] – злое сердце [10, с. 37], *hard-hearted* (букв.: жестокое сердце) [11, р. 40] – *votre cœur est dur* (букв.: ваше сердце жестокое) [12, р. 54] – злое сердце [10, с. 41]. *The aspect of an angel* (букв.: часть ангела) [11, р. 79] – ангельская доброта [10, с. 79], *unconscious pride* (букв.: бессознательная гордость) [11, р. 164] – бессознательная гордость [10, с. 165]. Стоит заметить, что в последнем случае эпитет в тексте оригинала образовался посредством конструкции «имя существительное + имя существительное».

Следующая группа эпитетов оценивается по **психологическим критериям** в описании портрета персонажа. Можно выделить некое описание через отличительные черты, структуру стойких, сравнительно постоянных психических свойств. *Bad character* (букв.: плохой характер) [11, р. 41] – *mauvais caractère* (букв.: плохой характер) [12, р. 484] – скверный характер [10, с. 52], *hardly and active habits* (букв.: только активные привычки) [11, р. 37] – *des habitudes dures* (букв.: закаляющие привычки) [12, р. 51] – закаляющий характер [10, с. 39].

И последняя группа эпитетов, определяемая по **физиологическим характеристикам**. *Unwholesome some skin, dingy skin* (букв.: тусклая кожа, нездоровый цвет лица) [11, р. 5] – *noire a malsaine visage* (букв.: мрачное и нездоровое лицо) [12, р. 12] – прыщеватая кожа, нездоровый цвет лица [10, с. 5].

Таким образом, эпитеты в романе Ш. Бронте «Джейн Эйр» могут употребляться для отображения следующих особенностей портретной характеристики человека: физической, эмоциональной, интеллектуальной, нравственной, психологической и физиологической. Использование эпитетов в описании портретной характеристики персонажа больше представлено в переводах исследуемого текста на русский язык, чем в языке оригинала.

Французский вариант рассматриваемого произведения редко использует эмоционально-экспрессивную окраску, но часто склоняется к стилистически нейтральному представлению характеристики текста оригинала, используя безобразные приемы описания.

Что касается языка оригинала, то следует сказать о частом использовании конструкции «имя существительное + имя существительное» в качестве синтаксического приема представления эпитета. В обнаруженных французских и русских примерах такая конструкция отсутствует.

Также имеются случаи полного отсутствия образного представления значений в английском и французском текстах, в то время как текст русского перевода, наоборот, снабжен эпитетами для описания идентичной безобразной ситуации английского и французского текста.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка // стилистика декодирования. – М. : Просвещение, 1990. – С. 300.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд-е 4-е. – М. : КомКнига, 2007. – С. 576.
3. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. – М. : Просвещение, 1958. – С. 459.
4. Квятковский А. Поэтический словарь. – М., 1966. – С. 62.
5. Мороховский А. Н. Стилистика английского языка. – Киев: Высшая школа, 1991. – С. 272.
6. Москвин В. П. Стилистика русского языка. – Ростов - на - Дону, 2006. – С. 630.
7. Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку (практическая стилистика). Изд-е 2-е. – М. : ОНИКС Мир и образование, 2007. – С. 416.
8. Скребнев Ю. М. Основы стилистики английского языка: учебник: книга на английском языке. – Астрель, АСТ, 2003. – С. 221.
9. Томашевский Б.В. Стилистика и стихосложение. – Л., 1959. – С. 525.
10. Шарлотта Бронте Джейн Эйр // перевод И. Гуровой. – М. : Азбука-Аттикус, 2012. – С. 544.
11. Charlotte Bronte. Jane Eyre. – Капо, 2010. – 512 p.
12. Charlotte Brontë. Jane Eyre. – Barnes & Noble, 2005. – 592 p.

II. LINGVISTIC REGIONAL GEOGRAPHY AND LINGVOCULTUROLOGY

ИЗ ОПЫТА ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ

**З. Н. Афинская,
Е. Г. Печатнова**

*Кандидат филологических наук, доцент,
специалист,
Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия*

Summary. The relevance of this subject is due to ever-present necessity to learn foreign languages and to acquire the skills of professional communication. The goal of this article is to present the specific features of French language textbooks that develop such aspects of speaking as conceptual competence and lexico-syntactic particularities of economics discourse.

Keywords: functional style; logistics; supply chain; vocabulary; comments; oral and written forms of topic discussion.

Иностранный язык для филологов и лингвистов, иностранный язык для студентов гуманитарных направлений и для студентов естественных наук – разная спецификация сфер использования языка, что обуславливает изучение разных видов дискурса и, соответственно, создание разного типа учебных пособий. Содержание обучения французскому языку будущих специалистов в гуманитарной сфере знаний направлено на формирование всего комплекса коммуникативных компетенций, что предполагает не только знание лексики, грамматики и просодии научной речи, но также подразумевает адекватное использование этих компетенций в практике использования иностранного языка – в чтении текстов по специальности, в устной и письменной формах общения, в реферировании текстов, в умении аргументировано выражать собственное мнение и др. Овладение коммуникативными технологиями невозможно без учета культуры научной речи и лингвокультуры того социума, язык которого предполагается изучить. Обучение иностранному языку во всем многообразии форм его выражения в комплексе с изучением культуры и науки страны изучаемого языка относится к сфере лингвострановедения, актуальность которой имеет непреходящий характер. Вследствие чего, лингвострановедческая информация в обязательно присутствует в учебных пособиях по иностранному языку, как в «скрытом» виде (в комментарии к тексту), так и в качестве изучаемой тематики, имеющей общеобразовательный и просветительный характер [1; 4; 7].

Учебная задача отраслевых пособий для студентов не филологических дисциплин преследует несколько целей. Во-первых, необходимо освоить отраслевую терминологию; во-вторых, необходимо изучить особенности лексико-синтаксические особенности научной речи [2]; в-третьих, целесообразно расширить знания о мире изучаемого языка, так как возрастающие научные контакты стимулируют получение информации о социально-культурной проблематике, активно освещающейся в средствах массовой информации. В связи с чем, вырабатывается концепция тематического содержания учебных пособий с упором на изучение наиболее актуальной проблематики.

Иллюстрацией положений компетентностного подхода в обучении французскому языку может служить учебное пособие «Управление логистикой во Франции: учебное пособие для вузов на французском языке» (авт. Е. Г. Печатнова, О. Г. Розум), которое помогает освоить эту проблематику как содержание речевой деятельности. Оно дополняет учебные пособия для студентов-экономистов, которые используются в процессе обучения французскому языку, в частности, для освоения таких аспектов, как общенаучная лексика, синтаксис научной речи, перевод, страноведение.

Пособие предназначается для студентов-экономистов, прошедших начальный базовый курс французского языка (уровень B1). Тем не менее, овладение навыками чтения и перевода остается по-прежнему одной из основных и актуальных задач, стоящих перед студентами нефилологических специальностей, получающих знания в качестве «начинающих», т. е. получающих знания французского языка «с нуля» в период обучения в МГУ. Научиться прочитывать информацию (главную и второстепенную) с тем, чтобы достаточно быстро ее осмысливать в практической работе – такая задача стоит перед каждым специалистом, стремящимся овладеть иностранным языком в целях профессионального общения.

Данное пособие актуально, прежде всего, своей тематикой. В нем представлены тексты, отражающие актуальные социокультурные проблемы, в частности, интегрированную логистику: управление складскими запасами, морские и наземные перевозки, управление качеством, прогнозирование, информационные системы в логистике и др. Оно включает в себя 25 текстов по логистике (объем – А4), заимствованных из аутентичных трудов французских специалистов, а также отрывков из статей на тему «Управление цепями поставок», опубликованных во французской экономической прессе, как например: «*La livraison face aux consommateurs*»; «*E-commerce: cibler ce secteur par une offre compétitive*»; «*La filière température dirigée*»; «*La diversification des approvisionnements*»; «*Les camions: sous-traiter ou renouveler?*»... Используются интернет-материалы. В пособии представлено в виде учебного текста несколько конкретных примеров логистической деятельности французских предприятий. Статьи, заимствованные из французской экономической периодики, не адаптировались, а

лишь местами сокращены. Целостность информации позволяет не только более точно перевести все документы, но также составить по ним рефераты и обсудить предложенные темы.

Основной текст сопровождается кратким комментарием страноведческих реалий, таких как *le volet enviromental*, *le progiciel*, *le terminal roulier*, *TIC* и др. В комментарии отражает к тексту учитывается «**характер когнитивной базы**» (выделено шрифтом в тексте) тех, кому словарь адресован» [3, с. 312] и знания страноведческих и культурных реалий.

Авторы вводят в активное обращение в контексте французской лингвокультуры английские термины, получивших статус международной терминологии: *la supply chain*, *le mass marquet*, *le reefer*, *le cross-docking* etc.

Каждый текст снабжен вопросами и письменными заданиями, рассчитанными на комментарий студентов по поводу различных экономических проблем. Устные задания предполагают развитие компетенций, необходимых для участия в дискуссиях, в умении выразить собственное мнение. В качестве письменных заданий предлагается краткое реферирование текста. Этот вид учебных заданий предполагает знание основ научной письменной речи [8, 9] и страноведческих реалий и национальных особенностей восприятия экономических реалий. Реферат должен быть контекстуально-ориентированным, что предполагает, как пишет С. Г. Тер-Минасова, выявление той роли, «которую... внеязыковой фактор играет в данном ... произведении» [6, с. 122].

Задания, представленные в пособии, учитывают французскую методику получения, управления и контроля знаний, которая вписывается в европейские стандарты обучения иностранным языкам. Одними из важных составляющих этого обучения являются элементы лингвострановедения, которые, по мнению европейских коллег, должны обязательно присутствовать в каждой методике изучения иностранного языка (*civilisation* или *savoir socio-culturel*) [7, с. 82–83].

Традиционные формы обучения являются частью общей французской культуры (*culture générale*) и используются в среднем и высшем образовании Франции: чтение (ознакомительное, просмотровое и аналитическое), письменное и устное выполнение лексико-грамматических упражнений, анализ основного тезис и его аргументов. Этот подход отражает рациональный декартовский менталитет французов (*l'esprit cartésien*)², для которого форма не менее важна, чем содержание. Изучение структуры и стилистических особенностей устной и письменной речи позволяет учащимся активно использовать многие виды речевой деятельности (диалог, устную презентацию, интервью, пересказ), а также научиться составлять план текста, писать резюме, отчет, доклад, статью, сочинение и др. Все эти задания основываются на современном европейском подходе к обучению языкам и являются

²Se dit de quelqu'un à l'esprit rationnel, rigoureux et quelque peu formaliste : Il est très cartésien dans toutes ses idées.(www.larousse.fr)

составной частью европейской культуры, которая отражается во многих современных учебных пособиях [9].

Очень важное внимание уделяется не только ответам на вопросы, которые даются после каждого текста пособия, но также креативности и научному мышлению студентов на французском языке. Например, нужно подумать о роли товарного запаса на предприятии, привести конкретные примеры из области управления логистикой.

В ракурсе страноведения представляют интерес приведенные в пособии [5] аутентичные объявления о вакансиях в области логистики и выдержки из программ обучения в области логистики французских вузов и высших школ. Благодаря этим материалам, студент знакомится с миром повседневных реалий предприятий и получает представление о требованиях при приеме на работу, о способностях и компетенциях, которые больше всего ценятся работодателями. В качестве учебного диалога полезно изучить образцы собеседования с работодателем по поводу приема на работу.

Учитывая важную роль интернета в обучении и нахождении информации, и принимая во внимание скорость получения необходимых данных и их доступность для студентов, в пособии указывается интернет-библиография. В ней представлены некоторые французские сайты в области управления логистикой и сайты предприятий, работающих в этой области, а также сайты вузов, готовящих специалистов в этой сфере. Это подразумевает возможность для студентов самостоятельно ознакомиться с материалами в интернете и подготовить собственный обзор, эссе или статью на интересующие его темы.

В пособии особое место уделяется изучению лексики конкретной профессиональной области. Предлагается подобрать синонимы и антонимы, однокоренные слова. Для студентов, владеющих языком на продвинутом уровне, вместо перевода предлагается найти эквивалентные выражения на французском языке, минуя перевод на русский язык.

Данное пособие может быть интересно также будущим переводчикам, так как оно достаточно полно отражает словарный запас из области интегрированной логистики. Учебный французско-русский словарь, представленный в пособии (более 160 единиц), позволяет освоить достаточно полно терминологию по теме «Логистика».

Пособие предназначается для студентов-экономистов, прошедших начальный базовый курс французского языка (уровень B1). Тем не менее, овладение навыками чтения и перевода остается по-прежнему одной из основных и актуальных задач, стоящих перед студентами нефилологических специальностей, получающих знания в качестве «начинающих», т. е. получающих знания французского языка «с нуля» в период обучения в МГУ. Научиться прочитывать информацию (главную и второстепенную) с тем, чтобы достаточно быстро ее осмысливать в практической работе – та-

кая задача стоит перед каждым специалистом, стремящимся овладеть иностранным языком в целях профессионального общения.

Таким образом, вопрос о формировании профессионально значимых компетенций для студентов нефилологических специальностей целесообразно рассматривать на примере так называемых отраслевых пособий. Они позволяют – на основе соединения традиционных и инновационных методов работы – выполнение разнообразных заданий, направленных на изучение иностранного языка, дискурсивных компетенций, страноведческой тематики и культуры изучаемого языка. Содержание отраслевых учебных пособий служит основой, поддерживающий интерес к стране, обогащая картину мира учащихся информацией, которая обычно не попадает в учебники по французскому языку.

Библиографический список

1. Афинская З. Н., Анисимова Ж. М. *Economie: textes, discussions et méthode*. – М. : МАКСПресс, 2009.
2. Воробьева Е. Ю. *Лексические трудности французского языка*. – М. : ЦОП ФИЯР МГУ, 2013.
3. Корнилов О. А. *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов*. – 3-е изд. испр. – М. : КДУ, 2011
4. Кулаженкова Л. Н. *История и жизнь Европейского союза*. – М. : МГУ, 2012.
5. Печатнова Е. Г., Розум О. Г. *Управление логистикой во Франции учебное пособие для вузов на французском языке / Le management logistique en France: manuel en français pour les étudiants en économie : учебное пособие*. – М. : Университетская книга, 2014.
6. Тер-Минасова С. Г. *Язык и межкультурная коммуникация*. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004.
7. *Cadre Européen commun de référence pour les langues: apprendre, enseigner, évaluer*, Division des langues vivantes du Conseil de l'Europe, Editions Didier. – Paris, 2001.
8. Causa M., Mègre B. *Production écrite; atelier FLE, niveaux C1/C2 du*
9. Chovelon B., Marie-Hélène Morsel M.-H. *Le résumé, le compte rendu, la synthèse, guide d'entraînement aux examens et concours*, Presse Universitaire de Grenoble, 2010.
10. *Cadre européen commun de référence*, Les Editions Didier. – Paris, 2008.
11. www.larousse.fr

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ВЕРБАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

С. Н. Исмаилова

*Аспирант,
Московский городской педагогический
университет, г. Москва, Россия*

Summary. Theoretical justification for studying verbal representation of the phraseological picture of the world. The work considers the phraseological picture of the world as an object

of linguistic researches. Linguistic communicates with the picture of the world and the language, studies the ways of mental content fixation through the language.

Key words: theoretical justification; phraseological picture of the world; linguistic; mental fixation.

Сам термин «фразеологическая картина мира» является довольно новым по своей сути термином в современной лингвистике. Хотя отмечается при этом постоянное внимание языковедов к исследованию вербализации фразеологической картины мира, как на материале одного конкретного языка, так и на материале нескольких языков при их сопоставлении друг с другом.

Целесообразно сделать обзор существующих в языкознании точек зрения на раскрытие и определение самого этого термина. Некоторые лингвисты при рассмотрении фразеологической картины мира обращаются к такому понятию как языковая картина мира.

Картина мира предстает для человека как «упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (групповом или индивидуальном) сознании [16; 5]. Она формируется как результат непосредственного восприятия мира, его познания при помощи органов чувств и его осмысления при помощи абстрактного мышления [16; 4]. Лингвистика устанавливает связь картины мира и языка, изучает способы фиксации мыслительного содержания средствами языка.

Языковая картина мира, по мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, является разновидностью опосредованной картины мира, под которой языковеды понимают результат фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами, материализующими существующую в сознании непосредственную когнитивную картину мира. Языковая картина мира – это комплекс языковых средств, отражающих особенности этнического восприятия мира, это совокупность представлений народа о действительности, зафиксированных в единицах языка, на определенном этапе развития народа [16; 6].

Языковая картина мира отображается различными языками и связана с лексическим и фразеологическим составом языка. Как отмечает О. Г. Дубровская, фразеологизмы, являясь вторичными образными наименованиями различных реалий действительности, продуктом языкового народного творчества, выступают «отдельными познавательными актами, выраженными в изолированных языковых структурах» [8; 36].

Ю. Д. Апресян, выводит понятие «фразеологическая картина мира», обращаясь к пониманию языковой картины мира, создаваемой фразеологизмами, отмечая необходимость учета антропоцентрического подхода к изучению языковой картины мира. Человек выступает в качестве меры всех вещей, значение целого ряда базовых слов и

фразеологизмов сформировалось на основе антропоцентрического понимания мира [2].

Как отмечают исследователи Л. Ю. Буянова., Е. Г. Коваленко, фразеологические единицы играют особенную роль в создании языковой картины мира, так как они являются «средством освоения мира человеком, в них фиксируются, хранятся и воссоздаются его чувства, эмоции, ощущения, оценки, настроения» [4; 45].

По мнению Н. В. Поповой по средствам фразеологизмов формируются фразеологическая картина мира, подчеркивающая этноспецифические черты данного народа (содержание человеческого бытия, внешние и внутренние качества человека) и отображающая национальную специфику морально-нравственного аспекта (эстетические и этические ценности) [17].

Языковед исходит из понимания того, что фразеологическая картина мира является совокупностью знаний об окружающем мире, оставивших свой след во фразеологии, она может изучаться в сопоставительном аспекте с философских позиций. У каждого индивида, и каждого этноса, создается своя собственная фразеологическая картина мира, характерная для конкретной исторической эпохи. Она меняется, так как представляет собой живое образование. Фразеологическая картина мира подчеркивает этноспецифические черты народа, эксплицирует национальные особенности морально-нравственного аспекта, указывающие на эстетические и этические ценности. Фразеологическая картина мира может служить отражением национального видения и понимания мира [17].

Во фразеологической картине мира отражается содержание человеческого бытия, внешние и внутренние качества человека, пропущенные через языковой менталитет народа. При этом фразеологические единицы являются «средством освоения мира человеком, в них фиксируются, хранятся и воссоздаются его чувства, эмоции, ощущения, оценки, настроения» [4; 45].

По мнению Р. Х. Хайруллина фразеологическая картина мира представляет собой своеобразный мир в языке, который имеет специфические черты в плане выражения и в плане содержания и может быть сформирована языковыми средствами различных уровней: лексического, грамматического и стилистического [22]. Исследователь выделяет такие признаки фразеологической картины мира, как универсальность, антропоцентричность и экспрессивность. Универсальность проявляется в том, что фразеологизмы имеются в составе всех языков. Что касается плана содержания, то универсальные свойства фразеологической картины мира выражаются за счет присутствия в языках универсальных семантических категорий во фразеологии; в плане выражения – за счет наличия общих законов фразообразования в разных языках, тождественных фразообразовательных моделей, универсальности тематико-идеографического принципа классификации фразеологизмов [22].

И. И. Синельникова подчеркивает, что фразеологическая картина мира представляет связи и отношения, которые существуют в реальности у определенного народа, его лингвокультурную общность и национальное самосознание. Ее изучение происходит в рамках антропоцентрической парадигмы. Будучи национально-специфичной, фразеологическая картина мира одновременно является универсальной для всех языков. Универсальность, по мнению лингвиста, проявляется в плане формальной организации фразеологических единиц (наличие общеязыковых фразообразовательных моделей) и в плане семантики (нетождественность целостного значения идиом значению их компонентов), в общности тематики фразеосемантических полей для описания отдельных фрагментов мира [18].

Антропоцентризм как существенный признак фразеологической картины мира проявляется в том, что человек, его образ и действия выступает главным критерием оценки действительности и как носитель национальной культуры. Одной из главных особенностей фразеологии по мнению Д. О. Добровольского является ее экспрессивная окрашенность, благодаря которой фразеологизмы доступны восприятию людей, обобщению и переосмыслению. Как отмечает лингвист, в «литературе принято разграничивать две фразеологические картины мира». Фразеологическая картина мира 1 представляет собой буквально интерпретируемый мир, в котором проявляются сверхъестественные качества у объектов окружающей действительности. Во фразеологической картине 2 содержится сигнификативное значение фразеологизмов, и она соотносит заявленный образ с реальной действительностью [7].

Как подчеркивает Н. В. Попова, фразеологическая картина мира – это один из универсальных способов классификации фразеологизмов, основаниями которой выступают как экстралингвистические, так и языковые их особенности. Фразеология есть фрагмент языковой картины мира [15].

Фразеологические единицы языка обладают особым статусом. Как отмечает В. Н. Телия, сами фразеологизмы могут выполнять роль эталонов, стереотипов культурно-национального мировидения, указывать на их символичный характер и в этом качестве выступают как языковые носители культурных знаков. Они отражают в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы» [21].

Т. А. Смирнова высказывается о естественности существования фразеологической картины мира, так как фразеологизмы наиболее ярко отражают мировидение и миропонимания носителей языка, их культуру. Во фразеологической картине мира содержатся знания человека о мире, его представления о мироустройстве, результат их образного переосмысления [19].

Как отмечалось выше, в современном языкознании под фразеологической картиной мира понимается часть языковой картины мира, описанной средствами фразеологии, в которой каждый фразеологический оборот является элементом строгой системы и выполняет определенные функции в описании реалий окружающей действительности. По мнению Т. Г. Никитина, разработка фразеологической картины мира с учетом человеческого фактора становится приоритетным направлением антропологической лингвистики, объединяющей данные социолингвистики, психолингвистики, этнолингвистики и призванной стать единой теорией языка и человека [14, с. 69].

В лингвистике признается тот факт, что фразеологический фонд языка является носителем и источником национально-культурной информации. По наблюдениям языковедов, национально-культурную семантику следует искать преимущественно в словах, фразеологизмах и афоризмах, при этом именно во фразеологическом фонде национальная самобытность языка получает яркое и непосредственное проявление [5, с. 301].

Целесообразно осветить подробнее лингвокультурную специфику фразеологизмов. А.Ф. Артемова называет их лингвокультурологическими единицами, а именно «единицами, в которых отражено мировоззрение того или иного лингвокультурного общества» [3, с. 79]. Как справедливо отмечает В. Н. Телия, для фразеологизмов характерна образная мотивированность, которая связана с мировидением народа – носителя языка, они обладают культурно-национальной коннотацией [21]. Л. А. Лебедева подчеркивает, что национально-культурная специфика фразеологических единиц обнаруживается как в плане выражения, так и в плане содержания. В плане выражения – в наличии в их составе особых культурных примет – маркеров (без эквивалентной предметной лексики, этнонимов, топонимов, архаизмов и т. д.), требующих этимологического или историко-культурного комментария при их анализе. В плане содержания – в денотативной соотнесенности образа сравнения и сопутствующих ему коннотациях, которые отражают «национальный колорит» [13, с. 66]. Во фразеологии отражаются национальная культура, обычаи, верования, история народа, говорящего на данном языке. Изучение фразеологического состава языка с позиции этнолингвистики предусматривает тщательное изучение народного лексикона, в котором проявляются уникальные свойства психологии и культуры того или иного этноса.

Ю. П. Солодуб предлагает принцип выявления национального своеобразия фразеологических единиц, учитывающий языковые факторы формирования фразеологического значения. По его мнению, основу семантики фразеологических единиц составляет фразеологический образ, который сохраняет национальную специфику фразеологизма, поскольку он опирается на реалии, известные только одному народу, представителям одной нации [20, с. 58].

М. Л. Джаграева ратует за такой подход к изучению фразеологической картины мира как ее соотнесенность с аксиологической картиной мира, поскольку антропоцентрическая направленность современной лингвистики предопределила и аксиологический подход к языку, рассматривающий язык как зеркало базовой системы ценностей социума и важнейший источник информации о ней [6, с. 181].

Фразеологизм, по замечанию Ю. В. Козаревой, характеризуется национальной спецификой, так как он содержит в себе и передает из культурный потенциал народа [11, с. 120]. В современной лингвистике существуют различные подходы к выявлению национально-культурной составляющей фразеологических единиц.

В рамках имманентно-семиологического направления было разработано два подхода к выявлению национально-культурной специфики фразеологизмов:

- Лингвострановедческий.
- Контрастивный.

Лингвострановедческий подход базируется на языковые данные того или иного языка, которые основываясь на своеобразии культуры и традиций народа, говорящего на этом языке, способны показать национальное своеобразие фразеологизма.

Так как категория национального в сфере фразеологии находится в диалектическом единстве с категорией интернационального, вполне уместно сопоставление фразеологических единиц разных языков, обладающих сходством, с целью выявления их национального колорита, национально-культурных особенностей. Данный подход является **контрастивным** подходом. Сопоставление фразеологических эквивалентов осуществляется здесь с целью выявления различий, которые и составляют национально-культурное своеобразие этих эквивалентов.

Лингвокультурологический подход также имеет место при исследовании фразеологического состава языка. К. К. Дуйсекова изучает фразеологические картины мира французского и казахского языков в концептуально-лингвокультурологическом аспекте [9].

Н. Ф. Алефиренко, выясняет образность идиоматики с позиции лингвокультурологии [1]. В лингвокультурологическом аспекте сравнивает Б. Т. Кашаров пословицы русского, немецкого и кабардино-черкесского языков для изучения культурно-языкового сознания народов, говорящих на этом языке [10].

М. Я. Крымская осуществляет в своей диссертации семантический и лингвокультурологический анализ фразеологизмов со значением процесса речи в русском и французском языках [12].

В нашей работе сопоставляются фразеологические картины мира английского и азербайджанского языков с позиции лингвокультурологии, опираясь на раскрытие сущности лингвокультурологического подхода к

исследованию фразеологических единиц предложенной В. Н. Телия Русская фразеология.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Языковое сознание и лингвокультурология образной идиоматики // Фразеология и миропонимание народа. Материалы Международной научной конференции в 2-х частях. Ч. 1. Фразеологическая картина мира. – Тула : Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2002. – С. 5–12.
2. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка : Попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – 271 с.
3. Артемова А. Ф. Значение фразеологических единиц и их прагматический потенциал: 10.02.04: дис..докт. филол. наук / Анна Федоровна Артемова; Рос. гос. пед. ун-т. – Благовещенск, 2002.
4. Буянова Л. Ю., Коваленко Е. Г. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности. – Краснодар : Изд-во КубГУ, 2004.
5. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. – М. : Рус. яз., 1980. – 320 с. : ил.
6. Джаграева М. Л. Коммуникативно-прагматические особенности фразеологической деривации : диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19. – Ставрополь, 2005. – 181 с.
7. Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 37–48; 1998. – № 6. – С. 48–57.
8. Дубровская О. Г. Общее отличительное в картине мира русских и англичан. (О понятийном содержании русской лексики «ум» и английской лексики «wisdom» – мудрость) // Славянские духовные ценности на рубеже веков. – Тюмень, 2001. – С. 195–199. Библиогр.: с. 198–199.
9. Дуйсекова К. К. Фразеологические картины мира, французского и казахского языков (концептуально-лингвокультурологический; опыт исследования): дис. д-ра филол. наук. – Алматы, 2006, 260 с.
10. Кашарок Б. Т. Пословицы русского, немецкого и кабардино-черкесского языков как источник изучения культурно-языкового сознания. Структурно-семантические и лингвокультурологические аспекты [Текст]: автореф. дис. ...докт. филол. наук: 10.02.20 / Кашарок Борис Тагирович. – Краснодар, 2004. – 43 с.
11. Козырева Л. Ф. Устойчивые фразы и контекст. – Ростов н/Д : Изд-во Ростовск. ун-та, 1983. – 120 с.
12. Крымская М. Я. Семантический и лингвокультурологический анализ фразеологизмов со значением процесса речим в русском и французском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Крымская Мария Яковлевна. – М., 2005. – 334 с.
13. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии. – Краснодар : КубГУ, 1999.
14. Никитина Т. Г. Проблемы идеографического описания народной фразеологии. – М. : Из глубин, 1995. – 96 с.
15. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. вузов. – М. : Academia, 2001. – 208 с. (Высш. образование).
16. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира Воронеж: Истоки, 2007. – 61 с. – Изд. 3-е, перераб. и доп.
17. Попова Н. В. Дихотомия конфронтующих категорий во фразеологических картинах мира немецкого и русского языков: дис. ...докт. наук. – Москва, 2011.

18. Синельникова И. И. Монография. Эмотивные фразеологизмы французского языка в полевом аспекте. – Белгород, 2013.
19. Смирнова Т. А. Фразеологическая картина мира русского и украинского языков (на материале соматических фразеологизмов) Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24 (63). 2011 г. № 2. Часть 1. С. 203–208.
20. Солодуб Ю. П. Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объект лингвистического исследования // Филологические науки. – 1990. – № 6. – С. 55–65.
21. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 286 с.
22. Хайруллина Р. Х. Картина мира во фразеологии: темат. - идеограф. систематика и образ.-мотивац. основы русских и башкирских фразеологизмов: дис. д-ра филол. наук: 10.02.01 / Райса Ханифовна Хайруллина. – М., 1997. – 536 с.

ОПИСАНИЕ БИБЛИИЗМА ВАВИЛОН С ПОМОЩЬЮ ФРЕЙМА – СЦЕНАРИЯ

А. В. Романов

*Преподаватель,
Поволжский государственный
университет телекоммуникаций
и информатики, г. Самара, Россия*

Summary. Frames are used as models describing the sign structure of phraseological units of biblical origin in the present study on the phrase structure biblicisms. Using frames allows to survey the cultural and linguistic figurative codes in a single category system.

Keywords: phraseological unit; phraseological model; Bibles; code; frame; dynamic frame; the frame script.

В приведенном исследовании, посвященном фразовым структурам библеизмов, представляется необходимым использовать фреймы в качестве моделей описания знаковой структуры фразеологических единиц библейского происхождения. Использование фреймов позволяет описывать культурные и языковые образные коды в единой системе категорий и иерархий.

Использование фреймов при описании библеизмов объясняется рядом причин:

1. С одной стороны, с помощью фреймов можно представить структуру фразеомоделей, а также отдельных моделей в рамках единой схемы.
2. С другой стороны, фреймы позволяют описывать системные связи внутри библейского фразеологического фонда.
3. Во фреймах сочетаются логический и семиотический инструментарий.

4. Фреймы позволяют описать многоуровневый характер строения системы фразеомоделей.

Считая сценарий динамической разновидностью фрейма, мы полагаем, что значение ФЕ не совпадает, но связано с соответствующим фреймом и что ФЕ активирует тот или иной фрейм в процессе ее речевого употребления. Как заметил Петров В. В. «Реальность фреймов подтверждается целым рядом психолингвистических экспериментов, указывающих на то, что лексемы способны активировать связанные с ними фреймы» [4, с. 35]. В качестве иллюстрации сказанного В. М. Савицкий привел пример ФЕ **a flaming sword**, который активирует связанный с ее значением фрейм «охрана райских врат» [5, с. 27].

Понятие фрейма было введено М. Минским в связи с изучением проблемы искусственного интеллекта. Минский определяет фрейм как минимально необходимую совокупность признаков объекта или явления, позволяющую идентифицировать этот объект (явление), то есть то минимальное описание, которое еще сохраняет сущность репрезентируемого объекта, позволяя тем самым вычленить его из окружающего мира. Любое сокращение этого описания, то есть одного из признаков, приводит к потере данной сущности. В русском языке термин *фрейм* может быть интерпретирован как *рамка (каркас), внутренний скелет*, в общем то, на чем держится вся остальная, более сложная конструкция. Динамический фрейм представляет собой структуру признаков (данных), определяющих некоторую стереотипную ситуацию, например, на приеме у врача или празднование дня рождения. С каждым фреймом ассоциируется несколько видов информации.

Различные фреймы, входящие в систему, используют общее множество терминалов. Использование систем фреймов позволяет описывать структуры внешнего мира – «фреймовое описание». Таким образом, фреймы, до известной степени, можно соотнести с так называемым декларативным знанием [2, с. 52].

Дальнейшее развитие этих идей привело к приданию фрейму динамического характера, что в свою очередь, привело к формированию понятия «скрипт» (сценарий) или так называемого ролевого фрейма, описывающего стандартную последовательность действий в стереотипной ситуации. Терминалы такого фрейма указывают на некоторые роли, которые должны быть заполнены конкретными персонажами (исполнителями ролей) при описании конкретной ситуации. В качестве исполнителей ролей в скриптах могут выступать не только люди, но и другие живые субъекты, а также неодушевленные предметы.

В современных лингвистических исследованиях наметились три основных подхода к изучению фрейма – лингвокогнитивный (А. П. Бабушкин, А. Н. Баранов, В. З. Демьянков, Т. А. ван Дейк, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, М. Минский, Е. В. Рахилина, Ч. Филлмор, Н. Хомский и др.),

лингвокультурологический (В. И. Карасик, Н. А. Красавский, В. В. Красных, В. А. Маслова, В. И. Шаховский и др.) и психолингвистический (Р. Абельсон, И. Гофман, Р. Шенк и др.). Наиболее признанным в когнитологии является понимание фрейма как относительно самостоятельной структуры для организации знаний и опыта человека о стереотипной ситуации. В лингвокультурологии фреймы рассматриваются неразрывно от понятия «концепт», фреймы являются основой для выделения концептов, они либо организованы вокруг некоторого ядра представленного концепта, либо же фрейм полностью отождествляется с концептом. В психолингвистике фреймы понимаются как разновидности гештальтов, объединяющих логические и чувственно-образные представления.

Сторонники вышеперечисленных подходов к исследованию фрейма признают его двойственную природу, с одной стороны – как структуру статичную, а с другой – как структуру динамичную. Статичные когнитивные структуры представлены собственно фреймами, а динамичные – сценариями или фреймами-сценариями [3, с. 36]. Особенностью фреймов-сценариев является то, что они организуют поведение человека и позволяют правильно интерпретировать его по отношению к категориям стереотипности / нестереотипности ситуации. Процедурные фреймы способны охватывать большой класс различных ситуаций, характеризовать явления и события, зафиксированные в языке.

Фрейм сценарного типа упорядочен в соответствии со схемой действий, а также с системой объектов, субъектов и инструментов этих действий, которые реализованы в виде слотов (узлов). Составляющими фрейма-сценария являются:

1. Типовые для той или иной фреймовой модели *сценарии*, в них отражены характерные для данной модели последовательности ситуации, например, сценарий типового церковного или социального обряда, праздника предполагает подготовку, этапы проведения, совершение определенных ритуалов для обряда или набора конвенциональных действий, использование определенных атрибутов, присутствие участников – субъектов, объектов и свидетелей действия, место проведения, цель и результат действия. Каждый фрейм-сценарий имеет исполнителей ролей. Следовательно, он имеет различные интерпретации, отражающие точки зрения различных исполнителей. Таким образом, сценарий можно рассматривать как систему фреймов [3, с. 39].

2. *Субфреймы* и сопутствующие им фреймы, структурирующие в картине мира ту или иную понятийную область. Так называют меньшие по объему когнитивные образования, формирующие основной фрейм [1, с. 4], а сопутствующие релевантные фреймы, в свою очередь, предшествуют и предопределяют возможность возникновения стереотипной ситуации.

Рассмотрим один из фреймов на основе библеизма – **Babel** или the tower of Babel (Вавилон или Вавилонское столпотворение).

«Therefore is the name of it called *Babel*; because the Lord did there confound the language of all the earth: and from thence did the Lord scatter them abroad upon the face of all the earth» [8]. В Ветхом Завете Вавилон – это название высокоразвитого могущественного древнейшего государства Месопотамия, расположенного в Междуречье. В одном из первых упоминаний о нем в Библии, книге Бытие, дается объяснение названия – смешение языков, которое не позволило осуществить план строительства башни до небес. Что характерно, для отправления религиозных обрядов и наблюдения за небесными светилами использовались башни *зиккурат*, самая большая была высотой в 91 метр. Вавилон в Библии всегда противопоставляется Иерусалиму, наряду с Египтом, как место ужасное для евреев. Вавилон – основная угроза для народа Израиля, синоним пленения и идолопоклонства. В Откровении Иоанна Богослова Вавилон предстает как мировое сообщество людей, отрицающих божественность Иисуса Христа. «And upon her forehead was a name written, ‘Mystery, *BABYLON* the great, the mother of harlots and abominations of the earth’» [9].

Таково происхождение фрейма и ключа к его интерпретации. В современном английском языке данный фрейм не утратил своей актуальности. Без фоновых знаний невозможно представить и понять замысел авторов, использующих фрейм **Babel** в современной англоязычной литературе, публицистике, искусстве. Далее мы приведем несколько примеров из средств массовой информации и классических произведений.

Итак, фрейм **Babel** употребляется:

1. В значении «смешение языков» в словосочетаниях: a babel of sounds, of voices, of talk, of suggestions, of phrases, of criticism. В художественной литературе: “A perfect *babel* of tongues was let loose” [7, с. 6]. На экраны кинотеатров в 2006 году вышел фильм “*Babel*” – с участием Брэда Питта (режиссер Alejandro González Iñárritu).

2. В значении «полный беспорядок, чехарда, бардак»: “*Babel* on the Hudson” [6].

3. В значении «строительство здания огромных размеров» (тж. the tower of Babel).

В английском языке наблюдается использование фрейма в повседневной речи, хотя семантическое содержание трансформируется, присваивается другим предметам. Например, бюджетный Вавилон – это нереализуемый (правительством США, в данном случае) план, учитывая огромный многомиллиардный долг Америки.

Если в Библии в качестве квази-актанта/причинителя выступает Творец, который инициирует действие (разрушает Вавилонскую башню), то события древности можно описать формализованным языком так: причинитель × индуктор × субъект = агенс. В наше время акцептором является бюджет США, а квази-актантом, вероятно, будет дефолт/кризис. На наш взгляд фрейм **Babel** (Вавилонское столпотворение) или **confusing lan-**

guages (смешение языков) можно представить в виде фрейма-сценария по методу ситуационно-семантического моделирования фразеологических единиц, предложенных В. М. Савицким [5, с. 42].

Фрейм-конфликт.

ИСХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ: Ts ИМЕЕТ b

МОТИВ: Ts ХОЧЕТ N

ПОТЕНЦИЯ: Ts ИСПОЛЬЗУЕТ b.

НАМЕРЕНИЕ: Ts СОВЕРШАЕТ В.

НАМЕРЕНИЕ: X ЗАПРЕЩАЕТ В.

ДЕЙСТВИЕ: X МЕШАЕТ Ts (смешивает языки)

СЛЕДСТВИЕ: Ts НЕ СОВЕРШАЕТ В (перестают понимать друг друга и строить башню).

ВЫВОД-ОЦЕНКА: НЕЦЕЛЕСООБРАЗНО (ДЕЙСТВИЕ Ts). Где Ts – народы (племена); X – Господь; b – кирпичи для строительства. В – вавилон, башня; N – имя (люди хотели сделать себе имя, построив башню до небес).

Таким образом, использование фреймов позволило описать лингвокультурный образный код на основе библейского материала в единой системе категорий. В данном исследовании не были затронуты все модели фреймового описания, а лишь модель «конфликт». Другие фреймы могут быть описаны с помощью моделей «приобретение», «альтруистическая интеракция», «невыгодное положение» и т. д. С помощью фреймов приведено описание не только семантики фразеологизмов библейского происхождения, но и фоновые знания, благодаря которым раскрывается глубинное значение библейского кода в современных условиях.

С помощью фрейма-сценария мы смогли описать стандартную последовательность действий в стереотипной ситуации. В приведенном примере это замыслы, планы людей, которые являются утопическими, невыполнимыми в сложившейся ситуации. Терминалы такого фрейма указывают на некоторые функции, которые выполнены исполнителями ролей при описании конкретной ситуации. В качестве исполнителей ролей в сценарии выступают не только люди, но и другие живые субъекты, а также неодушевленные предметы.

Библиографический список

1. Баранов, А.Н. Постулаты когнитивной семантики / А.Н.Баранов, Д.О. Добровольский // Известия АН. СерияЛЯ. – М., 1997. Т. 56. – № 1. – С. 1–21.
2. Величковский Б. М. Современная когнитивная психология. – М. 1982. –262 с.
3. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М., 1979. – 152 с.
4. Петров В. В. Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике. Фреймы и сценарии. – М. : ИНИОН АН СССР, 1987. – 54 с.
5. Савицкий В. М, Абрамов В. Е. Фразеология в свете когнитивной семантики. – Самара : АНО «Изд-во СНЦ РАН», 2007. – 174 с.

6. Babel on the Hudson / URL: <http://www.newyorker.com/news/amy-davidson/babel-on-the-hudson> (дата обращения 25.11.2014).
7. Christie A. The Adventure of the Cheap Flat . Издательство Gardners Books, 2013.
8. Genesis 11:9 /URL: http://ancienthistory.about.com/library/bl/bl_text_bible_gen_11.htm (дата обращения 25.11.2014).
9. Revelation, 17:5// URL: <http://biblehub.com/revelation/17-5.htm> (дата обращения 25.11.2014).

ضرب المثل ها و نقش آنها در شکل گیری فرهنگ مردم روسیه و ایران

استادیار دانشگاه گیلان رشت ایران

محمدرزاده شهناز

Summary. Proverbs have an important role in connecting people. There are different definitions for proverbs. In this article we will compare the definitions for the proverbial proposed Russian and Persian linguists, and give examples. Then try to analyze ways of classifying proverbs in Persian and Russian languages. In this part, we also present examples and analyze the history of their appearance.

Keywords: proverbs, Russian language, Persian language, culture, history.

چکیده

ضرب المثل ها از عناصر مهم سازنده هر زبان به شمار می روند و در هنگام برقراری ارتباط کلامی از سوی سخنوران زبان مورد نظر، بسیار مورد استفاده قرار می گیرند. تعاریف مختلفی از ضرب المثل ها توسط زبان شناسان مختلف ارائه شده است. در این مقاله سعی شده با ذکر برخی از این تعاریف و مقایسه آن ها در دو زبان فارسی و روسی تصور روشنی از این دو مفهوم برای مخاطب ایجاد شود. پس از بررسی نحوه طبقه بندی مثل ها و ضرب المثل ها و آثار منتشر شده در این زمینه در زبان های روسی و فارسی، تعدادی مثال به صورت جفت معادل های روسی و فارسی به همراه موارد کاربرد و تاریخچه ای کوتاه از آن ها ذکر می شود. هدف این مقاله مقایسه ضرب المثل های هم ارز روسی و فارسی و در نهایت آگاهی از تفاوت ها و تشابهات میان فرهنگ و طرز تفکر این دو ملت است. در این مقاله تاکید می شود که این تفاوت ها و تشابهات به واسطه زبان آشکار می گردند. در بخش پایانی نیز سعی شده به برخی از ویژگی های دو ملت روسیه و ایران که از محتوای مثال های آورده شده برداشت می شوند، به طور مختصر اشاره گردد.

کلیدواژه ها : مثل، ضرب المثل، زبان روسی، زبان فارسی، فرهنگ، تاریخ.

مقدمه

مثل ها و ضرب المثل های هر ملت ارزیابی خود را از پدیده ها و وقایع عینی دنیای پیرامون ارائه می دهند. این ارزیابی ها در اصل بیانگر نوع جهان بینی یک ملت هستند. مثل ها و ضرب المثل ها انعکاس دهنده گنجینه خرد، شیوه داورى امور و دیدگاه های منحصر به فرد یک ملت به شمار می روند و در آن ها آداب و رسوم، عادات، روحیات و خصوصیات، اخلاقیات، باورها و خرافات آن ملت تجلی می یابد. درست به همین علت است که ای.ام. سنگیریف در کتاب خود می گوید: "به نظر می رسد که در مثل ها و ضرب المثل ها بیشتر و دقیق تر از هر جای دیگری زندگی درونی و بیرونی ملل با تمام ظواهر، روحیات، اندیشه ها و خصوصیاتشان نمود پیدا می کند" [8, c. 133–140]. ضرب المثل ها به روشنی نماد زندگی، موقعیت جغرافیایی، تاریخ و سنت یک جامعه را در پیوند با فرهنگ رایج در آن به تصویر می کشند. از لایه لایه آن ها به خصوص می توان به طرز تفکر یک ملت پی

برد. از مفهوم "منتالیتة" یا "زیست جهان" تعاریف مختلفی ارایه شده است، اما به طور کلی می توان گفت که دربرگیرنده عناصر زیر می باشد:

نماد زندگی به عنوان نظام نسبتاً مستقل از اشکال مختلف فعالیت های بشری در گروه یا اجتماع در پیوند با ساختار، سبک و سیاق، آیین ها و سنن ملی؛

اصول معنوی زندگی یک ملت، برگرفته شده از چهارچوب های عمیقاً تاریخی از منابعی همچون مکتوبات تاریخی و میراث های تاریخی به مثابه پتانسیل معنوی-اخلاقی یک ملت که جزئی از هویت تاریخی آن محسوب می شوند؛

ویژگی های ملی مثل ها و ضرب المثل ها هنگام مقایسه زبان های مختلف آشکارتر می شود. برای مثال دو زبان فارسی و روسی که سخنورانیشان در شرایط اجتماعی و طبیعی مختلفی زندگی می کنند و از تاریخ، مذهب، آداب و سنن، اخلاقیات، روان شناسی ... متفاوتی برخوردارند.

تعریف ضرب المثل و مثل در زبان های روسی و فارسی

در کتب فارسی منتشر شده در ایران برای دو مفهوم روسی пословица و поговорка عمدتاً از واژه "ضرب المثل" استفاده می شود. علی اکبر دهخدا در لغت نامه خود این واژه را چنین تعریف می کند:

"جمله های شیرین، کوتاه، رایج میان مردم که مبتنی بر تجربه ها و داستان های تاریخی و افسانه ای، باور ها و قوانین طبیعی هستند و از آن ها برای اثبات یا رد کردن چیزی یا حرفی استفاده می شود. برابر پارسی آن ثرپند میباشد".

اما در زبان فارسی واژه "مثل" نیز در معنایی مشابه به کار می رود. تعاریف متعددی برای این واژه در لغت نامه مذکور وجود دارد؛ از جمله موارد زیر:

وصف حال و حکایت و افسانه و داستان و قصه مشهور شده که برای ایضاح مطلب آورند.

علمای بلاغت گویند که مثل در محاورات حکم برهان دارد در عقلیات.

ابوالعباس محمدبن یزید معروف به مبرد مثل را از مثل به معنی مشابهت و همانندی گرفته و چنین تعریف کرده است که مثل سخنی رایج و شایع است که به وسیله آن حالی دوم را به حالی اول یعنی حالتی را که اخیراً حادث شده است به حالتی که پیش از آن حادث شده و شبیه به آن است تشبیه کنند. دیگری مثل را از مثل به معنی راست ایستاده و بر پای بودن گرفته و گفته است: "مثل حکمی است که درستی و راستیش نزد همه عقول مسلم و ممثل یعنی راست ایستاده باشد". ابویوسف یعقوب بن سکیت معروف به ابن السکیت مثل را مانند مبرد از مثل به معنی مشابهت گرفته و در تعریفش گفته است: "مثل جمله ای است که با مثل خود در لفظ مختلف و در معنی متحد باشد". ابواسحاق ابراهیم بن سیار، معروف به نظام گوید در مثل چهار چیز مجتمع است که در سخنان دیگر باهم جمع نمی شود و آن عبارت است از کوتاهی و کمی لفظ و روشنی معنی و خوبی تشبیه و لطف کنایه و این آخرین پایه بلاغت سخن است که بالاتر از آن ممکن و متصور نیست.

ابوعبید قاسم بن سلام درباره امثال عرب گوید: "مثل رشته و شعبه ای از فلسفه و حکمت عرب در زمان جاهلیت و عصر اسلام است که در اثنای سخن می آورند و به وسیله آن مقصود خود را به کنایه که - ابلغ از تصریح است - ادا می کنند و در امثال سه وصف مطلوب که اختصار لفظ و صحت معنی و حسن تشبیه باشد مجتمع است".

با بررسی تعاریف فوق و به ویژه با در نظر گرفتن مواردی که زیرشان خط کشیده شده، در ادامه یک نتیجه گیری برای توصیف مفهوم "مثل" در کتاب آورده می شود:

"از مجموع تعاریف ها و توصیف هایی که ذکر شد معنی اصطلاحی مثل و یا تعریف جامع و مانع آن را می توان بدین عبارت استنباط کرد که مثل جمله ای است مختصر و مشتمل بر تشبیه یا مضمون حکیمانه که به سبب روانی لفظ و روشنی معنی و لطف ترکیب شهرت عام یافته باشد و همگان آن را بدون تغییر و یا با اندک تغییر در محاوره به کار برند". [1, c. 411]

بدین ترتیب می توان گفت که در زبان فارسی نیز دو واژه با تعاریفی مشابه برای مفاهیم روسی пословица و поговорка وجود دارد. این دو مفهوم در زبان روسی از دو دیدگاه زبان شناختی و

ادبی مورد بررسی و توصیف قرار گرفته اند. برای مثال ی.د. پالیوانف در کتاب " فرهنگ اصطلاحات ادبی و زبان شناختی" пословица را از دیدگاه ادبی این گونه توصیف می کند: "سبکی از آثار شفاهی ملی، کلامی معروف که عمدتاً از دو بخش تشکیل شده، از لحاظ فرم موزون و بیانگر طرز تفکر یک ملت، حاوی معانی عبرت آموز و در واقع شکلی بسیار ابتدایی از یک گفتار شاعرانه است که همواره از آرایه های سبکی مانند قافیه، هم آوایی، جناس و سایر شاخص های شعری سود می برد. در بسیاری از موارد جزیی کوچک از یک متن ادبی-هنری است که به لطف فرم غیرمعمول خود و اندیشه تاثیرگذار نهفته در آن، در ذهن خواننده ثبت شده است".

تعریف زبان شناسانه از این مفهوم بدین صورت است: "کلامی نمادین و کامل که حاوی معنایی عبرت آموز است و اغلب فرم آواشناختی، موزون و آهنگین خاص خود در ساخت ابعاد شعری، تکرار واژه ها، قافیه ... را دارد".

تعاریفی که برای مفهوم поговорка از دیدگاه ادبی و زبان شناختی در این کتاب ارایه شده به ترتیب عبارتند از: "کلامی نمادین که به دقت به توصیف و ارزیابی یک پدیده می پردازد و در آن از استعاره، تشبیه، اغراق، پارادوکس ... استفاده می شود و نیز مانند пословица بیانگر طرز تفکر یک ملت است". تفاوت поговорка با пословица در آن است که اولی از یک بخش تشکیل شده و فاقد عنصر مقایسه با جزیی دیگر است، در حالی که دومی همواره از دو بخش برای بیان مقصود خود تشکیل می شود.

اما این نکته را نیز باید در نظر گرفت که همه واژه نامه های روسی تعریف یکسانی از این دو مفهوم ارایه نمی دهند؛ از جمله آ.و. لموف در کتاب "فرهنگ زبان شناسی برای دانش آموزان" пословица را کلامی نمادین و ملی معرفی می کند که اغلب یک معنای مستقیم و یک معنای غیرمستقیم دارد و حاوی معانی عبرت آموز است؛ در حالی که поговорка طبق تعریف وی اغلب تنها معنای مستقیم دارد و فاقد محتوای آموزنده است. [4, c. 200-201]

گ. ل. پرمیاکف در طبقه بندی تیپولوژیکی که ارایه داده، تفاوت این دو مفهوم را تنها در کامل بودن ساختار نحوی و نیاز به توضیح و تفسیر пословица برخلاف поговорка می داند. وجه مشترک هر دو در تعریف وی نمادین بودن معانی آن هاست. [6, c. 240]

ام.ا. مشریاکوا در تعریفی که از поговорка ارایه می دهد، به این موضوع اشاره می کند که « поговорка می تواند جزیی از یک пословица باشد». «و. دال» نیز همین نظر را دارد. به اعتقاد او « поговорка براساس تعریف عامه شکوفه است و пословица میوه» و « خود نخستین بخش یک пословица است و تنها به یک موضوع اشاره می کند». [5, c. 60]

ام.ای. دوبروین در کتاب " ضرب المثل های انگلیسی و روسی در تصاویر" ویژگی های пословица را این چنین بر می شمرد: [3, c. 349]

الف) اختصار و ایجاز

ب) ساختار جمله مانند

پ) نقل قول بودن

ت) ریشه در اعماق تاریخ یک ملت داشتن

ث) انعکاس رخدادهای حقیقی

ج) حفظ تفکر و اندیشه یک ملت در خود.

طبقه بندی مثل ها و ضرب المثل ها

اصطلاحات و تعبیرات در کتب فارسی انتشار یافته در ایران فاقد تقسیم بندی خاصی (از لحاظ فرم و محتوا) هستند و به تبع آن ضرب المثل ها و مثل ها نیز در آن ها به طور دقیق از یکدیگر تفکیک نشده اند. علی اکبر دهخدا مهم ترین و برجسته ترین فردی به شمار می رود که در این زمینه تحقیقاتی انجام داده و کتابی با عنوان "امثال و حکم دهخدا" منتشر کرده است. پس از وی محمدعلی هبله رودی کتابی تحت عنوان "جامع التمثیل" در این خصوص نگاشت. افراد دیگری از جمله صمد بهرنگی نیز به گردآوری مثل ها و ضرب المثل های محلی پرداختند و نویسندگان برجسته ای همچون

محمدعلی جمالزاده و احمد شاملو اصطلاحات، مثل ها و ضرب المثل های عامیانه را جمع آوری و در قالب کتاب به مخاطبان ارائه دادند. مثل ها، ضرب المثل ها و اصطلاحات در تمام این آثار براساس الفبای زبان فارسی طبقه بندی شده اند. شاملو در اثر ناتمام خود "کتاب کوچه" برای هر مدخل چندین اصطلاح، مثل و ضرب المثل را با ذکر مثال آورده است و بدین ترتیب درک معنای هر مورد برای مخاطب آسان تر می گردد.

در پایان دهه 50 قرن بیستم و. و. وینوگرادف شاخه ای از علم زبان شناسی را در روسیه پایه ریزی کرد که "اصطلاح و تعبیر شناسی – фразеология" نام گرفت. او اصطلاحات و تعبیرات را به سه گروه اصلی تقسیم بندی کرد. بعدها ان.ان. شانسکی گروه دیگری را به این طبقه بندی افزود که ضرب المثل ها و مثل ها را در خود جای می داد. البته زیرشاخه های تخصصی نیز از علم "اصطلاح و تعبیر شناسی" ایجاد شدند که "پارمیولوژی" و "پارمیوگرافی" نام گرفتند. پارمیولوژی به بررسی و طبقه بندی "پارم – паремия" ها (пословица, поговорка, антипословица, веллеризм,) (девиз, слоган, афоризм, максим, загадка, примета ... تاریخ ثبت و انتشار آن ها می پردازد. گ. ل. پرمیاکف و س. د. ماستپانوف از مشهورترین پارمیولوژیست های روسی به شمار می روند. در این عرصه علمی هنوز در ایران کار برجسته ای انجام نشده است.

طبقه بندی علمی مثل ها و ضرب المثل ها اصلی ترین مساله پیش روی دانشمندان پارمیولوژیست است، زیرا پیشرفت این علم در گرو رسیدن به راه حلی اساسی است. در حال حاضر چند نوع طبقه بندی برای این مفاهیم وجود دارد که در اینجا برخی از مهم ترین آن ها را برمی شمیریم:

1) طبقه بندی الفبایی (алфавитная классификация): این نوع طبقه بندی براساس حرف اول ضرب المثل ها و مثل ها و به ترتیب حروف الفبای زبان مورد نظر انجام می گیرد.

2) طبقه بندی براساس سرواژه ها (классификация по опорным словам): در این طبقه بندی واژه های کلیدی مد نظر قرار می گیرند. برای مثال ضرب المثل Куй железо, пока горячо را می توان در گروه مربوط به "кузнец"، "ковка"، "железо"، "металлы" یا "горячие" پیدا کرد. این روش برای جستجوی برخی موارد شناخته شده مفید است.

3) طبقه بندی مونوگرافیک (монографическая классификация): این طبقه بندی براساس مکان، زمان جمع آوری یا فرد جمع آوری کننده انجام می شود.

4) طبقه بندی ژنتیک (генетическая классификация): این طبقه بندی براساس پیشینه پیدایش ضرب المثل ها و مثل ها و به ویژه براساس زبان و ملتی که از آن نشأت گرفته اند، صورت می گیرد.

5) طبقه بندی موضوعی (тематическая классификация): ضرب المثل ها و مثل ها در این نوع طبقه بندی براساس موضوع (محتوا) دسته بندی می شوند.

با نگاهی به موارد فوق مشخص می شود که تمام این نظام های طبقه بندی نواقص خاص خود را دارند و می توان از هر کدام در موردی خاص استفاده کرد. اگرچه همگی از یک نقص مشترک رنج می برند، بدین معنا که با تکیه بر ویژگی های موردی نامرتب یا تقریباً نامرتب با بافت طبیعی خود ضرب المثل یا مثل شکل گرفته اند و دقیقاً به همین علت از هیچ کدامشان نمی توان به عنوان زیربنایی برای ساخت یک تئوری عینی در این خصوص سود جست.

بررسی موردی نمونه های روسی و فارسی

Были бы кости, а мясо нарастет. Были бы кости, а на костях мясо будет
وقتی کسی بیمار می شود یا واقعه ناگواری برایش رخ می دهد و امکان بهبودی و جبران مافات هنوز وجود داشته باشد، از این عبارت برای تسلا و بازگشت نیروی از دست رفته وی و اطرافیانش استفاده

می شود. البته این ضرب المثل بیشتر در مقام طعنه و شوخی و اغلب به منظور دلداری بخشیدن به کسی که بسیار لاغر شده است، نیز به کار می رود.
ترجمه: "اگر هنوز استخوانی مانده باشد گوشت هم رویش رشد خواهد کرد".
"آخوند نباشد درد و غم"

مانند ضرب المثل روسی برای دلداری دادن افراد مریض و اطرافیان آن ها مورد استفاده قرار می گیرد. تفاوت این دو ضرب المثل آن است که نسخه فارسی علی رغم این که در گفتار عامیانه به کار می رود از حکایتی در مثنوی مولانا گرفته شده و در آن منظور از آخوند، ملایی ست که در مکتب خانه درس می داد. در این حکایت کودکانی که از سخت گیری استاد به تنگ آمده بودند، تصمیم گرفتند او را فریب بدهند و بگویند که چهره اش زرد شده و قطعاً بیمار گشته است. از آنجا که همه شاگردان در این کار همدست بودند، ترفندشان موفق واقع شد و استاد به خیال این که بیمار است راهی خانه اش شد. کودکان نیز بدین ترتیب به مقصود خود رسیدند و برای مدتی از درس و مکتب رهایی یافتند. گوینده با به کار گیری این ضرب المثل در گفتار خود می خواهد به مخاطب بگوید که « درد و غم » وی غیرواقعی یا بسیار ناچیز و چاره پذیر است. برخلاف آخوند که هیچ درمانی برای اخلاق و روان بیمار او وجود ندارد.

Борода – трава, скосить можно.

منظور این ضرب المثل آن است که وجود ریش به معنای وجود یک ویژگی شاخص منحصر به فرد در صاحب آن نیست.
ترجمه: "ریش علف است می توان آن را زد".
"هرکسی ریش داشت، بابای تو نیست".
هر دو ضرب المثل را می توان در مقام طعنه به کار برد.

В чужой монастырь со своим уставом не ходят.

مفهوم این ضرب المثل آن است که در مکان بیگانه یا در میهمانی نزد افراد بیگانه باید از قوانین و آداب و رسوم پیروی کرد که در آنجا حاکم است. این ضرب المثل هنگامی به کار می رود که فردی بخواهد آداب و قوانینی را که برایش بیگانه است، نقض کند و آن ها را به گونه ای که خود می پسندد، تغییر دهد.

در گذشته در روسیه بسیاری از صومعه ها قوانین خاص خود را داشتند که شیوه زندگی افراد را در آن اماکن تعیین می کرد. برخی حتی قوانین جزایی ویژه ای داشتند و با استناد به آن ها ساکنان خود را در تمام امور اداره و کنترل می کردند و افراد خاطی را مورد مجازات قرار می دادند. بدین ترتیب هر فردی که از بیرون وارد صومعه می شد ناگزیر بود که از قوانین آنجا تبعیت کند.
ترجمه: "با قوانین و سنن خود به یک صومعه بیگانه نمی روند".
"خواهی نشوی رسوا، همرنگ جماعت شو"

در نسخه فارسی از ظاهر متن این چنین بر می آید که مخاطب برای رسوا نشدن در جمعی بیگانه بهتر است "ریا کاری" پیشه کند ("رنگ" در زبان فارسی اغلب در ترکیب با "ریا" به کار می رود). اما در نسخه روسی از مخاطب خواسته می شود که خود را با قوانین یک مکان بیگانه تطبیق دهد. در نهایت می توان گفت که از لحاظ لغوی و محتوای برآمده از بافت متن، نسخه روسی بار مثبت بیشتری دارد.

Рыбак рыбака видит издалека. Грибник грибника видит издалека.

این ضرب المثل اغلب در مقام مذمت و نارضایتی به کار می رود و مفهومش آن است که افرادی با خصوصیات و علائق مشابه همدیگر را می شناسند، با یکدیگر به توافق می رسند و یک کار مشترک را با هم آغاز می کنند. به طوری که هرکس فردی را که شباهت بیشتری از لحاظ خصوصیات، علائق و اخلاق و... به خود داشته باشد، بهتر درک می کند. کلمات به کار گرفته شده در این دو ضرب المثل (ماهیگیر، قارچکن) نشان می دهد که این ضرب المثل ریشه در زندگی روزمره مردم روسیه دارد.
ترجمه: "ماهیگیر ماهیگیر را از دور می ببیند (تشخیص می دهد)".

"قارچکن (грибник) قارچکن را از دور می بیند. (تشخیص می دهد)". "کبوتر با کبوتر، باز با باز"

این ضرب المثل مصرع نخست از بیتی از نظامی گنجوی شاعر قرن 6 است: "کبوتر با کبوتر، باز با باز - کند همجنس با همجنس پرواز". مصرع دوم معمولاً حذف می شود.

Лучше синица в руке/ в руках, чем журавль в небе.

مفهوم آن این است که بهتر است چیزی را هرچند اندک واقعاً در دست داشت تا برای کسب چیزی بزرگ تر و بهتر، اما به دشواری دست یافتنی، تلاش کرد یا به کسب آن در آینده امید بست. این ضرب المثل نسخه های فراوانی دارد، از جمله: "قول درنایی را که در آسمان است نده، بلکه آن چرخ ریسک را که در دست داری بده". ترجمه: «چرخ ریسک در دست، بهتر از درنا در آسمان»

«سیلی نقد به از حلوای نسیه» («سرکه نقد به از حلوای نسیه»، «سیلی نقد از عطای نسیه به»)

مورد سوم کاربرد بسیار کمی دارد، اما مصرعی از شعر مولوی ست:

«سیلی نقد از عطای نسیه به / نک قفا پیشت کشیدم نقد ده

خاصه آن سیلی که از دست تو است / هم قفا هم سیلش مست تو است».

معنای ضرب المثل این است که هر چیزی حتی اگر سیلی باشد، بهتر است که نقد و در دست باشد، تا نسیه و دور از دسترس.

Не дал бог свинье рогов/ рог, а бодуца была бы.

این ضرب المثل عامیانه است و در مقام مذمت به کار می رود و می خواهد به مخاطب بگوید عادلانه است اگر فردی که مستعد انجام کارهای شر بسیاری است، فاقد این توانایی و امکان باشد. این ضرب المثل در مورد انسان های ظالم، انتقام جو، خشن و... به کار می رود که برای اطرافیان یک خطر به شمار می روند.

ترجمه: "خدا به خوک شاخ نداد، تا مبادا شاخ بزند".

"خدا خر را شناخت، شاخش نداد"

این ضرب المثل معادل جزئی (частичный эквивалент) برای نسخه روسی محسوب می شود و همان موارد کاربرد را داراست. به کار گیری کلمه خوک که در فولکلور روسیه جایگاه ویژه ای دارد به دلیل خصوصیت خشن بودنش و استفاده از خر در نسخه ی فارسی به دلیل نادانی و انتقام جو بودن آن است. خر در فولکلور ایرانی نماد حماقت و استنثار می باشد. معادل دیگر این ضرب المثل در زبان فارسی مصرعی از حافظ است با این مضمون: "یا رب مباد آنکه گدا معتبر شود". این جمله دعایی ست و اگر چه از یک اثر ادبی گرفته شده، اما به دلیل تطابق با نگرش عامه نسبت به طبقات پائین تر اجتماع در فرهنگ ایرانی، در طول قرون رواج یافته و همچنان مورد استفاده قرار می گیرد.

نتیجه گیری

زبان، طرز تفکر و فرهنگ از چنان پیوند تنگاتنگی با یکدیگر برخوردارند که می توان آن ها را یک مفهوم واحد سه جزیی دانست. هیچ یک از اعضای این واحد بدون دو عضو دیگر نمی تواند عملکردی داشته باشند و متعاقباً قادر نخواهند بود به حیات خود ادامه دهد. این واحد کل با دنیای واقعی در پیوند است، به آن وابسته است، گاهی در برابر آن مقاومت می کند و همزمان آن را انعکاس و شکل می دهد. با بررسی تعدادی از ضرب المثل ها و مثل های روسی و فارسی و توضیح و تارخچه کوتاهی که در خصوص آن ها ذکر شده، می توان به برخی از عناصر برجسته مرتبط با زبان، فرهنگ و طرز تفکر ملت ایران و روسی پی برد.

به طور کلی می توان گفت با مطالعه مثل ها و ضرب المثل های یک ملت می توان به تصویری کلی از فرهنگ و طرز تفکر متعلق به آن پی برد.

منابع:

1) دهخدا علی اکبر (1258-1334) زیر نظر محمد معین و جعفر شهیدی، لغت نامه دهخدا، انتشارات دانشگاه تهران، 1337.

2) شریفی گلپایگانی فرج الله، گزیده و شرح امثال و حکم دهخدا، هیرمند، تهران 1376. ج2.

- 3) Дубровин М. И. Английские и русские поговорки в иллюстрациях. – М. : Просвещение, 1995.
- 4) Лемов А. В., Школьный лингвистический словарь : Термины. Понятия. Комментарии. – М. : Айрис-пресс, 2006.
- 5) Мещерякова М. А. Литература в таблицах и схемах / Домашний репетитор. – М. : Айрис, 2000.
- 6) Рыбникова М. А. Русская поговорка / Русское устное народное творчество. Хрестоматия по фольклористике / под ред. Ю. Г. Круглова. – М. : Высшая школа, 2003.
- 7) Снегирёв И. М. Обозрение пословиц / Русское устное народное творчество. Хрестоматия по фольклористике / под ред. Ю. Г. Круглова. – М. : Высшая школа, 2003.
- 8) Евангелие (Матф., 13, 57; Марк, 6, 4; Иоанн, 4, 44).

کارکرد های فرهنگی، مذهبی زنان در دوره ناصرالدین شاه قاجار

دکتر عباس پناهی
سپینا تالش شریف

استادیار تاریخ پژوهشکده گیلان شناسی دانشگاه
گیلان رشت ایران
دانشجوی کارشناسی ارشد تاریخ دانشگاه آزاد
اسلامی واحد نور

Summary. Society of Iran in Qajar period did not believe in any right not only for men but also for women; as a result, ritual ceremonies and social gatherings as such cause to increase the participation of people in this course, and these ceremonies were also causing to exchange ideas among people. However, due to the social conditions of women than man was extremely tragic, in rituals of mourning, and some religious rituals of women, women could abandon restrictions and freely participate in it. Women, who do many of the customs and traditions in these ceremonies, had roots in ancient rituals that women pass from one generation to the next. In the present article, the authors plan to analyze the performance of women in these occasions, and analyze and evaluate their rate of participation and roles in these ceremonies.

Keywords: Iran; Qajar Era; Women; Cultural Condition; Social Traditions.

عصر ناصري در تاريخ معاصر ايران نقطه عطفی در بيداري افکار، توسعه علوم، و رسوخ اندیشه های نوین، و به تبع آن گسترش فعالیت های عمومی، به شمار می رود. با این حال زنان همچنان از حضور و نقش آفرینی درخور توانایی خود بی بهره بوده اند. آنان که بنا به دلایل تاریخی، فرهنگی، سیاسی، و نیز دینی کم تر امکان بروز و ظهور اجتماعی داشتند، با ورود به عرصه های فرهنگ مذهبی و سنت های اجتماعی نقش آفرین شدند. در این دوره سنت ها و آئین های مذهبی از گستردگی و فراگیری برخوردار شدند و همین امر به زنان فرصتی داد که به رغم موانع فرهنگی، تمدنی، و مذهبی به این عرصه وارد شوند و گذشته از مقابله با محدودیت ها نقشی در بسط و توسعه مراسم مذهبی ایفا کنند. نقش آفرینی زنان و اثرگذاری آنان در فولکلور، به ویژه در ایام محرم و بسط آن در دوره های بعدی، از مسائل درخور توجه در این دوره است. زنان که

در نگره حاکم بر اندیشه مردم، به ویژه در زندگی شهری، عنصری درجه دوم شمرده می شدند از فرصت های پیش آمده برای حضور و نقش آفرینی استفاده کردند و به تشکیل، مدیریت، و اجرای برخی از آئین ها و مراسم برخاستند. این که به راستی چه میزان در این حوزه توفیق یافتند و از چه راهها و ابزارهایی در این راستا یاری جستند و تبعات حضورشان چه بود، آئین های شادی و سوگواری ریشه در فرهنگ کهن این مرز و بوم دارد. نگارندگان در مقاله ی حاضر قصد دارند تا کارکرد های فرهنگی زنان را در دوره مورد بحث مورد تجزیه و تحلیل قرار دهند.

نقش زنان در بسط فرهنگ محرم و سوگواری در عصر ناصری عزاداری در مفهوم کلان خود، با همه ابعاد و زوایایی که دارد، در میان ایرانیان سابقه ای دیرینه دارد. بی تردید پیش از اسلام، در میان ایرانیان باستان سوگواری برای امور دردناک و مصیبت ها انجام می شده و گویی این امر با طبع غریزی آدمی سرشته است، اما پس از ورود اسلام به ایران این سنت پیوند عمیقی با سبیل ها و ارزش های اسلامی یافت؛ با مرور زمان، با تحولاتی که در گرایش های اعتقادی مردم در مناطق گوناگون صورت گرفت، ارزش های اسلامی جانشین برخی سنت ها شد و یا مسلمانان برای پیشبرد اهداف خود از این آئین ها بهره بردند، در نتیجه مراسم و آئین ها شکل اسلامی به خود گرفتند که تعزیه یکی از این سنت هاست. زنان در دوره ناصرالدين شاه، که در پی سفر به کشورهای اروپایی دغدغه های جدیدی پیدا کرده بود، فرصتی یافتند تا در پرتو پاس داشت سنت های عاشورایی خودی عرضه کنند. در این دوره، زنان با شرکت و مشارکت در عزاداری و تعزیه و نیز در مراسم مذهبی هم به صحنه آمدند و هم به ماندگاری و توسعه آن مراسم یاری رساندند. بنابراین، شناسایی و کشف چرایی و چگونگی نقش آفرینی زنان در آداب و رسوم محرم از نقاط برجسته تاریخ زنان در این دوره است.

آیین های سوگواری و بزرگداشت محرم در عهد ناصری دوره 50 ساله ناصری، با وجود استبداد که در ابعاد مختلف انعکاس یافته بود، شاهد فوران این آئین ها بود که از زمان دیلمیان تا زندیه بستری توأم با نوسان را فراهم کرده بود و حال نوبت آن بود که در بالاترین شکل ممکن تجلی یابد. بحران سیاسی اجتماعی و اقتصادی این عصر بیش از پیش به گسترش این آئین ها کمک کرد و علاوه بر جنبه معنوی و تقویت دین مداری، که بعد اصلی آن در تمامی دوره ها بوده است، عاملی برای فراموش کردن موقتی گرفتاری ها و نادیده گرفتن موقتی زبان نامرئی در انتقاد از اوضاع نابسامان و عقده های ناشی از ظلم بود. مجالس مراسم سوگواری، به ویژه در ایام محرم، جایگاه تثبیت شده و غیر قابل اغماضی را در حیات عصر ناصری باز کرده و یکی از وجوه اصلی زندگی آنان را تشکیل داده بود.

مجالس و عظم سوگواری، روضه خوانی، زیارت، و این قبیل اعمال دینی، که در این ایام به وفور مورد توجه قرار داشت، از جانب زنان گاه به صورت استقلالی صورت می گرفت و در بازکردن نقطه کور و ویرانی بن بست که در پس آن محبوس بودند، کمک می کرد؛ همچنین برخی مواقع در حکم شاه کلیدی بود که می توانست درهای بسته ای را که مانع استیفاي حداقل حقوق شان، یعنی آزادی بود، بگشاید. برپاداری این آئین ها علاوه بر بعد مذهبی و اعتقادی که در اولویت قرار داشت دارای ابعاد آموزشی، تعلیمی، اخلاقی، عبرت آموزی، و سرگرمی بود؛ صرف نظر از همه این ابعاد، به مثابه کارترین مرهم برای دردهایی بود که آن را به دوش می کشیدند. هیچ مکان و زمانی بهتر از این اوقات و بهتر از مساجد و حسینیه ها نمی توانست به آنان مجال آزادانه گریستن، زمزمه کردن، و آزادانه فریاد عقده های اسارت سردادن را بدهد. این امر از دلایل محکمی بود که موجب سیل حضورشان در مساجد و امام زاده ها و مکان های برگزاری آئین ها شد که به مراتب بالاتر از کنش گری مردان و با شوری وصف ناشدنی بود. مکتوبات این دوره به خوبی مؤید این مطلب است. نکته قابل تأمل این جاست که به رغم تحولات چشم گیری که در زمینه روشن گری، به واسطه جنبش های آزادی خواهی، در دنیا به وقوع پیوست، و عهد ناصری نیز به منزله مقدمه ای در سرازیر شدن افکار جدید در ایران مطرح شد.

مردم در این دوره، به تبعیت از شاه آئین شناس، در مراسم مختلف عاشورایی که برای تعظیم مقام سیدالشهداء و گرامی داشت یاد و منزلت ایشان و یارانش برگزار می شد، با نیات مقدس چون طلب آمرزش، وصول به ثواب اخروی، کسب فیض، و آموزش دینی با شوری مثال زدنی حضور می یافتند و دغدغه برگزاری آن بخش مهمی از زندگی شان شده بود. البته مردم این آئین ها را، علاوه بر نیات پیش گفته، مسکنی برای دردها و آلام، دوايي برای فراموش کردن موقتي مشکلات، مشغله اي برای اوقات فراغت، و زباني برنده برای بیان بیدادي که با آن دست و پنجه نرم می کردند می دانستند. در این ماه، ظاهر شدن زنان و مردان در لباس هاي سیاه و حضورشان در تعزیه ها، مساجد، و حسینیه ها فضاي شهر را به گونه اي متفاوت می کرد. آن ها در این راه مخارج هنگفتي را از خرید لباس تا تشکیل حسینیه و نذري پرداخت می کردند. هر روز چند ساعتی را در کنار خیابان ها تجمع می کردند تا به نقطه اي مشخص برای عزاداري بروند. در طی عزاداري گاه اعمال افراطی خصوصاً از مردان سر می زد. مردم، زن و مرد، به تماشاي کسانی می رفتند که سر خود را شکافته و غرق خون شده اند، دسته دیگر بدن خود را سوراخ کرده طپانچه گذرانیده، برخي سینه خود را قفل کرده، بعضي خود را تا کمر برهنه با زنجیرها مثل چادر دوال چارپادار به جان خود افتاده، دوش و پشت خود را سیاه کرده، جمعي سنگ به سینه می زنند (سیاح، 1346: 90-93)

حاج سیاح با نقل این مطالب، علاوه بر این که اصرار و مداومت مردان و زنان بر عقیدت مذهبی خویش و انعکاس آن در مراسم را به تصویر می کشد، به نحوی نیز سعی در نقد اعمال و حرکاتی دارد که مردم آن روزگار، برای نشان دادن باورهاي مذهبی شان، خود را بدان مقید می کردند. ضمن این که حضور زنان در تماشاي این اعمال به معنای مهرتأییدی است که ایشان بدین مراسم می زدند و با این که نمی توانستند دست به این اعمال بزنند، خود را از تماشاي آن محروم نمی کردند و در مسیر این نوع سوگواري قرار می گرفتند.

حضور و نقش آفرینی زنان در ماه محرم محدودیت عرصه هاي فعالیت برای زنان، حتی برای زنان بسیاری که در دربار حکومتی می زیستند، آنان را به دنبال فرصت هایی برای ابراز وجود یا حضور در جمع می کشاند و هر جا تعزیه اي بر پا می شد، جمعیت زیادی به خصوص زن ها در آن حاضر می شدند. (مستوفي، 1386: 424) زنان مدت ها پیش از آغاز محرم برای شرکت در مراسم مربوط به این ایام خود را مهیا می کردند؛ برای خرید لباس و پارچه سیاه به مغازه ها می رفتند و از اول محرم تا آخر صفر سیاه پوش می شدند. پس از آغاز محرم با شور عزاداري در مساجد، حسینیه ها، و مکان هاي برگزاری تعزیه حضور می یافتند و گاهی با مختصر غذا و قالیچه اي به دنبال جاي مناسب می گشتند که بتوانند در بهترین شرایط کسب فیض کنند و حتی بعضي از زن هاي متمول و معروف از طریق خدام خود مکان مناسبی را از قبل نشان می کردند (ویلس، 1366: 267) در شب هاي محرم زنان به درست کردن چاي، قلیان، نقل و نبات، عدس بوداده، و سایر خوراکی هاي خاص این مواقع می پرداختند و آن ها را می فروختند یا خیرات می کردند. در میان این خوراکی ها تخمه، عدس بوداده، و قاووت مخلوطی از آرد حبوبات با شیرینی خشک یا آرد نخودچی یا خاک قند ارزش ویژه اي داشت؛ زیرا عدس بوداده سبب زیاد شدن اشک چشم می شد و قاووت تنقلی بود که زنان به جاي شیرینی از میهمانان پذیرایی می کردند (مستوفي، 1386: 405)

در تکیه دولت کنیزان پس از ورود زنان آنان را، با سینی پر از عدس و برنج بوداده و چاي، تا مکان جلوس شان همراهی و سپس پذیرایی می کردند (آزاد، 1377: 414). در عزاداري هایی که در تکیه دولت برگزار می شد، زنان به مراتب بیش تر از مردان بر سر یافتن مکان و شرایط مناسب برای سوگواري جوش و خروش داشتند؛ از صبح تا ظهر قیل و قال زن ها که گاهی هم در سر جاي نشستن به يك دیگر تعدي می کردند و سر و صدای بزرگ تر به راه می انداختند. (مستوفي، 1386: 431) جعفر شهری در این باره می گوید:

زن ها از صبح زود بلکه بعضي از قبل از آفتاب به آن جا مي رفتند و جا مي گرفتند و از آن جا که تا آخر مجلس در اثر کثرت جمعيت و غالباً بسته شدن درها ورود و خروج ممکن نبود، زن ها کلاً به طور عموم ناهار و 'دهان گیره' خودشان را همراه مي آوردند و چه بسا که وسیله قضاي حاجت خويش را هم به صورت چيزهايي مانند مشربيه يا قلقلک يا کوزه قلپان دنبال ميبردند.

سيل حضور زنان و ارتباط عميقي که با موضوع عزاداري برقرار مي کردند گاه براي منفعت برخي از روضه خوانان و بانيان برگزاري مجالس بود و سبب شهرت و باشکوه جلوه دادن آن مي شد. از اين رو برخي از روضه خوانان و سخنرانان در حين مراسم تلاش روضه خوان ها زيادي در تحت تأثير قراردادن زنان داشتند تا به شور سخنان خود بي فرايند.

روضه خواني ها پايي ارشاد مردم به راه حق نبودند، هرکس صدي زن ها را بيش تر درمي آورد معروف تر مي شد (مستوفي، 1386:408) علاوه بر اين ، در مواردی از خيل عظيم ايشان در روضه خوانی ها سوء استفاده هايي مي شد و رخدادهايي صورت مي گرفت که هرگز در مخيلة آدمي راه نمي يابد. چرا که مغاير با حفظ امنيت، حرمت، و شريعت بود. ظل السلطان ، پسر ناصرالدين شاه و حاکم اصفهان، هر ساله در ايام محرم يك دهه روضه خواني در خانه اش برگزار مي کرد، اما همة مقصود او وصول به ثواب نبود، بلکه متاع ديگري را نيز جست وجو مي کرد که در اذهان عموم نمي گنجيد. وي دلالة هايي را پول مي داد و در ميان زنان مي گماشت تا هريک را که مي پسندند با گل و گچ به پشت چادرشان نشانه بگذارند و هنگام خروج طبق آن نشان آن ها را به اندرون بکشند و به حضور ببرند. (شهری، 1357:59)

زني که با صدها حاجت و تمنا، با چادر و چاقچور، و با محدوديت هاي رايج راهي اين مجالس مي شد هرگز گمان نمي کرد که در وراي مراسمي که به بهانه زنده نگاه داشتن خاندان نبوي و تهذيب نفس صورت مي گيرد، اعمالی ناشي از نفس زبون از جانب برخي گردانندگان آن شکل بگيرد. بنابراين، گاهي شرکت زنان در اين آئين ها به سرانجامي ختم مي شد که ناقض اهدافشان بود.

تعزیه و نقش آفريني زنان در آن تعزیه که يکي از برجسته ترين آئين هاي سوگواري در ميان ايرانيان است، با اين که شکل نهايي اش اسلامي است، ريشه در فرهنگ حتي قبل از زردشت دارد. در اساطير ايراني مي خوانيم، سیاوش که به دنبال سعادت سخن چينان به دست پدرزنش کشته شد بي گناهي اش در قلب و روح مردم اثر ژرفي گذاشت. مغان از اين حادثه متأثر شدند و براي او مراسم سوگواري برپا کردند و در گذر زمان سیاوش جاگاه مقدسي يافت ؛ چنانچه از تاريخ بخارا اثر نرشخي برمي آيد مردم بخارا پس از آن هر ساله براي او به سوگ مي نشستند. و ترانه سازي ها مي کردند. از آن پس سیاوش سميل پاک دامني و قابل ستايش شد. رفته رفته اين سنت سوگواري متکامل شد و پس از حادثه جانگداز کربلا و شهادت امام حسين (ع) با 72 تن از يارانش، سوگ سیاوش کم رنگ شد و به شکل مراسمي در پاس داشت ياد (سيدالشهداء) (ع) و سوگواري براي آن حضرت درآمد.

آن چه در ماه محرم بيش از همه براي زنان اثربخش و مایه قوت قلب بود برگزاري مراسم تعزیه بود که، طی سال ها تداوم و نوآوری در ابعاد آن، در فرهنگ مردم ريشه دوانده و تبديل به مراسمي شده بود که هر ساله انجام مي گرفت. (بروگش، 1367:221) در گوشه و کنار شهر خانواده هاي متمول براي آن هزينه ها صرف مي کردند و حتي برخي اموالشان را در اين راه وقف مي کردند. زنان به اين نمايش مذهبي علاقه و وابستگي عميقي داشتند و بيش از مردان حضور مي يافتند (بنجامين، 1363:291) زیرا با شنيدن حوادث سوزناک که از جانب گردانندگان تعزیه نقل مي شد درس استقامت، ايثار، و مودت با دين مي گرفتند و همچنين حين برگزاري آن خود را آزاد و رها از قيد و بند ها و سخت گيري هاي معمول ميديدند و مي توانستند با الگو برداري از بازماندگان حادثه کربلا دردهاي کهنه اي را که در طی زمان همچون غباري بر دلشان نشسته بود، بتکانند. زنان در آئين تعزیه در مکان اختصاصي مي نشستند. ليدي شيل مي نويسد:

قسمتي از محل تماشاچيان به زن ها اختصاص داشت که اغلب آن ها از طبقات پايين اجتماع محسوب مي شدند و در حالي که خود را کاملاً در چادر پيچيده بودند روي زمين مي نشستند. قبل

از آغاز نمایش سعی و کوشش این زنها برای پیدا کردن جای مناسب واقعاً دیدنی بود. این کار فقط به داد و فریاد و فحش تمام نمی شد، بلکه بعضی از آن ها پس از مدتی جار و جنجال اغلب به جان هم افتاده و با کتک کاری که گاهی به پاره کردن چادر نیز منتهی می شد سعی در یافتن جای مناسب داشتند. در این میان فراش های حاضر در محل نیز با فشار بی رحمانه چوب دستی های خود بر سر و کله این ستیزه گران آن ها را آرام می کردند. (شل، 1368: 69)

مکان های تعزیه خوانی همه روزه مملو از جمعیت زنان می شد و ازدحام آنان و جنجال های پس از آن خود گویای جایگاه این نمایش است. هر جا تعزیه ای برپا می شد جمعیت زیادی به خصوص زن ها در آن حاضر می شدند، به طوری که صاحب مجلس مجبور بود همین که مجلس پر می شد در خانه را ببندد که از ازدحام مجلس بر هم نخورد. (مستوفی، 1386: 424) در تکیه دولت دو راه وجود داشت: آن که مقابل بازار بود مخصوص مردها، و در شمس العماره برای زنان بود و از اول تا یازدهم محرم در آن تعزیه برپا می شد. (شهری، 1357: 53) صحن تکیه را طوری ساخته بودند که نسبت به سکوی وسط آن شیب داشت، به طوری که زنانی که عقب تر نشسته بودند بدون مانع و ناراحتی بتوانند تعزیه خوانان را روی سکو مشاهده کنند. (بنجامین، 1363: 29) محل نشستن زنان را طناب می کشیدند و زنان هنگام شروع تعزیه روبندهای خود را بالا می زدند (ویلس، 1366: 266) زنان از هر طبقه که بودند به صورت مخلوط در مکان مخصوصی، که برای بانوان ساخته شده بود، می نشستند. (سرنا، 1362: 168). در حین اجرای مراسم صدای شیون و زاری زنان بیش از مردان بود و زمان روضه حضرت عباس (ع) صدای گریه شان بلندتر می شد و خاکستر و کاه بر سر می ریختند (ویلس، 1366: 273)، وقتی یزید سوار بر اسب در صحن ظاهر می شد زمان عبور از کنار تماشاچیان زنان آب دهانشان را به سوی او پرتاب و زیر لب او را لعنت می کردند. (دالمانی، 1335: 194).

پس از اتمام مراسم فراش ها دقت زیادی می کردند تا همه از تکیه خارج شوند، زیرا خیلی از زن ها بودند که اگر مانع نمی شدند، بدشان نمی آمد که تا نصف شب برای تماشای مجلس شبانه بمانند. (مستوفی، 1386: 437). زنان حرمسرای شاه و دختران و زنان رجال در برپایی تعزیه نقش و حضوری قابل توجه داشتند. در تکیه های عزاداری، زنان ناصرالدین شاه جایگاه مخصوصی داشتند. مراسم تعزیه زمان ظهر آغاز و زمان غروب آفتاب تمام می شود و شاه با زنانش تا آخر مراسم تکیه را ترک نمی کردند. (سرنا، 1362: 164) آن ها می توانستند هر زمان که مایل باشند در محرم برای روضه خوانی و دیدن تعزیه به تکیه دولت بروند بدون این که کسی آن ها را ببیند. (بامداد، 1371: 341) طبقه یکم تا طبقه سوم تکیه دولت مخصوص زنان اندرون بود خدم و حشم در جای می گرفتند. به نقل از کارلا سرنا، لباس های نقش زنان دربار یزید در تعزیه را زنان دربار می دوختند. (سرنا، 1362: 176). انیس الدوله، سوگلی و بانوی اول حرم، از جمله زنانی بود که در برقراری تعزیه بسیار مجد و علاقمند بود. وی به همراه شکوه السلطنه، مادر مظفرالدین شاه، در حیات و تالار را تزئین و به تکیه دولت می بردند، وی متصدی بستن و زینت آن می شد، در حالی که پیش از این مهد علیا مسئول آن بود و پس از آن بود (اعتماد السلطنه، 1350: 517) و پس از آن که علم را با انواع جواهرات و زری های گران بها می آراستند، انیس الدوله کنار حوض بزرگ اندرون قرار می گرفت و در پای علم شربت پخش می کرد. (تفضلی، 1363: 108). روز هفتم علم را به تکیه نایب السلطنه می بردند و روز دهم با تشریفات بسیار به خانه انیس الدوله باز می گردانند. (تفضیلی و معتضد، 1377: 229)

کارلا سرنا درباره علاقه انیس الدوله به تعزیه می گوید: ملکه به آن دل بستگی خاصی نشان می داد. و به نظر می رسید با موضوع نمایش آشنایی کامل دارد. او و همچنین سایر خانم های همراهش از تماشای صحنه های تعزیه سخت متأثر شده بودند. همه آن ها بر مصائبی که بر بزرگان دینشان گذشته بود به شدت اشک می ریختند. (سرنا، 1362: 176)

امین اقدس نیز همه ساله در مراسم تعزیه خوانی برادرزاده اش عزیز السلطان شرکت می کرد. (طلوعی، 1387: 473) عزت الدوله خواهر شاه در این ایام تکیه باشکوهی برقرار می کرد و تعزیه به راه می انداخت. (مستوفی، 1386: 439)

اما آن چه بیش از همه در این مقوله مایه تأمل و کاوش است اجرای تعزیه به دست خود زنان یا تعزیه های زنانه بود. گویا اولین نمونه این مجالس در منزل قمر السلطنه، دختر فتحعلی شاه، برگزار شده و از آن پس هر ساله در دهه محرم برقرار بوده است. تعزیه های زنانه را بازیگران زن و با روی باز اجرا می کردند. پیرمردی مشهور به معین البکاء (تعزیه گردان) اشعار مخصوص تعزیه را از طریق خواجه ها که سواد داشتند به زنان حرمسرا یاد می داد و این زنان که بر تعزیه خوانی مسلط می شدند لقب ملا یا آخوند می گرفتند. علاوه بر پخش موزیک گاهی این زنان سوار بر اسب و شمشیر به دست در صحنه حاضر می شدند. (مونس الدوله، 1386: 96 - 98) در این دوره، سردهسته تعزیه خوانان زنانه معمولاً دختر فتحعلی شاه معروف به شاهزاده خانمه که تا اواسط عصر ناصری در قید حیات بود دامن کوتاه چین داری می پوشید و مثلاً اگر دختری باید آهنگ حزن آوری می خواند، کشیده ای بر صورتش می زد تا گریه کند... وی هنگام نوحه سرایی سر و پایش را برهنه میکرد و زنان به تبعیت از او این کار را می کردند و زیر علم می ایستادند و سینه زنی می کردند. (همان، 105-107)

نکته قابل تأمل آن که زنان، به رغم مخالفت هایی که از سوی عالمان دینی می شد، از تعزیه گردانی دوری نمی گزیدند و این همان چیزی است که فقط در پرتو امری مذهبی برای آنان میسر می شد. علما با اصل تعزیه گردانی مخالف بودند، زیرا آن را خلاف شئون مذهبی می دانستند. (تنکابنی، بی تا: 39-40). و اجرای آن را نیز به دست زنان ناشایست می شمردند، چون موجب وهن اهل بیت (ع) و تجری زنان قلمداد می شد (بیرجندی، 1385: 89-90) اما هیچ یک نمی توانست مانع اقدام آنان شود. علاقه زنان درباری به تعزیه تا جایی بود که زمانی که بنابر دلایلی از تهران و مکان های برقراری تعزیه دور و از تماشای آن محروم می شدند، ابراز تأسف می کردند (دیولافوا، 1371: 291)

نقش و جایگاه زنان در مراسم روضه خوانی چنان که گفته شد، عزاداری برای زنده نگاه داشتن یاد شهدای کربلا از زمان آل بویه در غالب نقاط ایران برپا می شد، اما اعمالی چون نوحه خوانی، سر و سینه زدن، و برخی از رسوم دیگر از زمان صفویه آغاز و در دوره قاجار، به ویژه عهد ناصری، به اوج رسید. چنان که مجالس روضه خوانی پس از تألیف کتاب روضه الشهداء اثر ملاحسین واعظ که در وصف صحرای کربلا و شهادت امام حسین (ع) و یارانش در عهد صفویه نگاشته شد، رواج پیدا کرد. این اثر اولین کتاب فارسی روضه خوانی است که در ترویج و گسترش سنت سوگواری در محرم تأثیر بسیاری داشت و در عهد ناصری مورد توجه بیش از پیش قرار گرفت. بنابراین، در ایام محرم به جز تعزیه، که مهم ترین و بزرگ ترین محفل عزاداری بود، روضه خوانی نیز امری مرسوم بود. البته این مجالس در ابتدا از سوی مردان برپا و اداره می شد، اما زنان خود را از این فرصت محروم نکردند و برای اولین بار در عهد ناصری زنان روضه خوان پیدا شدند.

زنان روضه خوان در ایام مختلف با حجاب در مجالس زنانه حضور می یافتند و روضه می خواندند. این افراد به ملا مشهور بودند. زنان یزدی و کاشانی از مشهورترین روضه خوانان آن زمان بودند، زیرا صدایی خوش داشتند (مونس الدوله، 1386: 225)

ماه تابان خانم قمر السلطنه، دختر فتحعلی شاه و زن میرزا حسین خان سپهسالار، نیز علاقه زیادی به روضه خوانی زنانه داشت و در ایام محرم، صفر، و رمضان هفته ای یک بار مجلس روضه خوانی برپا می کرد. برخی از این ملایان مثل خدیجه خانم و ملا زینب علاوه بر روضه خوانی از سواد و طبع شعر هم برخوردار بودند (همان، 55) مهد علیا مادر شاه نیز در ماه های محرم و صفر همه روزه مراسم سوگواری در تالاری که چون تکیه سیاه پوش و تزئین شده بود برپا می داشت. چند تن از روضه خوان های خوش صوت آن دوران یکی پس از دیگری به ذکر مصیبت

آل عبا مي پرداختند. (معير الممالك، 89:1361) مجالس روضه زنانه، مانند تعزیه گرداني، از مخالفت علما به دور نماند، چنان که بيرجندي در بيان شرايط اهل منبر، شرط يازدهم را به مرد بودن اختصاص مي دهد و مي نويسد: شرط يازدهم آن که مرد باشد که بر منبر موعظه مي رود نه زن، چه منبر جاي با شأني است و مجلس حضرت خاتم الانبيا و ملائکه است ... چنان بي حيايي در طايفه زنان شيوع يافته که اگر بتوانند و به ايشان واگذارند در محکمه شرع هم مي نشينند. (بيرجندي، 90:1385) شايد همين تقابل، زنان را به ذکر داستان هاي اعجازگون از مجالس زنانه کشاند، که در برخي از کتب مذکور است، تا بدین گونه مجالس خود را مورد نظر معصومان (ع) نشان دهند. (وقايع اتفاقيه، 1373 : 215)

نذري دادن و نقش زنان در رواج و گسترش آيين های عاشورايی نذر و نذري دادن براي رفع نیاز از رسم هاي متداولي است که ايرانيان در اوضاع بحراني که دست عوامل مادي را در اصلاح آن کوتاه مي بينند، يا براي رفع مشکلات خود يا بهتر شدن اوضاع به آن روي مي آورند. نذر به معنای نیت، طلب، و توسل است و در واقع پيماني است بين انسان و خدا، پيامبران، امامان، شخصيت هاي ديني، و کساني که نزد مردم از قداست برخوردارند و نذرکننده متعهد مي شود، در صورت اجابت، نذر خود را آن گونه که عهد بسته است ادا کند. برخي مواقع نذر فقط براي رضاي خداوند و براي توبه صورت مي گيرد. براي اين پيمان نذري هاي متنوعي وجود دارد از جمله: اطعام فقرا، انجام دادن امور خيريه، انداختن سفره هاي روضه خواني که انواع خوراكي ها را شامل مي شود، قرباني کردن گوسفند و شتر، زيارت بقاع متبرکه، پخش غذا، و غيره. نذري و خيرات که امروزه از رسوم ديني به شمار مي رود رديابي در فرهنگ و تمدن ايرانيان باستان و ديانت زردشتي دارد؛ مثل سفره سبزي و آجيل مشکل گشا که از رسوم ايرانيان بوده است.

و در زمان ناصري همچنان در کرمان بسيار متداول بود که معمولاً پيرزنان زردشتي آن را درست مي کردند. در اين سفره انواع خوراكي از نان و پنير و سبزي گرفته تا شعله زرد و آش ديده مي شد. و کمتر سفره اي بود که با اين آجيل مزين نشود. (مستوفي، 421:1386) گاهي آن را آماده و در مساجد و مکان هاي زيارتي خيرات می کردند. حلوا، خرما، نان روغني، آش شله قلمکار، و شعله زرد غذاهايي بودند که زنان طبخ مي کردند و در شب هاي محرم و رمضان و ديگر ايام در مساجد و ميان همسايگان پخش مي کردند. کساني که به اين کار اقدام مي کردند سال قبل در آن شب حاجتي را خواسته بودند که تا آن زمان برآورده شده بود و براي ادای نذر خود نذري مي دادند. آش شله قلمکار از غذاهاي معمول آن دوره بود که در ايام مختلف، به ويژه در اربعين، آن را نذر امام زين العابدين مي کردند. حلوا و سمنو نيز از اين قبيل نذورات بود. خيرالنساء خانم و خديجه خانم، خواهران مرحوم مستوفي، از جمله کساني بودند که در اربعين نذري مي دادند. خيرالنساء آش شله قلمکار و خديجه خانم حلوايي از آرد و شکر و روغن نذري مي داد. سمنو نيز بيش تر در خانواده هاي متمول طبخ مي شد. پيرزنان معتقد بودند که شيريني سمنو به دليل انگشت حضرت فاطمه (س) است که در حين درست کردن داخل ديگ کرده است؛ به همين دليل قبل از به ديگ گذاشتن سمنو رسوماتي را اجرا مي کردند. مثلاً، آشپزخانه را آب و جارو مي کردند و سجاده و جانماز پهن مي کردند و به در و ديوار گلاب مي زدند. پس از مدتي زن سرشناس و باتقوي با صلوات در ديگ را بلند مي کرد و آثار انگشت حضرت را نشان مي داد. (همان، 419-420)

گرچه نذر و نذري دادن از آئين عاشورايي و از آداب سوگواري به شمار نمي رود، اما از دو حيث به مقوله پيش گفته ارتباط مي يابد: يکي از آن جهت که اين سنت در ايام مذکور مورد استقبال بيش تر زنان واقع مي شد، زيرا زمينه برآورده شدن حاجات در اين زمان بيش از ديگر زمان ها فراهم بود و ديگر آن که نذرکردن با وساطت نمادهاي عاشورايي زمينه اجابت بيش تري داشت، به همين علت بيش از مواقع ديگر مورد توجه واقع مي شد. چنان که در رسم 41 منبر به روشني ديده مي شود؛ در شب هاي عاشورا، برخي به اجراي مراسم خاص 41 منبر روي مي کردند. اينان با پاي برهنه کيسه اي پر از شمع زير بغل مي گرفتند و به تکیه ها و مجالسي که روزها در آن ها روضه خواني مي شد، مي رفتند که نذر خود را راجع به روشن کردن 41 شمع در 41 منبر ادا

کنند. 41. منبروها از همه طبقه ای بودند (همان، 301-302)؛ به هر مجلس که می رسیدند حلوا نذری می دادند و حاجاتشان را می گفتند، مثلاً اگر زنی پسر می خواست نذر می کرد که اگر پسر بزاید، نامش را عباس بگذارد و او را قمه زن کند (مونس الدوله، 1386: 178-179) گرایش زنان به نذر، به منزله کلید قفل های بسته ای که حیاتشان را وارونه کرده بود، گاه تا حدی می رسید که از مرز اعتقاد محض پا فراتر می نهادند و آن را با چاشنی باورهای خود درهم می آمیختند و در مواقعی افراط در آن به جایی می رسید که قدرت تشخیص صواب یا ناصواب بودن را از دست می دادند؛ و اگر فردی بنابر اقتضای محیط سنگی را مقدس و مکانی را مقدس برای برآوردن حاجات می خواند، زنان این دوره که خود را به این دستاویزها سپرده بودند آن را معبود و کعبه آمال خود می پنداشتند و دار و ندارشان را برای آن نذر می کردند. این در حالی است که مکان های زیارتی و حرم امامان معصوم و امام زاده ها هیچ گاه از نذورات زنان خالی نمی شد، اما گاه زودباوری و غلبه احساسات عمیق مذهبی سبب نفوذ برخی باورها در قالب خرافات می شد که زن این دوره از آن گریزی نداشت. به هر روی، نقش زن در سنت نذر و نذری دادن به گونه ای است که می توان آن را منحصر به آنان دانست و اگر زنان نبودند، این رسم دینی مذهبی از کارایی و گستردگی باز می ماند.

جامعه ی ایران عصر قاجار علاوه بر این که برای مردان قائل به آزادی های فردی نبود، بلکه برای زنان نیز هیچ حقوقی نمی شناخت. در نتیجه زنان برای نقش آفرینی و مشارکت اجتماعی با حضور در مراسم های آئینی به ویژه مذهبی حضور خود را آشکار می ساختند. زنان در عصر ناصری، به رغم تفیدات مذهبی و تنظیم اعمال و سکنات شان با آن، به فعالیت اجتماعی روی کردند. آنان دریچه باورها و آداب مذهبی را به منزله مؤثرترین راه برای ارتباط با دنیایی فرای آن چه در آن حضور داشتند، یافتند و از آن طریق به عرصه کنش های اجتماعی وارد شدند و با این که در برخی موارد با مخالفت صریح متصدیان دینی مواجه شدند، اما دست از تلاش خویش برنداشتند و با این کنش گری خود، هم مسیر جدیدی فراروی زنان پس از خویش گشودند و هم در توسعه مراسم مذهبی گام برداشتند. در این دوره، دایره محدود آزادی زنان تا حد زیادی مرهون اعمال و عبادات مربوط به محرم و مشارکت آنان در مراسم این ایام بود، که از طریق باورها و اعتقاداتشان شکل گرفته بود، و به دلیل تعصب و پای بندی که نسبت به آن ابراز می کردند پا را از محدودیت هایشان فراتر نمی نهادند و به سویی مکان هایی می رفتند که قبله حاجاتشان بود. گاه حرکات و اعمال آنان در این مکان ها متغایر با ارزش های تعریف شده اجتماع بود و در عرف سوء رفتار محسوب می شد. شور آنان در این مقول تداعی کننده اعتقاداتی است که محور اصلی فکری آنان را شکل داده بود و برپایی و شرکت در این رسوم را لازمه عمل به آن می دانستند. آنان از کوچکترین و کم اهمیت ترین اهرم ها برای توسعه و باشکوه ساختن مجالس حسینی استفاده می کردند و در شرایط اضطراری از آن چشم پوشی نمی کردند، زیرا آن را لازمه سعادت دنیوی و کمال اخروی می دانستند؛ و چه بسا اگر زنان را از عوامل برجسته رونق و رواج سوگواری حسینی و بسط مراسمی که در دوره های قبل چندان به آن توجهی نمی شد. بنابر آن چه گفته شد، علت گرایش زنان به این سمت و سو، علاوه بر اعتقاد پاک دینی، شرایط حاکم بر زنان این عصر، یعنی عدم دست یابی به آزادی مشروع که اسلام به آن تأکید داشته است و محدودیت های ناشی از آن مثل فقدان سرگرمی های مناسب و مراوده های علمی و کسب دانش و سخت گیری هایی که از جانب مردان اعمال می شد، بوده است.

منابع

1. اعتماد السلطنه، محمدحسن خان (1350). روزنامه خاطرات به کوشش ایرج افشار، تهران: امیرکبیر.
2. آزاد، حسن (1377). پشت پرد ههای حرمسر، تهران: انزلی.
3. بامداد، بدرالملوک (1347). زن ایرانی از انقلاب سفید تا انقلاب مشروطی، ت ج 2، تهران: ابن سینا.

- 4 بامداد، مهدي (1371). شرح حال رجال ايران ج 3، تهران: زوار.
- 5 بروگش، هنريش (1367). سفري به دربار سلطان صاحبقران ترجمه مهندس كردبچه، ج 1، تهران: اطلاعات.
- 6 بنجامين، سامونل گرین ويلز (1363). ايران و ايرانيان، عصر ناصرالدين شاه، ترجمه محمدحسين كردبچه، تهران: جاويدان.
- 7 بيرجندي، محمدباقر (1385). كبريت الاحمر في شرائط المنب ، قم: صبح پيروزي.
- 8 تفضلي، ابوالقاسم (1363). روستاي امامه و انيس الدول، ه تهران: كتابسرا.
- 9 تفضلي، ابوالقاسم و خسرو معتضد (1377). از فروغ السلطنه تا انيس الدوله، زنان حرمسرای ناصرالدين شاه، تهران: گلريز.
- 10 تنكابني، (محمدبي تا). قصص العلماء، تهران: علمي و فرهنگي.
- 11 دالمانی، هانري رنه (1335). سفرنامه از خراسان تا بختيازي ترجمه علي محمد فر هوشي، تهران: اميركبير و ابن سينا.
- 12 ديولافوا، ژان (1371). ايران، كرده و شوش ترجمه علي محمد فره وشي، تهران: دانشگاه تهران.
- 13 سرنا، كارلا (1362). آدمها و آئي نها در ايران ترجمه علي اصغر سعیدی، تهران: زوار.
- 14 سياح، حميد (1346). خاطرات حاج سياح يا دوره خوف و وحشت تصحيح سيف الله گلکار، تهران: ابن سينا.
- 15 شل، ليدي (1368). خاطرات ليدي شل ترجمه حسين ابوترابيان، تهران: نشر نو.
- 16 شهري، جعفر (1357). گوش هاي از تاريخ اجتماعي تهران قدي ، م ج 1، تهران: اميركبير.
- 17 طلوعي، محمود (1387). از طاووس تا فرح، جاي پاي زن در مسير تاريخ معاصر ايران تهران: نشر علم.
- 18 فوريه، جان (1363). سه سال در دربار ايران ترجمه عباس اقبال، تهران: علمي.
- 19 الگار، حامد (1369). دين و دولت در ايران، نقش علما در دوره قاجار، ترجمه ابوالقاسم سري، تهران: توس.
- 20 مستوفي، عبدالله (1386). شرح زندگاني من، تاريخ اجتماعي و اداري دوره قاجاري، ه ج 1، تهران: هرمس.
- 21 معير الممالك، دوستعلي خان (1361). يادداشت تهائي از زندگاني خصوصي ناصرالدين شاه، تهران: تاريخ ايران.
- 22 مونس الدوله (1386). خاطرات مونس الدوله، نديمه حرمسر اي ناصرالدين شاه به كوشش سيروس سعدونيان، تهران: زرین.
- 23 وقايع اتفاقيه (1296 ق / 1373 ش) نمرة 139 ، ج 2 و 3، تهران: كتاب خانه ملي.
- 24 ويلس، چارلز جيمس (1366). تاريخ اجتماعي ايران در عهد قاجاري، ه ترجمه سيدعبدالله، تهران: طلوع.
- 25 همایوني، صادق (1386). تعزیه در ايران تهران: نوید.

سياست تجاري روسيه در ايران

دکتر عباس پناهي
زينب نورزاد

استاديار تاريخ پژوهشکده گيلان شناسی دانشگاه
گيلان رشت ايران
دانشجوی کارشناسی ارشد تاريخ دانشگاه آزاد
اسلامی واحد نور

Summary. Iranians, after being defeated by the Russians during the wars in the first and the second period, in addition to losing vast territories, were forced to give multiple political and economic privileges to the Russians. As a result, Russians, in the late era of FathAli Shah, entered the exclusive economic market of Iran, particularly the northern areas of Iran. This trend is accelerated in the era of Nazareth so that, by giving economic privileges such as establishing Bank, fisheries and other privileges, the Russian company controls actual financial markets in such a way that, at the end of Nazareth era, Russians played a significant role in the economy of Iran and left the English behind in the economic race. In this paper, the authors intend to analyze and evaluate how the Russian entered the economy of Iran in Qajar Period.

Keywords: Russia, Iran, Britain, Trade, political state, Privileges.

روسیه بعد از عهدنامه ترکمن به ارزش غنائم خود پی برد و درصدد بهره برداری آن درآمد در پی ارزیابی های سیاسی خود، ابتدا کانالی را به باطوم و از آنجا به بادکوبه متصل کرد و به ایجاد خط آهن از مرکز روسیه ولگا و حاجی ترخان و توسعه کشتی رانی در رودخانه مزبور و به تشکیل بحریه تجاری بزرگ در دریای خزر دست زد موجبات توافق و انحصار تجاری ایران و روس در شمال را فراهم کرد. قدرت سیاسی روسیه در ایران به جایی رسید که توانست این قدرت را در جهت مصالح اقتصادی به کار برد، دولت ایران را مجبور می ساخت تا هر گونه قرارداد تجاری را که با دیگر کشورها بخصوص بریتانیا برقرار می شود امتیازی به همان نسبت به روسیه تعلق گیرد، دولت ایران نیز هراسان از امتیازدهی به انگلستان بود به طوری که در زمان امتیازدهی رودخانه کارون، امتیازی به همان طریق به روسیه داده شد. اهداف روس ها از گرفتن امتیازات چون راه آهن، از نظر توسعه بازرگانی روسیه در ایران بسیار مفید و حائز اهمیت بود و گسترش بازرگانی روسیه عاملی برای بکار افتادن کارخانه های متوقف و نیمه متوقف روسی بود. با سیاست روسیه در نیمه دوم قرن نوزدهم افزایش تجارت را در این نیمه شاهد هستیم. از دلایل آن باید ساخت راه آهن ماوراء قفقاز را ذکر کرد چرا که قبل از آن تجارت روسیه موفقیت آمیز نبود بازرگانان روسی کاملاً محتاط و کاملاً بی اطلاع بودند و هیچ فعالیتی در مقابل رقبای اروپایی انجام نمی دادند و از دولت می خواستند در مقابل آنها بجنگند و نسبت به دستورهای دولت بی اعتبا بودند.

تجارت روسیه چندان رونق نداشت چون اجناس روسی مرغوبیت کافی نسبت به کالاهای انگلیسی نداشت اما با اتخاذ سیاست جدید در تجارت توانست در اواخر قرن نوزدهم بازار ایران را احاطه کند. روسها با حمایت از تجارت و بازرگانی و تشویق بازرگانان و اتباع خود توانستند تجارت را توسعه دهند مخصوصاً نسبت به منسوجات پنبه ای، صنعتی شدن روسیه باعث اضطراب و نگرانی بریتانیا کبیر شد.

تعرفه گمرکی روسیه و تشویق و جویزی که به صادرات محصولات داخلی خود می داد باعث رشد و سرعت بیشتر تجارت شد. بهبود حمل و نقل در دریای خزر در ماوراء قفقاز و قفقاز، خدمات مالی بانک استقراضی روسیه در افزایش تعداد اتباع روسی در ایران که به کارهای تجاری و سایر فعالیت ها مشغول شدند افزود. سرانجام روس ها با این اهداف توانستند عملاً نبض اقتصاد ایران را تا انقلاب مشروطه در اختیار خود قرار دهند.

اقدامات روسیه در انحصار تجارت داخلی ایران فتوحات پی در پی روسها و سیاست متعاقب آن، که با مهارت بسیار تعقیب و اجرا شد، بخشی از سرزمین ایران را با تهدید و فشار و برخی را با عهدنامه گرفتند اشغال ماوراء النهر باتصرف روستاهای زیادی از ایران همراه بود، با تصرف چراگاههای آنک در پایین کوه داغ، کم کم به سمت خراسان پیش روی کردند، سیاست تجاوز که شاید با شهنوایی اندک همراه بود، اما هدف نهایی پیشرفت هرچه بیشتر آن برای نفوذ به درون ایران تا راهی به سمت

خلیج فارس باز کند در واقع سیاست تجاری روسها بخشی از اهداف سیاسی آنها را شامل می شد. روسها با عهدنامه ترکمن چای ابتدا بحر خزر را به دریای روس تبدیل کردند در همان عرصه ای که نه کشتی های تجاری داشت و نه ناوگان جنگی، در صورتی که فعلاً صدها تن ملوان روسی دارند. (کرزن، 1387: ج 70/2)

روسیه با اتصال خط آهن دریای سیاه و خزر هرگونه مخالفتی و موانع را در جانب شمال مرتفع و راه تجارت شمال را به حالت ممتاز درآورد، مکنزی می نویسد: «کمپانی مسکوی شعبه ای را در شمال دایر کرد و نمایندگان آن در رشت و اردبیل و آشوراده و شاهرود مستقر هستند مقدار کمی جنس وارد کردند آنها امید دارند در تابستان حیطه فعالیت خود را تا خراسان گسترش دهند.» (همو، 1359: 150) مقدار کم تجارت نیز بی شک در نفوذ روسها کمک بسیاری کرد. با حذف سیاست مالی روسیه که در آغاز جاده قفقاز را به روی کالاهای ایرانی که ترانزیت به مقصد اروپا داشت بسته بود، روسیه توانست داد و ستد و گردش پول را در این راه رایج و معمولی سازد و تخفیف در کرایه کشتی های و اجناسی که به غرب می رفت کنترل بازارهای شمال به دست روسها افتاد و تنها در مواردی اجناس انگلیسی امکان رقابت داشت. (کرزن، 1387: ج 665/2)، شمال ایران، بصورت جاده وارداتی اجناس روسی درآمد و تحولات سیاسی و رقابت با دولت بریتانیا و گرفتن امتیازات درکنار آن، به روند روبه رشد آن افزود. سیاستهای بازرگانی مختلفی که روسیه با کمک وابستگی شدید حکومت قاجار بکار بست باعث شد حجم ورود کالاهای روسی به ایران از واردات دیگر کشورها پیشی بگیرد و حجم تجارت ایران در سال 1908 م به 62% کل تجارت ایران را در برگیرد بانک روسی با اعتبار نامحدود به تجار روسی برای ورود کالاهای، آمار رسمی صادرات را بالا برد. براساس سیاست تجاری روسیه به غیر از روسها که حق ایجاد شرکت بیمه و حمل و نقل را نداشت و براساس این طرح کالاهای ایرانی جزء با این شرکت ها حمل و نقل نمی شد. (انصاری رنایی و کرمانی، 1380: 173) در چنین شرایطی سود تجارت داخلی و خارجی نصیب روسها شد و ایران را به سمت وابستگی اقتصادی سوق داد.

تجارت داخلی در همه برهه های تاریخ ایران بازرگانان در اصل فعالان سیاسی- اقتصادی ای هستند که در جامعه بازرگانی فعالیت دارند در این دوره اغلب تجار، برای خود تجارت میکردند خود محصولات مورد نیاز تجارت خارجی را تهیه و توسط نمایندگان خود یا کاروانها به خارج می فرستادند بسیاری از تجار، نمایندگان در دیگر شهرها داشتند این ارتباطات حتی در بمبئی، استانبول و کلکته نیز برقرار بود. (فلور، 1366: ج 165/2)

تجار داخلی با شرکت های که در تبریز و مناطق شمالی مستقر بودند نیز داد و ستد داشتند شیوه کار آنها بیشتر به صورت نقدی انجام می گرفت ولی پس از مدتی اعتبار جای آنها را گرفت. (عیسوی، 1362: 153) داد و ستد تجار ایرانی توسط دلان صورت می گرفت در شعبات مختلف تخصص داشتند که خود آنها دارای دسته بندی های بودند و تشکیل صنف می دادند. تاجران در اواخر قرن به داد و ستد یک کالای خاص نمی پرداختند تجار در شهرهای چون اصفهان، یزد، کاشان، شیراز و همدان و یزد مشغول داد و ستد بودند. (فلور، 1366: ج 167/2) تجار در تجارت داخلی نیز مانند تجارت خارجی با مشکلات راه ها و حمل و نقل مانع بزرگی برای حمل و نقل کالاهای برای مسافت زیاد به شما می رفت در شهرهای که کالاهای تجاری از آن می گذشت از تجار عوارض و راهداری وصول میشد. (سیف، 1373: 310) بازرگانان خرده پا داد و ستد خود را در بازار انجام می دادند اما بازرگانان عمده جهاز و اسباب تجارتهای بزرگ مجهز بودند. تجارت داخلی در شهرهای خود در کاروانسراها دارای حجره هایی بودند و در آن به رتق و فتق معاملات خود می رسیدند تجار و بازرگانان مجبور به پرداخت حقوق گمرکی بود بیشتر تجار با عوارض دیگری روبرو می شدند که از آنها به باج تعبیر میشد. تا سال 1289 ه. ق تشکیل وزارت تجارت و فلاحت، تجار از حمایت نسبی داخلی برخوردار شدند. تجار در داخل با اعضای حکومتی در ارتباط بودند چرا که در ایران هرکس خواهان موفقیت بود باید دنبال رابطه با چنین افرادی می بود تجار می توانست از این طریق امنیت نسبی کسب کنند مانند رابطه امین الضرب با امین السلطان در اواخر قرن نوزدهم به خوبی روشن کننده این مطلب است. (فلور، 1366: ج 126/2) شرایط نیمه استعماری و رقابت میان دو کشور روس و انگلیس مانع از

توسعه شبکه ارتباطی لازم در کشور شد و تنها چند رشته راه در حوزه نفوذ این دو قدرت احداث شد. این خود مانعی بود بزرگ بر سر راه تجار داخلی در حمل کالا، و حمایت امپریالیسم از تجار خارجی و سرعت ورود کالاهای خارجی با قیمت ارزان در داخل، تجار داخلی را به ورشکستگی کشانید، و تجار داخلی و خرده تجار را به دلالتی تجارتخانه های خارجی کشانید. (اشرف، 1359:68) تجارت داخلی نیز در این قرن براساس خواست امپریالیسم استوار شد براین اساس که در تعیین تولید و تجارت محصول نیز دخالت داشتند بطور مثال چون در نیمه دوم قرن مذکور به دلیل عدم احتیاج به ابریشم محصولات چوب برنج و توتون و پشم را که از احتیاجاتشان بود از ایران تحصیل کردند و تجارت نیز بر این چرخش اقتصادی، به نفع تجارت غرب چرخش پیدا کرد. در 1850 م سرجان شیل از ابریشم به عنوان کالای عمده تجارت ایران نام می برد در سالهای 1864 م مقدار محصول در سطح عالی بود ولی بر اثر عدم احتیاج و عدم حمایت دولت دچار آفت و نابودی شد (فشاهی، 1360:276) عدم حمایت دولت از تجار و بازرگانان داخلی و بومی، و به وجود آوردن تجارت آزاد بیشتر شاخصه های صنعت بومی را از میان برد و امتیازات واگذار شده به بازرگانان خارجی، نه تنها تولیدات بومی بلکه بازرگانی داخلی را از میان برد و تجار داخلی را وابسته به خارجیان و یا به ترک تجارت کشانید. (آبراهامیان، 1389:77) تجارت قاجارها وضعیت متلاطمی داشت ناکارآمدی سیستم مالی و عدم امنیت و عدم ثبات سرمایه گذاری، نفوذ خارجیان بر بازار موجب فشار شدید بر تجارت داخلی و در مضیقه قرار گرفتن تجار شد.

تجارت و تاثیر آن بر صنعت سیاست درهای باز به نوعی تخریب و انهدام صنایع دستی را به بار آورد و گروهی بیکار شده و در مقابل، جذب کشاورزی شدند و گروهی مجبور به ترک وطن شدند بازرگانی خارجی در حجم و ترکیب واردات و صادرات اثر گذاشتند. (سیف، 1373:72) در پایان قرن نوزدهم و آغاز سده بیستم، صنایع رشدی سست داشت و از چهارچوب تولید ساده کالایی فراتر نرفته بود در این سده، صنایع پیشروی که تاب پایداری در مقابل رقابت بیگانه را نداشتند به هستی خود پایان دادند و مبارزه با رقابت کالاهای خارجی، به ورشکستگی صنایع محلی انجامید. (کوزنتسوا و کولاگنیا و تروبتسکوی، 1383:244) در کشورهای خاورمیانه تجارت خارجی همراه با رشد صنعت شد اما در ایران این امر اتفاق نیفتاد ایران در زمینه صنایع کارخانه ای حتی با معیارهای خاورمیانه عقب افتاده بود و دلایل آن را در نواحی وسیع و فقدان آب یا حمل و نقل ماشینی که از رشد یک بازار ملی جلوگیری می کرد و نتایج آن در فقر روستایی و تولید کم و تماس کم آن با بازار نمایان شد. اما در نیمه دوم قرن نوزدهم، وضعیت راهها و حمل و نقل بطور نسبی بهتر شد و رشد سریع تجارت را به همراه داشت و در مقابل، سیل کالاهای تولید اروپایی به داخل کشور را باعث شد، این امر باعث اعتراض تجار، بخصوص تبریز شد، رشد سریع تجارت، فشار صنایع دستی را به همراه آورد. (عیسوی، 1362:401) صنایع روسی و سایر صنایع اروپایی کشانده و با ورشکستگی، توان صادرات کالاهای صنعتی از بین رفت و صنایع موجود از تامین مایحتاج مردم عاجزند از طرفی حمایت نکردن از صنایع و رقابت بی رحمانه شرکت های تجاری روس و انگلیس، امکان تراکم سرمایه صنعتی را در ایران از بین برد. (انصاری رنائی و کرمانی، 1380:79) عیسوی ضمن مقایسه تجارت خارجی ایران در سال م. سیر نزول صادرات ایران و بر عکس افزایش بی رویه واردات و نتایج حاصل از این عدم تعادل را بیان می کند وی می گوید: «منسوجات که از اقدام صادراتی ایران به شمار می رفت یکی از اقلام وارداتی ایران شد چراکه صنایع دستی محلی توانایی رقابت با فرآورده های ماشینی اروپایی را نداشت ... در نتیجه کاهش محصولات صادراتی موجب کاهش درآمد تجار شد ...» (همو، 1362:112) در همین سده کانون های صنایع ملی پدید آمد کارخانه های کاغذ سازی، ریسندگی، کبریت سازی، قند و شیشه سازی، اما چندی نگذشت که همه آنها در اثر خسارت فراوان و رقابت های کالاهای خارجی بسته شد. (کوزنتسوا و کولاگنیا و تروبتسکوی، 1383:246)

فلاندن در گذر از شهر یزد در اواخر قرن نوزدهم می گوید: «واردات انگلیس که بیش از 30 سال در ایران رو به تزاید گذاشته، روز به روز از تعداد کارخانه های کاشان می کاهد و با اینکه هنوز

کارخانه هایشان دایر است ، ولی انسان از تماشای قسمت عمده آنها که بایر و بیکار افتاده ، به سختی حسرت میخورد ... ».(انصاری رنائی و کرمانی، 1380:79)

سرمایه خارجی و رشد زمین داری در ایران ، راه رشد صنایع را گرفت و باعث اندوختن ثروت توسط تجار با نفوذ ، روحانیون ، و درباریان شد آنها با رغبت به خرید زمین های مزروعی خوانین و شاه مشغول شدند و در زمین های خریداری شده به تولید محصولات صادراتی پرداختند . مالکین کار زراعی را بر تشکیل مؤسسات صنعتی تجاری ترجیح دادند و مالکین جدید در این قرن با بازارهای خارجی ارتباط داشتند.(ایوانف ، 1357:20)

پیدایش وضعیت نیمه استعماری و وابستگی کشور به بازار جهانی باعث رشد بازرگانی شد تجار داخلی که بازرگانی محلی محدود شده بودند در این قرن به سمت بازرگانی خارجی روی آوردند در حقیقت باید گفت که تجار خارجی محرکی برای دگرگونی اقتصاد سنتی شدند و در اقتصاد سنتی ایرانی بی تاثیر نبودند چراکه گسترش بازار فروش مواد خام مانند تریاک ، ابریشم ، پنبه از سوی بازرگانان خارجی باعث تشویق صاحب سرمایه ایرانی برای گردآوری و صدور این محصولات شد در این میان بازرگانی خارجی با وارد کردن مصنوعات خود و منسوجات نخی ، با توجه به علاقه مردم به مصرف این کالاها با کوشش تجار خارجی ، راه کار را به تجار ایرانی نشان داد اما وضعیت نیمه استعماری و وابستگی به بازار جهانی مانع رشد سرمایه صنعتی در کشور شد.(اشرف ، 1359: 73-75) صنایع دستی ایران با یک کشور دیگر اگر می توانست روی پای خود بایستد و با اقلام ماشینی رقابت کند راهی جز نابودی نداشت خود کنسول روسیه در گیلان می نویسد : « قبل از ورود کالاهای خارجی مردم از پوشاکی استفاده می کردند که از کارگاه های محلی تولید می شده ولی این تولید بومی قادر رقابت با فرآورده های ارزان قیمت کارخانه های اروپایی نبود به این دلیل ، تولید صنایع محلی رو به کاهش و انحطاط رفت.(سیف ، 1373:82) فقط در دوره کوتاه صدارت امیر کبیر ، شاهد تحول در صنعت هستیم ، امیر معتقد بود که صنایع جدید اروپا را باید با احداث کارخانجات در خود ایران رواج داد و به عبارت دیگر احتیاجات مادی جدید را که از لوازم تمدن تازه اروپا می باشد در داخل کشور بسازند و صنایع ملی را جزء مواد اساسی برنامه اقتصادی خود قرار داد . امیر نه تنها تولید صنایع خارجی را در ایران متداول کرد بلکه علاقه بی حدی به توسعه و رونق دادن صنایع ملی داشت و با صاحبان صنایع با احترام رفتار می کرد و عزیز داشت.(عیسوی، 1362:457) اما غیر از دوره کوتاه صدارت امیر ، پیشرفت آنچنانی در صنعت بوجود نیامد و در پایان قرن با کاهش کارخانه های تولیدی روبرو هستیم . ایرانیان تولیدات صنایع دستی از جمله منسوجات را به قفقاز و آسیای مرکزی تهیه می کرد اما در سالهای 1877 م . به بعد کار حمایت از تعرفه که نزدیک به پنجاه درصد افزایش یافت تجارت آن متوقف شد . در این سالها بایست حقوق گمرکی را به طلا پرداخت می کردند و این مسأله برکالاهای ایران تاثیر سوء گذاشت . گسترش رشد سریع صنایع روسیه از این زمان به بعد ، بخصوص در تولید منسوجات در صدور منسوجات ایران به روسیه اثر نهاد و در سال 87-1885 م . تنزل پیدا کرد .(همان، 467)

روسها در منسوجات از انگلستان تقلید کرد و برای فروش محصولات از جایزه و سوبسید استفاده کردند روسیه جایزه صادراتی پارچه های پنبه ای به ایران را از 1/5 روبل به 5/75 روبل در سال تغییر داد پارچه های پنبه ای روس در ایالت مرکزی 25 درصد کمتر از قیمت بازار فروخته شد.و در تجارت ایران روسیه روشی را اتخاذ کردند برای اینکه عوارض پنبه خام صادراتی از ایران به روسیه عوارضی معادل 10 درصد معمول را پرداخت کردند . تاجر می بایست عوارض گمرکی برای ورود پنبه خام را عرضه می نمود تا از جوایز صادراتی بهره مند شود .در گزارشهای روسی آمده است که کارخانه های روسیه طوری طراحی شده بودند که از پنبه های وارداتی ایران استفاده کنند و این صنایع داخلی ایران را به نابودی کشانید(سیف، 1373:314) جمال زاده در کتاب گنج شایگانش اظهار داشته است که از نیمه دوم قرن نوزدهم تلاشهای برای تأمین کارخانه چه از طرف خارجیان و چه سرمایه سالاران داخلی اقدام شد اما اغلب به ملاحظه بی تجربگی و بی ثباتی و مخصوصا رقابت داخلی و اشکال تراشی روس و انگلیس نتیجه مطلوبی بدست نیامده است.(عیسوی، 1362:479) در بررسی

کلی صنایع تولیدی کالاهای ایران باید گفت کالاهایی از صنایع رشد یافت که برای بازار جهانی تولید می شد. این مسئله صنایع ایران را، مخصوصاً آن کالاهایی که قابل توجه بود، وابسته به سرمایه خارجی کرد. و این شاخه ها نیز تحت اراده کارخانجات خارجی درآمد و کالاهای تولیدی با استثمار عظیم کارگران همراه کرد.

سیاست روسیه در صادرات و واردات آغاز روابط بازرگانی ایران و روسیه به انقیاد قلمرو آستاراخان، یعنی اواسط قرن شانزدهم بر می گردد روابط نزدیک را سفارت شاهزاده باریا تینسکی برقرار کرد که در سال 1618 م. توسط تزار الکس به ایران فرستاده شد. (عیسوی، 1369: 220) از این زمان به بعد رابطه دو کشور رو به توسعه گذاشت و روسها از سال 1664 م. بدون پرداخت حقوق گمرکی اعتبار تجارت با ایران را بدست آوردند. پتر همه کوشش های خود را در ایران بکار انداخته بود گرچه این تلاش ها همیشه برای دست اندازی سیاسی نبود. علاقه به نوزایی بازرگانی و صنعتی روبه تلاش او راه اندازی جاده ترانزیتی هند و اروپا از طریق ایران را باعث گردید برای نفوذ در ایران از هر فرصتی استفاده کرد این روند بعد از پتر نیز ادامه یافت به طوری که در اوایل عصر قاجار با جنگ های میان روس و ایران ادامه یافت و با انعقاد عهدنامه های سال 1813 و 1828 م. بر شهرها و ایالات شمالی ایران تسلط یافتند و حق تسلط بر ناوگان تجاری و نظامی را بدست آورد و با تعرفه گمرکی ایجاد شده تجارت روسیه در ایران وضع بین المللی پیدا کرد. (همان، 223).

ایران در ردیف هشتم تا دهم بازرگانی روسیه قرار داشت. (انتز، 1379: 110). داد و ستد در مرزهای آسیایی قسمت کمی از معاملات روسیه بود با وجود این روسیه در توسعه تجارت با ایران حتی به قیمت لطمه زدن با روابط با سایر کشورها سعی کرد که این نیز در مقاصد سیاسی ریشه دارد. به طوری که هر کالای روسی در بازار نشانه وجود یک کنسولگری برای دفاع و پشتیبانی از آن بود. داد و ستد با روسیه نقش مهمی در بازرگانی ایران داشت ایران مهم ترین خریدار برخی محصولات روسیه بود. برخی از صنایعی که در حمایت دولت روسیه بود در بازار ایران فروخته می شدند تا سطح قیمت در روسیه حفظ شود. (همان، 1369: 110) آمارها نشان می دهد که واردات ایران از روسیه بیش از واردات از سایر کشورها بود به خصوص در نیمه دوم قرن نوزدهم از سالهای 1876 م. به بعد صادرات روسیه به ایران به سرعت و با تداوم زیاد شد.

دلایل موفقیت روسها در این قرن را باید راه تجارت اروپا از طریق روسیه، وضع ترانزیت کالاهای روسیه که باعث شد در نیمه دوم قرن مذکور رقم عمده مصنوعات وارداتی را تشکیل دهد. سیاست اقتصادی روسیه مبنی بر تشویق بازرگانان روسی بر صادرات متاع و تخفیف کرایه ای که دولت روسیه برای حمل صادرات مواد خام ایران گردانید و اعتبار سرشاری که بانک روسی به نمایندگان و عمال خرید و فروش خود در ایران می داد و تعرفه گمرکی روسها به تجار در امر صادرات و واردات می دادند باعث شد که اجناس روسی در بازار ایران کمتر از مسکو نباشد با آن تفاوتی نیز نداشته باشد. (فشاهی، 1369: 121) پس از فتوحات روسیه در قفقاز و آسیای مرکزی بخصوص از سال 1877 م. کار حمایت تعرفه نزدیک به پنجاه درصد افزایش یافت بر این مبنا که حقوق گمرکی باید به طلا پرداخته شود نه اسکناس و روبل، این مسئله بر کالاهای ایرانی و اروپا تأثیرگذار بود از همه مهمتر گسترش سریع صنایع اولیه به مقدار هشتاد درصد در سال رشد پیدا کرد که بسیار بالاتر از درصد رشد صنایع ایالات متحده آمریکا و تمام کشورهای اروپایی بود و کالاهای تولیدی روسیه و منسوجات آن، جای کالاهای ایرانی را گرفت. (عیسوی، 1362: 467)

وضعیت صادرات و واردات ایران صادرات در دوره قاجار مواد خام بود که برخی محصول کشاورزی یا برخی حیوانی و گیاهی بود. (انصاری، کرمانی، 1369: 327). ژوبر در 1806 م. گزارش داد که واردات ایران عبارت از پارچه های پشمی و پنبه ای، قند و قلع و ماهوت از روسیه بود. (فشاهی، 1369: 1) کاهش مالیات زارعین افزایش منافع آنها را به وجود آورد تشویق کشاورزان به کشت و کار در اندک زمانی باعث افزایش در محصولات کشاورزی شد مانند کشت شکر سرخ در مازندران و خوزستان. و شکر خارجی که در بخشهای مختلفی از کشور توزیع و مصرف می شد رو به کسادی نهاد. (انصاری، کرمانی، 1380: 324). که در دوره کوتاه صادرات امیرکبیر به اوج خود

رسید امیرکبیر به خوبی آگاه بود که ایرانیان با داشتن امکانات می توانند نیروهای بالقوه خود را بالفعل در آورند و عامل کاهش واردات شوند. اما بعد از دوره صدرات کوتاه امیر با تحولات عظیمی در زمینه صادرات و واردات مواجه هستیم. در آغاز نیمه قرن نوزدهم صدور کالا به ایران تشدید شد از علل تشدید صدور کالا به ایران باید احداث جاده های نوین و استفاده از راههای دریایی و بنادر در شمال و جنوب ایران دانست. (فشاهی، 1369: 515)

صادرات روسیه به ایران در سالهای 1839م. به بعد 29 درصد افزایش داشته علت آن، شیوع وبا، قحطی سالهای م. ایران و ناامنی و اغتشاش شمال ایران و ورشکست شدن چند تجارتخانه در تبریز در سال 1830م. که در نتیجه فروش کالاهای روسی در ایران بوده است، از سال 1837 یک تجارتخانه یونانی به نام رابل شروع به تجارت با ایران کرد و تجارتخانه های دیگر به دنبال آن آمدند. (انتز، 1369: 31)

جمال زاده در کتاب خود می نویسد: صادرات ایران از واردات آن کمتر بوده و هست و معتقد است تجارت ایران در سالهای 1280 تا ه.ق وابستگی ایران چه از لحاظ سیاسی، نظامی، اقتصادی و اجتماعی و بازرگانی را در پی داشته است به خوبی روشن است که در دوره قاجاریه به علت ضعف حکام و عدم توجه دولتمردان به استقلال و آبادانی کشور و با انعقاد قراردادهای گوناگون راه برای انهدام تجارت و بازرگانی این مرز و بوم همواره شد. به قول جمال زاده: «از کاغذ قرآن آسمانی تا چلوار کفن به خارجیان محتاج شدیم و...». (انصاری و کرمانی، 1369: 343).

اقدامات روسها در شمال ایران در سالهای 1856م. تشدید شد کشتی های روسی در دریای خزر رو به ازدیاد گذاشت. در سال 1879 م. ظرفیت کشتی های تجار روسی در این دریا به 4150 تن و ظرفیت کشتی های بادی آن به 64500 تن بوده است. (فشاهی، 1369: 520). بازار شمال از آن روسیه شد بازار جنوب از آن انگلستان، روسیه تلاش کرد با دسایس گوناگون بازارهای حریف را در اختیار بگیرد مانند کمک روسیه به صادرکنندگان قند و شکر و خرابی بازار فرانسویان در ایران. (همان، 521). سیاست اروپا در داد و ستد ایران بر مبنای صدور هرچه بیشتر کالا به ایران و از بین بردن صنایع دستی و بومی و جلوگیری از صنعتی شدن کشور و صدور مواد خام از ایران و تبدیل این کشور به یک کشور دست نشاندۀ و مستعمراتی شد.

کرزن می نویسد: «ایران با داشتن محصولات متنوع طبیعی و مصنوعات فاقد وسایل و اسبابی است که از لحاظ غربی ها مایحتاج زندگی و مایه راحتی افراد متمدن محسوب می شود. مقدار محدودی شکر تولید می شود در کشور یا اصلاً تولید نمی شود نه محصول قهوه دارد و نه چای هر چند مصرف هر دو جنس مزبور در ایران بحد وفور است.

معادن نفتش دست نخورده است کوچه ها و خانه ها با مواد نفتی روسی و امریکایی روشن می شود با داشتن سنگ های قیمتی به اندازه کافی برای رفع احتیاجات باز همه طلا و نقره مورد لازم را از خارج وارد می کند... با وجود داشتن مس یک ظرف غذاپزی وجود ندارد و وسایل خانه و شیشه و چینی از خارج وارد می کند با اینکه گفته می شود ایرانیان اهل شکارند اما وسایل آنها باید از خارج کشور تهیه کنند حتی در زمینه لباس و چلوار و پارچه های پیراهنی و نخ، حقیرترین افراد اجناس ساخت منچستر تا مسکو را می پوشند...». (کرزن، 1387: ج 1/ 668)

در زمینه واردات ایران از روسیه پارچه های نخ از قبیل شکر، نفت، شمع، چراغ، ظروف، آئینه بدل چینی، فلزات کالسکه، یراق، سماور وارد می کند. (همان: 668) البته حمایت از تولید ایران و هزینه، حمل و نقل به بازارهای اروپا را ممکن می سازد با بهبود شرایط حمل و نقل صادرات به میزان قابل توجهی گسترش می یافت.

بازار بزرگ صادرات ایران ترکیه و روسیه بود طبق عایدات گمرک خانه تبریز، ابریشم، تنباکو، شال، فرش، چرم رنگی مازو، گل زعفران، پیه و موم و خشکبار اهم صادراتی هستند که به ترکیه حمل می شد و صنایع دستی ایران و محصولات پنبه ای به گرجستان صادر می گردید. (عیسوی، 1369: 175) تجارت روسیه و انگلیس با ایران در فاصله سالهای 1887-1889 شاهد یک تصاعد حیرت آور بود در سالهای 1890 به بعد در پی تضادهای امپریالیسم جهانی دولت روسیه موفق شد در بازار

صادرات و واردات ایران از انگلستان پیشی بگیرد و آن را عقب براند در این سالها تجارت روسیه دو برابر شد دلیل این موفقیت حفظ و رعایت موازنه بین خرید و فروش در اندازه مواد خام ایران توسط روسها باید دانست.

يك كنسول انگليس در مشهد گزارش می دهد كه :

«.... آنها می دانند كه يك دو هفته مانده به عيد سروكار محترمان روسي پيدا می شود در كشت پنبه آنها را سلف خر می كنند و بذر آن را فراهم می سازند و یا اینکه بهترین سهم غلات آنها را پیش خرید می نمایند روستاییانی كه غافل هستند سهم خود را می فروشند و در زمان محصول برداري متوجه می شوند كه غله کافی برای اعاشه زمستان وجود ندارد. و این گزارش نشان از هزینه بالاي غلات را می دهد و فشاری كه بر روی روستاییان فقیر وارد می شود. و در جای دیگر ذكر كراه : «شاه مدام برای جلوگیری از صدور غلات فرامین سفت و سخت صادر می كند ولي کسی در شمال وقعی به آن نمی گذارد پس از محصول برداري ردیف مشتریان را می بینی كه 500 تا 1000 بار غله روزانه از مرزها از طریق راههای عمده عبور می دهند».(عیسوی، 1362: 330)

از این گزارش و صدها نمونه آن از محصولات و صادرات آن به صورت جمعی و فردی نشان از اوضاع بدبین مالك و زارع دارد تا زمانی كه به فرض مثال در جامعه كوچك روستایی مبادله کالا به کالا رونق داشت و رابطه مالك و زارع تغییر آن چنانی صورت نگرفت مشكلات این چینی کمتر به چشم می خورد اما با تغییر این رابطه و اضافه شدن پول در مبادلات جامعه كوچكي مثل روستا، مبادلات محصولات چون ابریشم، تریاك، پنبه تنباكو به سمت مبادله نقدي تشویق شد چرا كه اعم تولید محصول در روستا انجام می گرفت. با تغییر ساختار در جامعه نگرش به تجارت و مبادلات تغییر كرد. نیاز دهقانان به اعتبار بیشتر گرفتن بهره مالكان به صورت نقد، مالیات نقدي توسط دولت- سرمایه گذاری مستقیم در کشاورزی باعث كشش جامعه به سمت قدرتی كه بتواند بیشترین سود را برساند، كشاند.

اقتصاد ایران در عصر قاجار به شدت تحت تاثیر اوضاع سیاسی آن به ویژه جنگ های ایران و روس قرار گرفت. زیرا روسیه و انگلستان پس از ضعف نظام سیاسی ایران موفق به اخذ امتیازات متعدد در ایران شدند. اما روس ها به جهت ارتباط نیرومند با اشراف و شاهان قاجار و همچنین ناکامی شاهان قاجار از مناسبات شان با انگلیسی ها موفق به پیوند روابط اقتصادی خوبی با حکومت قاجار شدند در نتیجه امتیازات زیادی از حکومت قاجار اخذ نمودند. علاوه بر آن روسیه از میانه های دوره ی ناصری میزان صادرات خود را به ایران افزایش داده به گونه ای كه حجم زیادی از واردات اقتصاد ایران را به خود اختصاص دادند این مساله موجب وابستگی شدید بازار اقتصاد ایران به روسه گردید و روس ها از این موقعیت اقتصادی سود سرشاری نصیب خود نمودند.

منابع:

- 1) آبراهامیان، پرواند، (1377) ایران بین دو انقلاب، احمد گل محمدی و محمد ابراهیم فتحی، تهران، امیرکبیر.
- 2) عیسوی، چالز، (1362)، تاریخ اقتصادی ایران، محمود آژند، تهران، گستره .
- 3) فشاهی، محمدرضا، (1360)، تکوین سرمایه داری در ایران، تهران، گوتنبرگ
- 4) فلور، ویلم، (1366)، جستارهای تاریخ اجتماعی ایران، ابوالقاسم سری، تهران، توس
- 5) سیف، احمد، (1373)، اقتصاد در قرن نوزدهم، تهران، چشمه
- 6) ایوانف، س.ل، (1357)، انقلاب مشروطیت ایران، آذر تبریزی، تهران، شبگیر
- 7) انتنز، مروین.ل، (1369)، روابط بازرگانی ایران و روس، احمد توکلی، تهران، ادبی و تاریخ.
- 8) انصاری رنائی، قاسم وقنبر علی، کرمانی. (1380)، تجارت دوره قاجاریه، تهران، دانشگاه.
- 9) اشرف، احمد، (1359)، موانع رشد سرمایه داری در ایران، تهران، زمینه

- 10) کرزن، جرج ناتانيل، (1387)، ايران و قضيه ايران، غلامعلي وحيد مازندراني، انتشارات فرهنگي علمي.
- 11) کوزنتسوا.ن. آ وکولاگينا و تروتسکوی، (1383)، پژوهشهای در تاریخ نوین ایران، سیروس ایزدی، میترا دات ایزدی، تهران، ورجاوند.
- 12) مکزی، چارلز فرانسیس، (1359)، سفرنامه شمال منصوره اتحادیه (نظام مافی)، تهران، گستره.
- 13) نکیتین.ب، (بی تا)، ایرانی که من شناخته ام، فره وشی، تهران، معرفت.

ПРИЗНАКОВЫЙ СОСТАВ КОНЦЕПТОВ ПОЗИТИВНЫХ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Е. С. Рябкова

*Кандидат филологических наук, доцент,
Поволжский государственный
университет телекоммуникаций
и информатики, г. Самара, Россия*

Summary. The article observes the topic of positive interpersonal relationships. It highlights different senses of friendship in different cultures. It describes concept “amity” in detail.

Key words: friend; friendship; amity; concept; positive interpersonal relationships; help; support.

Позитивные межличностные отношения во все времена играли и играют важную роль в любом социуме и этнокультуре. Носители разных культур стараются понять, в чем состоит сущность этих отношений и по какой причине люди столь нуждаются в ней; но эти проблемы, не находящие какого-либо единственного объяснения, стимулируют большое количество дискуссий. И всё же, люди не прекращают настойчиво исследовать и пытаться понять это явление социального и культурного бытия – самоидентификация, мироощущение и воззрение человека на мир в значительной степени детерминировано его позицией по отношению к любви, благорасположению, братским чувствам и другим позитивным межличностным отношениям.

Словари и справочники тематического типа дают возможность установить совокупность лексических единиц, в том или ином ключе отражающих концепты позитивных межличностных отношений. В первую очередь сюда относятся дружелюбие, приятельские отношения, взаимная приязнь, взаимная поддержка, благорасположение и т. п.

Главенствующую роль играют: активная коммуникация, взаимодействие, взаимное сходство людей, находящихся в вышеупомянутых отношениях друг с другом.

Интерпретацию концептов мы осуществляли путем рассмотрения компонентов, которые могут быть выделены с помощью активно используемых лексем:

- amity (добрые отношения)
- sociality (общение)
- brotherhood (побратимство)
- likeness (сходство)
- mutual knowledge (взаимное знание)
- love (любовь)
- intimacy (душевная близость)
- support (поддержка)
- introduction (первое знакомство)
- reconciliation (примирение)
- notenmity (невраждебность)

Если у человека есть друзья, он чувствует себя не одиноким в этом мире. Это мощная психологическая поддержка. Возможность получить помощь и утешение – это бальзам на душу человека. Не зря настоящий друг именуется бальзамом жизни:

A faithful friend is ***the medicine*** of life. [The Old Testament] [5]

Добрые отношения хоть и предполагают обязательства, но не сплошь состоят из них; в дружбе есть немало приятного и отрадного, что отражено в изречении:

Friendship is not necessarily the consequence of obligation. [S.Johnson]

Поддержка близкого человека часто укрепляет наш дух и утихомиривает гнев. То, что возможно в отношениях с близким человеком, невозможно в отношениях с чужим:

I was angry with my friend;

I told my wrath, my wrath did end.

I was angry with my foe:

I told it not, my wrath did grow. [W. Blake] [1, с. 128]

Если человек провинился перед другом, он приносит свои извинения и, как правило, бывает прощен.

Вышеприведенные слова Блейка “**I was angry with my friend**” служат этому иллюстрацией. Дружба нарушилась, но разгневанный человек выговорился, и она восстановилась.

У друзей всё общее, а значит, у них нет почвы для раздоров, что отражено в пословице:

Friends have everything in common.

С близкими людьми мы испытываем удовольствие о совместном препровождении свободного времени:

And the whole summer, when you drive around in the car with your friends, you see the corn grow [2, с. 115]

Разностороннее общение друг с другом – это, по А. де Сент-Экзюпери, «единственная подлинная роскошь». Оно иногда равноценно знакомству с по-настоящему драгоценной книгой, развивает наши души, повышает наш духовный уровень:

Who God does late and early pray
More of his grace than gifts to lend;
And entertains the harmless day
With a religious book or friend.
The man is freed from servile bands,
Of hope to rise, or fear to fall:
Lord of himself, though not of lands,
And having nothing, still has all. [H. Wotton] [3]

A river at my garden's end,
A terrace walk, and half a rood
Of land, set out to plant a wood. [Jonathan Swift] [4]

Библиографический список

1. Блейк У. Избранные стихи. Сборник // сост. А. М. Зверев. На англ. и русском яз. – М. : Прогресс, 1982. – 352 с.
2. 2.Bushnell, C. Sex and the City. – Abacus, 2002. – 675 p.
3. http://www.giga-usa.com/quotes/authors/henry_wotton_a001.htm
4. 4.http://en.wikisource.org/wiki/The_Works_of_the_Rev._Jonathan_Swift/Volume_7/Imitation_of_Horace,_Book_II._Sat._6
5. http://en.wikipedia.org/wiki/King_James_Version

РАБОТА С НАЦИОНАЛЬНО-МАРКИРОВАННЫМИ ЕДИНИЦАМИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

**О. М. Отменитова,
Л. П. Цоколь**

*Кандидат педагогических наук, доцент,
кандидат педагогических наук, доцент
Тверской государственной технической
университет, г. Тверь, Россия*

Summary. This article observes the national-marked linguistic units. The lexicon with a national-cultural component of semantics, on the one hand, causes interest to students learning Russian, and on the other hand, presents a great difficulty in mastering. The national marked nominative language units depending on the location of the cultural component are divided on non-equivalent and background words. In the practice of teaching Russian as a foreign language using special methods and means of presentation and semantization of these lexical units.

Keywords: Russian as a foreign language, words with the national cultural component semantics, presentation, semantization, bezekvivalention lexicon, background lexicon, lexical interference.

В методике преподавания русского языка как иностранного (РКИ) актуальным является вопрос о включении в зону педагогического внимания элементов лингвострановедения, то есть изучения языка в органическом единстве с ментальностью и культурой этноса, на что указывали Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров [1].

Национальные особенности восприятия мира фиксируются, в первую очередь, лексической системой языка. У иностранных учащихся, изучающих русский язык, национально-маркированные языковые единицы вызывают большой интерес. Но самостоятельно усвоить лексику с национально-культурным компонентом семантики иностранцу практически невозможно, за исключением онимов. Поэтому целью обучения иностранных учащихся лексике русского языка является формирование в сознании студента значения слова в том объёме и компонентном составе, в каком оно представлено в сознании носителя родного языка [2, с. 97].

Достаточно часто лексика, содержащая национально-культурный компонент семантики, служит, как считают исследователи [3], источником затруднений, которые возникают при общении представителей различных культур. В связи с этим уже в начальном курсе обучения иностранных студентов русскому языку учебные материалы включают (хоть и в незначительном количестве) национально-маркированные единицы языка. Так учебник «Мир. Вводный курс» [4] содержит 17 таких единиц, а в учебнике «Мир. Основной курс. Часть I» [5] их уже 56.

Чрезвычайно важным моментом при изучении лексического материала является его презентация и семантизация. Ознакомление иностранных студентов с лексикой, содержащей национально-культурный компонент семантики, осуществляется, как правило, на основе сопоставления денотативных, коннотативных значений и лексического фона, которые содержат расхождения в языках.

На начальном этапе обучения русскому языку при работе с безэквивалентной лексикой, т. е. словами, которые обозначают предметы или явления, отсутствующие в национальной культуре студентов (например, *сарафан* или *самовар*), используется приём толкования и описания (пояснения) с привлечением средств зрительной наглядности. Этот приём реализуется в форме лингвострановедческого комментария на родном языке учащихся или на языке-посреднике с помощью описательных выражений и даётся в учебном словаре, который составлен поурочно к учебному комплексу «Мир». Используются два типа комментария – системный и узусально-поведенческий.

Большую трудность при усвоении вызывает и такой пласт лексических единиц, как фоновая лексика. Лексическое понятие данных слов совпадает во всех языках, национально-культурный компонент находится в лексическом фоне слова, поэтому и имеются существенные расхождения в разных языках на уровне семантических долей фона языковой единицы.

Так, в период вводно-фонетического курса учащиеся встречаются со словом *хлеб*. Для русских людей хлеб – главный продукт, символизирующий сытость и богатство, поэтому существует много видов хлеба (белый, чёрный, отрубной, булочки и др.). Во многих азиатских странах под словом хлеб понимается только белый хлеб, который нельзя назвать основным продуктом в отличие от риса. Без знания фоновых различий в родном языке иностранного учащегося и в изучаемом русском языке трудно предотвратить вмешательство автоматизированного механизма родной речи, поэтому для преподавателя-русиста, по мнению Н. В. Филипповой [6, с. 145], немаловажным фактором при презентации фоновой лексики является состав обучаемых: монокультурная или поликультурная среда. Очень часто студенты переносят на изучаемые русские фоновые единицы языка тематические связи родного языка или используют свойственную своему языку синтаксическую сочетаемость, ошибочно сужая или расширяя семантику слова: *вечерний салют, цветной салют* (арабские студенты); *мирный салют, молодёжный салют, отмечать салют* (африканские учащиеся). Это так называемая лексическая интерференция. Данный процесс сказывается на умении правильно оперировать фоновой лексикой в речи. Основным средством семантизации фоновой лексики является изъяснение (перевод, комментарий) фоновой части номинативной языковой единицы. При этом семантизации подвергаются только те доли лексического фона, которые отличают русское слово от иностранного и которые необходимы и достаточны для решения коммуникативных и образовательных задач обучения. Целью изъяснения является формирование более полного представления о денотате, стоящем за лексической единицей на основе приёма компарации.

В настоящее время с развитием техники и внедрением в учебный процесс новых информационных технологий одним из наиболее эффективных путей семантизации национально-маркированных языковых единиц (безэквивалентных в первую очередь) является применение средств мультимедиа. Это тем более актуально, что возможность использования таких средств позволяет иностранным учащимся самостоятельно усваивать лингвострановедческий материал, но при условии уже сформированных под руководством преподавателя специфических умений по извлечению информации из культурологических источников, в т. ч. национально-маркированных языковых единиц.

Таким образом, при работе с русскими национально-маркированными единицами языка в иноязычной аудитории необходима верная семантизация и многосторонняя характеристика данной лексики: номинативная, словообразовательная, морфологическая, функциональная, стилистическая, социолингвистическая. В противном случае будут возникать трудности и в процессе обучения, и при межкультурной коммуникации в целом. Умение пользоваться лингвокультурологическим материа-

лом, знание его особенностей в значительной мере обуславливает практическое овладение русской речью.

Библиографический список

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. – М. : Русский язык, 1980.
2. Привалова И. В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность: теоретико-экспериментальные исследования : дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2006.
3. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М. : Наука, 1977.
4. Мир : учебник русского языка для подготовительных факультетов. Вводный курс. – 3-е изд., испр. и доп. / Цоколь Л. П., Отменитова О. М. – Тверь : ТвГТУ, 2013.
5. Мир : учебник русского языка для подготовительных факультетов. Основной курс. – 2-е изд., испр. и доп. / Цоколь Л. П., Отменитова О. М.; Федеральное агентство по образованию, Тверской государственный технический университет. – Тверь, 2010.
6. Филиппова Н. В. Методика обучения национально-маркированной лексике на основе межкультурного подхода в языковом вузе : дис. ... канд. пед. наук. – Улан-Удэ, 2002.

**План международных конференций, проводимых вузами России,
Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Ирана,
Казахстана, Узбекистана, Украины и Чехии на базе
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2015 году**

15–16 января 2015 г.

V международная научно-практическая конференция

**«Информатизация общества: социально-экономические,
социокультурные и международные аспекты»**

(К-01.15.15)

17–18 января 2015 г.

III международная научно-практическая конференция

«Развитие творческого потенциала личности и общества»

(К-01.17.15)

25–26 января 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Региональные
социогуманитарные исследования: история и современность»**

(К-01.25.15)

27–28 января 2015 г.

II международная научно-практическая конференция **«Идентичность личности
и группы: психолого-педагогические
и социокультурные аспекты»**

(К-01.27.15)

5–6 февраля 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Актуальные социально-
экономические проблемы развития трудовых отношений»**

(К-02.05.15)

10–11 февраля 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Педагогические,
психологические и социологические вопросы профессионализации личности»**

(К-02.10.15)

15–16 февраля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Психология XXI
века: теория, практика, перспективы»**

(К-02.15.15)

16–17 февраля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Общество, культура, личность
в современном мире»**

(К-02.16.15)

20–21 февраля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Инновации и современные педагогические технологии в системе образования»**
(К-02.20.15)

25–26 февраля 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Экологическое образование и экологическая культура населения»**
(К-02.25.15)

1–2 марта 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Национальные культуры в социальном пространстве и времени»**
(К-03.01.15)

3–4 марта 2015 г.

II международная научно-практическая конференция **«Современные философские парадигмы: взаимодействие традиций и инновационные подходы»**
(К-03.03.15)

5–6 марта 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях»**
(К-03.05.15)

10–11 марта 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Социогуманитарные и медицинские аспекты развития современной семьи»**
(К-03.10.15)

13–14 марта 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы современных общественно-политических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты»**
(К-03.13.15)

15–16 марта 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность»** (К-03.15.15)

20–21 марта 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика»**
(К-03.20.15)

25–26 марта 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований»**
(К-03.25.15)

27–28 марта 2015 г.

II международная научно-практическая конференция **«Современные инфокоммуникационные и дистанционные технологии в образовательном пространстве»**
(К-03.27.15)

29–30 марта 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Развитие личности: психологические основы и социальные условия»**
(К-03.29.15)

1–2 апреля 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе»**
(К-04.01.15)

5–6 апреля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия»**
(К-04.05.15)

7–8 апреля 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Миграционная политика и социально-демографическое развитие стран мира»**
(К-04.07.15)

10–11 апреля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке»**
(К-04.10.15)

15–16 апреля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Информационно-коммуникационное пространство и человек»**
(К-04.15.15)

18–19 апреля 2015 г.

II международная научно-практическая конференция **«Преимственность уровней образования: содержание, управление, мониторинг»**
(К-04.18.15)

20–21 апреля 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук»**
(К-04.20.15)

22–23 апреля 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Социально-культурные институты в современном мире»**
(К-04.22.15)

25–26 апреля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Детство, отрочество и юность в контексте научного знания»**
(К-04.25.15)

28–29 апреля 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия»**
(К-04.28.15)

2–3 мая 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования»**
(К-05.02.15)

5–6 мая 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция **«Теория и практика гендерных исследований в мировой науке»**
(К-05.05.15)

10–11 мая 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире»**
(К-05.10.15)

13–14 мая 2015 г.

II международная научно-практическая конференция **«Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы»**
(К-05.13.15)

15–16 мая 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция **«Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия»**
(К-05.15.15)

20–21 мая 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Текст. Произведение. Читатель»**
(К-05.20.15)

22–23 мая 2015 г.

II международная научно-практическая конференция **«Реклама в современном мире: история, теория и практика»**
(К-05.22.15)

25–26 мая 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества»**
(К-05.25.15)

1–2 июня 2015 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Социально-экономические проблемы современного общества»**

(К-06.01.15)

10–11 сентября 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция **«Проблемы современного образования»**

(К-09.10.15)

15–16 сентября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Новые подходы в экономике и управлении»**

(К-09.15.15)

20–21 сентября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы»**

(К-09.20.15)

25–26 сентября 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения»**

(К-09.25.15)

28–29 сентября 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации»**

(К-09.28.15)

1–2 октября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Иностранный язык в системе среднего и высшего образования»**

(К-10.01.15)

5–6 октября 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция **«Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований»**

(К-10.05.15)

10–11 октября 2015 г.

II международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы связей с общественностью»**

(К-10.10.15)

12–13 октября 2015 г.

Международная научно-практическая конференция «**Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития**» (К-10.12.15)

13–14 октября 2015 г.

II международная научно-практическая конференция «**Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях**»
(К-10.13.15)

15–16 октября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция «**Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия**»
(К-10.15.15)

20–21 октября 2015 г.

Международная научно-практическая конференция «**Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования**» (К-10.20.15)

25–26 октября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция «**Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов**»
(К-10.25.15)

1–2 ноября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция «**Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия**»
(К-11.01.15)

3–4 ноября 2015 г.

Международная научно-практическая конференция «**Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования**»
(К-11.03.15)

5–6 ноября 2015 г.

II международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы**»
(К-11.05.15)

15–16 ноября 2015 г.

III международная научно-практическая конференция «**Проблемы развития личности: многообразие подходов**»
(К-11.15.15)

20–21 ноября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция «**Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования**»
(К-11.20.15)

25–26 ноября 2015 г.

IV международная научно-практическая конференция «**История, языки и культуры славянских народов: от истоков к будущему**»
(K-11.25.15)

1–2 декабря 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция «**Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях**»
(K-12.01.15)

3–14 декабря 2015 г.

III международная научно-практическая конференция «**Проблемы и перспективы развития экономики и управления**»
(K-12.03.15)

5–6 декабря 2015 г.

II международная научно-практическая конференция «**Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук**»
(K-12.05.15)

**Plan of the international conferences organized by Universities
of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Iran, Kazakhstan,
Uzbekistan, Ukraine and the Czech Republic on the basis
of Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» in 2015**

January, 15–16, 2015.

V international scientific conference «**Informatization of society: socio-economic, socio-cultural and international aspects**»
(K-01.15.15)

January, 17–18, 2015.

III international scientific conference «**Development of the creative potential of a person and society**»
(K-01.17.15)

January, 25–26, 2015.

V international scientific conference «**Regional socio-humanitarian researches: history and contemporaneity**»
(K-01.25.15)

January, 27–28, 2015.

II international scientific conference «**Identity of a personality and a group: psycho-pedagogical and sociocultural aspects**»
(K-01.27.15)

February, 5–6, 2015.

V international scientific conference «**Actual socio-economic problems of development of labor relations**»
(K-02.05.15)

February, 10–11, 2014.

International scientific conference «**Pedagogical, psychological and sociological issues of professionalizing of a personality**»

(K-02.10.15)

February, 15–16, 2014.

V international scientific conference «**Psychology of the 21st century: theory, practice, prospect**»

(K-02.15.15)

February, 16–17, 2014.

V international scientific conference «**Society, culture, personality in modern world**»

(K-02.05.14)

February, 20–21, 2014.

V international scientific conference «**Innovations and modern pedagogical technologies in the education system**»

(K-02.20.15)

February, 25–26. 2014.

III international scientific conference «**Ecological education and ecological culture of the population**»

(K-02.25.15)

March, 1–2, 2014.

III international scientific conference «**Ethnic cultures in social space and time**»

(K-03.01.15)

March, 3–4, 2015.

II international scientific conference «**Modern philosophic paradigms: interrelation of traditions and innovative approaches**»

(K-03.03.15)

March 5–6, 2014.

V international scientific conference «**Symbolic and archetypic in culture and social relations**»

(K-03.05.15)

March, 10–11, 2014.

International scientific conference «**Socio-humanitarian and medical aspects of development of a modern family**»

(K-03.10.14)

March, 13–14, 2015

III international scientific conference «**Current issues of modern socio-political phenomena: theoretical and methodological and applied aspects**»

(K-03.13.15)

March, 15–16, 2015.

V international scientific conference «**Social and economic development and quality of life: history and modern times**»

(K-03.13.15)

March, 20–21, 2015.

IV international scientific conference «**Humanization of education and upbringing in the education system: theory and practice**»

(K-03.20.15)

March, 25–26, 2015.

VI international scientific conference «**Current issues of the theory and practice of philological researches**»

(K-03.25.15)

March, 27–28, 2015.

III international scientific conference «**Modern infocommunication and remote technologies in the educational space of school and higher education institution**»

(K-03.27.15)

March, 29–30, 2015.

III international scientific conference «**Personal development: psychological basis and social conditions**»

(K-03.29.15)

April, 1–2, 2015.

International scientific conference «**Building a culture of independent thinking in the educational process**»

(K-04.01.15)

April, 5–6, 2015.

V international scientific conference «**Peoples of Eurasia: history, culture and interaction problems**»

(K-04.05.15)

April, 7–8, 2015.

International scientific conference «**Migration policy and socio-demographic development of the world**»

(K-04.07.15)

April, 10–11, 2015.

V international scientific conference «**Problems and prospects of professional education in the 21st century**»

(K-04.10.15)

April, 15–16, 2015.

V international scientific conference «**Informative and communicative space and a person**»

(K-04.15.15)

April, 18–19, 2015.

II international scientific conference «**Continuity of education levels: contents, management, monitoring**»

(K-04.18.15)

April, 20–21, 2014.

International scientific conference «**Human health as an issue of medical and social sciences and humanities**»

(K-04.20.14)

April, 22–23, 2015.

III international scientific conference «**Social and cultural institutions in the modern world**»

(K-04.22.15)

April, 25–26, 2015.

V international scientific conference «**The childhood, adolescence and youth in a context of scientific knowledge**»

(K-04.25.15)

April, 28–29, 2015.

International scientific conference «**Culture, civilization and society: a paradigm of research and trends in interaction**»

(K-04.28.15)

May, 2–3, 2015.

III international scientific conference «**Modern technologies in system of additional and professional education**»

(K-05.02.15)

May, 5–6, 2014.

VI international scientific conference «**The theory and practice of gender researches in world science**»

(K-05.05.15)

May, 10–11, 2014.

III international scientific conference «**Risks and safety in rapidly changing world**»

(K-05.10.15)

May, 13–14, 2015.

II international scientific conference «**The culture of tolerance in a context of globalization: methodology of research, reality and prospect**»

(K-05.13.15)

May, 15–16, 2015.

VI international scientific conference «**Psycho-pedagogical problems of a personality and social interaction**»

(K-05.15.15)

May, 20–21, 2015.

III international scientific conference «**Text. Literary work. Reader**»
(K-05.20.15)

May, 22–23, 2015.

II international scientific conference «**Advertizing in the modern world: history, theory and practice**»
(K-05.22.15)

May, 25–26, 2015.

V international scientific conference «**Innovative processes in economic, social and spiritual spheres of life of society**»
(K-05.25.15)

June, 1–2, 2015.

IV international scientific conference «**Social and economic problems of modern society**»
(K-06.01.15)

September, 10–11, 2015.

VI international scientific conference «**Problems of modern education**»
(K-09.10.15)

September, 15–16, 2015.

V international scientific conference «**New approaches in economy and management**»
(K-09.15.15)

September, 20–21, 2015.

V international scientific conference «**Traditional and modern culture: history, actual situation, prospects**»
(K-09.20.15)

September, 25–26, 2015.

III international scientific conference «**Problems of formation of a professional: theoretical analysis principles and practical solutions**»
(K-09. 25.15)

September, 28–29, 2015.

III international scientific conference «**Ethnocultural identity as a strategic resource of consciousness of society in the conditions of globalization**»
(K-09.28.15)

October, 1–2, 2014.

V international scientific conference «**Foreign language in the system of secondary and higher education**»
(K-10.01.15)

October, 5–6, 2014

VI international scientific conference «**Family in a context of pedagogical, psychological and sociological researches**»
(K-10.05.15)

October, 10–11, 2014.

II international scientific conference «**Current issues of public relations**»

(K-10.10.15)

October, 12–13, 2015.

International scientific conference «**Computerisation of higher education: current situation and development prospects**»

(K-10.12.15)

October, 13–14, 2015.

III international scientific conference «**Purposes, tasks and values of education in modern conditions**»

(K-10.13.15)

October, 15–16, 2015.

V international scientific conference «**Personality, society, state, law: problems of correlation and interaction**»

(K-10.15.15)

October, 20–21, 2015.

International scientific conference «**Modern developmental psychology: main trends and prospects of research**»

(K-10.20.15)

October, 25–26, 2015.

V international scientific conference «**Socio-economic, sociopolitical and sociocultural development of regions**»

(K-10.25.15)

November, 1–2, 2015.

V international scientific conference «**Religion – science – society: problems and prospects of interaction**»

(K-11.01.15)

November, 3–4, 2015.

II international scientific conference «**Professionalism of a teacher in the information society: problems of formation and improvement**»

(K-11.03.15)

November, 5–6, 2015.

III international scientific conference «**Current issues of social researches and social work**»

(K-11.05.15)

November, 15–16, 2015.

III international scientific conference «**Problems of development of a personality**»

(K-11.15.15)

November, 20–21, 2015.

V international scientific conference «**Preparing a competitive specialist as a purpose of modern education**»

(K-11.20.15)

November, 25–26, 2015.

IV international scientific conference «**History, languages and cultures of the Slavic people: from origins to the future**»

(K-11.25.15)

December, 1–2, 2015.

VI international scientific conference «**Practice of communicative behavior in social and humanitarian researches**»

(K-12.01.15)

December, 3–4, 2015.

III international scientific conference «**Problems and prospects of development of economy and management**»

(K-12.03.15)

December, 5–6, 2014.

II international scientific conference «**Safety of a person and society**»

(K-12.05.15)

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛАХ «СОЦИОСФЕРА» И «PARADIGMATA POZNÁNÍ»

Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» (ISSN 2078-7081) публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям.

Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера», а также на сайтах Электронной научной библиотеки и Directory of open access journals.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука.
- В помощь преподавателю.
- В помощь учителю.
- В помощь соискателю.

Периодичность выпуска – 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Главный редактор – Б. А. Дорошин, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия: Дорошина Илона Геннадьевна, кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск), Антипов Михаил Александрович, кандидат фило-

софских наук, доцент, Ефимова Диана Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент, Саратовцева Надежда Валентиновна, кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет: Арабаджийски Николай, PhD., профессор (экономика – София, Болгария), Берберян Ася Суреновна, доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения), Большакова Алла Юрьевна, доктор филологических наук, (Москва, Россия), Волков Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия), Голандам Араш Карим, доцент (филология – Решт, Иран), Гончаров Вадим Николаевич, доктор философских наук, доцент (Ставрополь, Россия), Гринин Леонид Ефимович, доктор философских наук, академик РАЕН (Волгоград, Россия), Исламов Захиджан Махмудович, доктор филологических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), Кашпарова Ева, PhD. (социология – Прага, Чехия), Кондрашин Виктор Викторович, доктор исторических наук, профессор (Пенза, Россия), Минияров Валерий Максимович, доктор педагогических наук, профессор (Самара, Россия), Мохначева Марина Петровна, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук, (г. Кызылорда, Казахстан), Сапик Мирослав, PhD., доцент (философия – Колин, Чехия), Сердобинцева Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Пенза, Россия), Танцошова Джудита, PhD. профессор (экономика – Братислава, Словакия), Христова Наталия Цветанова, PhD., профессор (история – София, Болгария), Хрусталькова Наталья Александровна, доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия), Цибак Любош, PhD., MBA (экономика – Братислава, Словакия).

Чешский научный журнал **«Paradigmata poznání»** (Парадигмы познания) публикует научные статьи, теоретические обзоры и результаты эмпирических исследований, отзывы на книги, статьи, диссертации, рецензии, отчеты о научных мероприятиях по социально-гуманитарным, техническим и естественно-научным дисциплинам. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем.

Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на чешском, английском и русском языках. Журнал «Социосфера» зарегистрирован Международным Центром ISSN (региональное отделение в г. Прага), ему присвоен номер ISSN 2336-2642. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера» <http://sociosphere.com>, на сайте Электронной научной библиотеки по адресу <http://elibrary.ru>, а также на сайте Directory of open access journals по адресу <http://www.doaj.org>.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Теория и анализ.
- Эмпирические и прикладные исследования.
- Обзоры, рецензии и отзывы.
- Научная жизнь.

Периодичность выпуска – 4 номера в год (февраль, май, август, ноябрь).

Главный редактор – Дорошина Илона Геннадьевна,

кандидат психологических наук, доцент,

заместитель главного редактора – **Кушаев Умиджон Рахимович,**

кандидат философских наук.

Редакционная коллегия: Абдуллаев Равшан Вахидович, доктор экономических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), Бойцов Виктор, DrSc., профессор (информационные системы – Рига, Латвия), Бушина Филип, PhD., MBA (экономика – Колин, Че-

хия), Вернигора Александр Николаевич, кандидат биологических наук, доцент (Пенза, Россия), Девятых Сергей Юрьевич, кандидат психологических наук, доцент (Витебск, Беларусь), Замаровский Петер, RNDr. (естественные науки – Прага, Чехия), Ивановска Божена, PhD. (социология – Варшава, Польша), Кашпарова Ева, PhD. (социология – Прага, Чехия), Крейчова Ленка, PhD. (психология – Прага, Чехия), Кобец Петр Николаевич, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия), Коротаев Андрей Витальевич, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), Кэмп Марианне, PhD., доцент, (история – Вайоминг, США), Лидяк Ян, PhD., профессор (международные отношения – Колин, Чехия), Митюков Николай Витальевич, доктор технических наук, профессор (Ижевск, Россия), Сапик Мирослав, PhD., доцент (философия – Колин, Чехия), Сигмунд Томаш, PhD. (философия – Прага, Чехия), Сзуппе Мария, PhD. (история – Иври-сюр-Сен, Франция), Танцошова Джудита, PhD., профессор (экономика – Братислава, Словакия), Хаджкова Ванда, DrPaed., доцент (педагогика – Прага, Чехия), Хайруллина Нурсафа Гафуровна, доктор социологических наук, профессор (Тюмень, Россия).

Требования к оформлению материалов, отправляемых в журналы «Социосфера» и «Paradigmata poznání»

Материалы представляются в электронном виде на e-mail sociosphere@yandex.ru. Каждая статья должна иметь УДК (см. www.vak-journal.ru/spravochnikudc/; www.jscc.ru/informat/grnti/index.shtml). Формат страницы А4 (210 x 297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полутонный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название жирным шрифтом, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. В статьях методического характера следует указать дисциплину и специальность учащихся, для которых эти материалы разработаны. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. После пропущенной строки следует аннотация (3–4 предложения) и ключевые слова на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Ссылки расставляются вручную. Объем представляемого к публикации материала (сообщения, статьи) может составлять 4–25 страниц. Заявка располагается после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации.

Имя файла, отправляемого по e-mail,
для журнала «Социосфера»

соответствует фамилии и инициалам первого автора, например: **Петров ИВ** или **German P**. Оплаченная квитанция присылается в отсканированном виде и должна называться, соответственно **Петров ИВ квитанция** или **German P receipt**.

для журнала «Paradigmata poznání» файл со статьей – **PP-Петров ИВ** или **PP-German P**, квитанция – **PP-Петров ИВ квитанция** или **PP-German P receipt**.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы.

Стоимость публикации в журналах составляет 250 рублей за 1 страницу. Выпущенная в свет статья предусматривает выдачу одного авторского экземпляра. Дополни-

тельные экземпляры (в случае соавторства) могут быть выкуплены в необходимом количестве из расчета 250 рублей за один экземпляр.

INFORMATION ABOUT THE JOURNALS «SOCIOSPHERE» AND «PARADIGMATA POZNÁNÍ»

Methodological and theoretical journal «Sociosphere» publishes scientific articles and methodological books for lessons and complementary activities at social-humanitarian disciplines for professional and comprehensive schools. Themes of journal cover a wide range of problems. Materials about philosophy, sociology, history, culturology, study of art, philology, psychology, pedagogy, law, economics and other social-humanitarian areas are accepted.

The journal invites to cooperation Russian and foreign authors and accepts materials in Russian and English languages for publication. Full-text versions of all issues of journal will be placed on the website of Scientific Publishing Center «Sociosphere» <http://sociosphera.com> and on the website of Electronic research library at <http://elibrary.ru> and also on the website of Directory of open access journals at <http://www.doaj.org>.

The content of journal has following parts:

- Science
- In help to professors
- In help to teachers
- In help to doctoral candidates.

Periodicity of journal – 4 issues in a year (March, June, September, December).

Editor-in-Chief– Boris Doroshin,
candidate of historical sciences, assistant professor

Editorial board

Ilona G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor (responsible for release), Michail A. Antipov, candidate of philosophical sciences, assistant professor, Diana V. Efimova, candidate of psychological sciences, assistant professor, Nadezhda V. Saratovceva, candidate of pedagogical sciences, assistant professor.

The international editorial council

Nikolay Arabadzhiiski, Ph.D, professor (Economics – Sofia, Bulgaria), Alla Yu. Bolshakova, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia), Asya S. Berberyan, Doctor of Psychological Sciences, professor (Erevan, Armenia), Sergey N. Volkov, Doctor of Philosophy, professor (Penza, Russia), Arash K. Golandam, assistant professor (Philology – Rasht, Iran), Vadim N. Goncharov, Doctor of Philosophy, assistant professor (Stavropol, Russia), Leonid E. Grinin, Doctor of Philosophy, academician of RANS (Volgograd, Russia), Zahidzhan M. Islamov, Doctor of Philological Sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan), Eva Kashparova, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic), Natalia. Ts. Khristova, Ph.D, professor (History – Sofia, Bulgaria), Viktor V. Kondrashin, Doctor of Historical Sciences, professor (Penza, Russia), Valeriy M. Miniyarov, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Samara, Russia), Marina P. Mokhnacheva, Doctor of Historical Sciences, professor (Moscow, Russia), Murat O. Nasimov, Candidate of Political Sciences (Kyzylorda, Kazakhstan), Miroslav Sapik, Ph.D, assistant professor (Philosophy – Kolin, Czech Republic), Elena N.

Serdobintseva, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia), Judita Tancoshova, Ph.D, professor (Economics – Bratislava, Slovakia), Natalia A. Hrustalkova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Penza, Russia), Lubosh Cibak, Ph.D, MBA (Economics – Bratislava, Slovakia).

Czech science journal «**Paradigmata poznání**» (ISSN 2336-2642) publishes research papers, theoretical surveys and results of empirical studies, reviews for books, articles, dissertations, reviews, reports about scientific events at social-humanitarian, technical and natural-scientific disciplines. Themes of journal cover a wide range of problems.

The journal invites to cooperation Russian and foreign authors and accepts materials in Russian and English languages for publication. Full-text versions of all issues of journal will be placed on the website of Scientific Publishing Center «Sociosphere» <http://sociosphere.com> and on the website of Electronic research library at <http://elibrary.ru> and also on the website of Directory of open access journals at <http://www.doaj.org>.

The content of journal has following parts:

1. Theory and analyses.
2. Empirical and applied studies.
3. Surveys, reviews and comments.
4. Science life.

Periodicity of journal – 4 issues in a year (February, May, August, November).

Editor-in-Chief – Ilona G. Doroshina,

candidate of psychological sciences, assistant professor

Deputy Editor-in-Chief – Umidjon R. Kushaev, Ph.D. (philosophy),

International editorial board

Ravshan V. Abdullayev, doctor of economic sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan), Victor Boicov, DrSc., professor (Information Systems – Riga, Latvia), Phillip Bushina, Ph.D., MBA (Economics – Colin, Czech Republic), Aleksandr N. Vernigora, candidate of biological sciences, assistant professor (Penza, Russia), Sergey Yu. Devyatych, candidate of psychological sciences, assistant professor (Vitebsk, Belarus), Bozhena Ivanovska, Ph.D. (Sociology – Warsaw, Poland), Vanda Hajkova, DrPaed., associate professor (Education – Prague, Czech Republic), Eva Kashparova, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic), Nursafa G. Khayrulina, doctor of sociological sciences, professor (Tyumen, Russia), Lenka Krejcova, Ph.D. (Psychology – Prague, Czech Republic), Petr N. Kobets, doctor of law, professor (Moscow, Russia), Andrey V. Korotayev, doctor of history, professor (Moscow, Russia), Marianne Kamp, Ph.D, associate professor (History – Wyoming, USA), Jan Lidyak, Ph.D. professor (Political science – Colin, Czech Republic), Nikolay V. Mityukov, doctor of technical sciences, professor (Izhevsk, Russia), Miroslav Sapik, Ph.D. associate professor (Philosophy – Kolin, Czech Republic), Tomash Sigmund, Ph.D. (Philosophy – Prague, Czech Republic), Mariya Szuppe, Ph.D. (History – Ivry-sur-Seine, France), Judita Tancoshova, Ph.D, professor (Economics – Bratislava, Slovakia), Peter Zamarovsky, RNDr. (Nature Sciences – Prague, Czech Republic).

Guidelines for publications sent to the journals «Sociosphere» and «Paradigmata poznání»

Articles are to be sent in electronic format to e-mail: sociosphere@yandex.ru or sociosfera@seznam.cz. Each article should have a UDC. Page format: A4 (210x297mm). Margins: top, bottom, right – 2cm, left – 3cm. The text should be typed in 14 point font Times New Roman, 1.5 spaced, indented line – 1.25, Normal style. The title is typed in central alignment. The second line comprises the initials and the family name of the author(s); central alignment. The third line comprises the name of the organization, city, country; central alignment. The methodical articles should indicate discipline and specialization of students for which these materials are developed. After a blank line the name of the article in English is printed. On the next line the name of the authors in English is printed. Next line name of the work place, city and country in English. After one line space comes the abstract in English (3–4 sentences) and a list of key words in English. The text itself is typed after one line space. Graphs, figures, charts are included in the body of the article and count in its total volume. References should be given in square brackets. Bibliography comes after the text as a numbered list, in alphabetical order, one item per number. References should be inserted manually. Footnotes are not acceptable. The size of the article is 4–25 pages. The registration form is placed after the text of the article and is not included in its total volume.

The name of the file

for the journal «Sociosphere» – family name and initials of the first author, for example: **German P**. The payment confirmation should be scanned and e-mailed, it should be entitled, for example **German P receipt**.

for the journal «Paradigmata poznání» – the file with an article – **PP-German P**, the payment confirmation – **PP-German P receipt**.

Materials should be prepared in Microsoft Word, thoroughly proof-read and edited.

**Образец оформления статьи для журналов
«Социосфера» и «Paradigmata poznání»**

**Sample of articles for journals
«Sociosphere» and «Paradigmata poznání»**

УДК 94(470)»17/18»

Культура г. Семиреченска в XIX веке

И. И. Иванов, кандидат исторических наук, доцент,

В. В. Петров, аспирант

Семиреченский институт экономики и права,

г. Семиреченск, N-ский край, Россия

Culture in Semirechensk in the XIX century

I. I. Ivanov, candidate of historical sciences, assistant professor;

V. V. Petrov, postgraduate student

Semirechensk Institute of Economics and Law,

Semirechensk, N-sk region, Russia

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described in these problems.

Keywords: local history; socio-economic history; periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития
г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в

местных периодических изданиях. В связи с этим представляется актуальным произвести обобщение и систематизацию всех сохранившихся в них публикаций по данной проблематике. Некоторую часть из них включил в источниковую базу своего исследования Г. В. Нефедов [2, с. 7–8]. ...

Библиографический список

1. Богданов К. Ф. Из архивной старины. Материалы для истории местного края // Семиреченские ведомости. – 1911. – № 95.
2. Нефедов Г. В. Город-крепость Семиреченск. – М. : Издательство «Наука», 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. URL: <http://semirechensk-history.ru/ocherki> (дата обращения: 20.04.2011).
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / Гл. ред. Т. П. Петров – СПб. : Новая энциклопедия, 1991. – Т. 3. – С. 67–68.
5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. – New York. : H-Studies, 2001. – 230 p.

Сведения об авторе

Фамилия

Имя

Отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

Домашний адрес

Домашний или сотовый телефон

E-mail

Научные интересы

Согласен с публикацией статьи на сайте до выхода журнала из печати?

Да/нет (оставить нужное)

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок).
- Изготовление оригинал-макета.
- Дизайн обложки.
- Печать тиража в типографии.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals;
- ✓ autoabstracts;
- ✓ dissertations;
- ✓ monographs;
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered
Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
or in Russia
(in the output of the publication will be registered
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors).
- Making an artwork.
- Cover design.
- Print circulation in typography is by arrangement.

These types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text;
- production of an artwork;
- cover design;
- printing coloured flexicover;
- printing copies in printing office;
- ISBN assignment;
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic;
- sending books to the author by the post.

Circulation includes copies, which are obligatory delivered to the leading libraries of the Czech Republic (5 items) or to Russian Central Institute of Bibliography (16 items)..

Other options will be considered on an individual basis. For questions and requests you can contact us by e-mail sociosphere@yandex.ru.

Science Publishing Center «Sociosphere-CZ»
Gilan State University

**CURRENT ISSUES OF THE THEORY AND PRACTICE
OF LINGUISTIC CROSS-CULTURAL LEXICOGRAPHY**

Materials of the III international scientific conference
on December 5–6, 2014

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Signed in print 23.12.2014.60x84/16 format.
Writing white paper. Publisher's sheets 9,177.
100 copies.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz